

"Желтый дракон ЦЗЯО"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

ПРЕДИСЛОВИЕ

Роман «Желтый дракон Цзяо» я начал читать, не имея ни малейшего представления об авторе, но зато хорошо зная то, чему посвящена книга. В свое время в Японии мне немало рассказывали о «триадах», да и исторической литературы читал я о них достаточно. Мне не доводилось бывать в Сингапуре, Таиланде, Гонконге. Но я был в Японии и Индии, а у этих краев много общего.

И меня поразили точность и достоверность описываемого, поразили присущий роману восточный колорит. Но дело не только в этом. Облик и поведение героев, их поступки, их мысли — все это показалось мне глубоко интересным.

Повесть или роман о зарубежной жизни — столь близкий мне жанр — требует глубокого, всестороннего знания истории страны, ее обычаев. Здесь не обойдешься без деталей, без мелочей, почерпнутых из личных наблюдений, но только, упаси бог, не поверхностных. Иначе вместо художественного произведения получится нечто бутафорское. И это даже в том случае, если автор отнюдь не бездарность.

Андрей Левин, безусловно, одаренный литератор. Доказательство тому — первое его художественное произведение. Написать сразу хороший роман, минуя повесть и рассказ, дано не каждому.

Признаться, я полагал, что Левин — умудренный жизнью, много повидавший и переживший, много узнавший, пожилой человек. Оказалось, что прав я во всем, кроме последнего. На Всесоюзном семинаре молодых литераторов, который недавно проводил наш совет по приключенческой и научно-фантастической литературе при правлении Союза писателей СССР, ко мне подошел молодой парень и представился: «Левин Андрей».

Андрей Левин окончил институт восточных языков и иными из них владеет в совершенстве. объездил Юго-Восточную Азию, бывал и в Сингапуре, и в Таиланде, и в Гонконге, а во Вьетнаме живет вот уже несколько лет — работает корреспондентом «Комсомольской правды».

Левин был в этой стране и в самые тяжелые для нее времена: войну он познал не по сводкам, не по газетным статьям, а встречался с ней лицом к лицу, не раз бывал под бомбежками. За проявленное мужество награжден медалью «За боевые заслуги».

И сейчас Андрей Левин в далеком и вместе с тем близком нам Вьетнаме, на своем журналистском посту. Во Вьетнаме свободном, бодро шагающем по светлому пути социализма. И, быть может, мы прочтем вскоре новый роман Андрея Левина, посвященный на этот раз не желтым, уходящим в прошлое теням, а подлинно прекрасному единению трех сил: человека, земли и неба.

Александр КУЛЕШОВ, первый заместитель председателя Всесоюзного совета по научно-фантастической и приключенческой литературе Союза писателей СССР

Андрей Левин

Желтый дракон ЦЗЯО

ПРОЛОГ

КЛЯТВА В МОНАСТЫРЕ

За невысокой каменной оградой Шаолинского монастыря прозвучало несколько гулких ударов в колокол. Тягучий, вязкий звон на мгновение повис в воздухе. Затем он медленно поплыл через монастырские стены, через начинавшуюся сразу же за ними ивовую рощу, через террасы рисовых полей, гигантскими ступенями сбегавших со склонов гор, и утонул в сочно-зеленом бархате густой тропической растительности где-то у вершин...

Время вечерней трапезы и службы уже прошло. Поэтому монахи, направляясь небольшими группами из своих келий в молельню, вполголоса спрашивали друг у друга, что мог означать сей неожиданный призыв.

Через несколько минут двор опустел. Звонарь пробил вторую стражу. [1] В этот момент из отдаленной кельи вышли еще четыре послушника. Один из них, оглянувшись по сторонам, убедился, что за ними никто не наблюдает, и кивнул остальным. Все четверо быстро пересекли двор и исчезли в воротах.

Покосившиеся ворота с надписью «Кумирня, где постигается мудрость», обшарпанные, местами полуразвалившиеся стены, заброшенный, поросший дикими травами сад, давно не крашенные постройки — все свидетельствовало о том, что святая обитель переживает далеко не лучшие времена.

Когда-то здесь устраивались ослепительно-роскошные приемы местной знати из соседнего городка и окрестных деревень, литературные вечера, представления театра теней, праздники фонарей, [2] шумные ярмарки. Но все это осталось в прошлом. В 1644 году Минская династия пала под ударами маньчжурских орд. Многие города были разрушены до основания, опустошены целые районы. Несметное количество отрубленных голов служило жутким украшением дороги завоевателей. Мужчин, чтобы унижить побежденных, под страхом смертной казни заставляли, по маньчжурскому обычаю, носить косу и брить часть головы. В деревнях новые власти установили жесткий закон круговой поруки — баоцзя. Доносы, преследования, пытки, казни стали таким же обычным атрибутом сельской жизни, как поклонение культу предков.

Особенно настороженно маньчжуры относились к монастырям, считая их очагами смут и беспорядков. Храмы, которые на протяжении веков были не только религиозными, но и культурными центрами Китая, хирели.

Пришел в запустение и Шаолинский монастырь. Не было здесь больше торжественных обедов с неповторимыми, разносившимися далеко вокруг ароматами китайской кухни. Перестали наезжать поэты, читавшие свои стихи перед толпой восторженных почитателей. В монастырских стенах не звучали уже мелодичные трели любимой в народе бамбуковой дудочки юэ. Не стало слышно веселого гомона многолюдных ярмарок. И даже бедные странники не могли найти здесь приюта, как это бывало раньше. Маньчжуры строжайше запрещали всякие сборища, они хватали каждого, кто казался им подозрительным.

Китай медленно увядал под игом маньчжурской династии Цин. [3]

Но с первых же лет установления чужестранного господства народ стал оказывать упорное сопротивление поработителям. Восстания вспыхивали то в одной, то в другой провинции.

Среди крестьян в монастырях начали появляться тайные общества. Они пользовались большим уважением в народе, потому что провозгласили лозунг «Да возвысится великая Минская династия и да падет Цинский дом!» Сто восемь послушников Шаолинского монастыря вели добропорядочный образ жизни, довольствуясь молениями, скромными трапезами, и редко

покидали свою обитель. Но впечатление покорности и непричастности к мирским делам, которое создавало тихое, размеренное существование обитателей святилища, было внешним. В скромной кумирне вынашивались планы восстания против чужеземцев. Монахи создали тайное общество и в соответствии с древней китайской концепцией трех основных сил в мире — неба, земли и человека — назвали его «Саньхэхой», или «Триада».

...В молельне было тесно и душно. Монахи сидели на полу плотно сомкнутыми рядами. Несколько послушникам не хватило места, и они уселись на потрескавшиеся каменные ступени у входа.

На алтаре стояла небольшая бронзовая статуэтка Конфуция, [4] курильница и две свечи. На стене висела икона бога литературы, войны и богатства Гуань Юя. Гуань Юй восседал на троне в головном уборе императора, со сложенными на груди руками. От уголков губ божества свисали длинные, но жидкие усы. Вокруг Гуань Юя стояла свита: двое юношей с одинаковыми лицами, воин с алебардой и чиновник. По обеим сторонам от иконы висели две красные дощечки с поволоченными иероглифами. Перед алтарем были курильницы побольше — с зажженными благовонными палочками. Палочки медленно тлели, наполняя помещение приторным запахом фимиама. Кругом горело много свечей. Красноватые, мерцающие блики танцевали на бледных, землистых лицах монахов.

— Братья! — обратился к присутствующим настоятель монастыря, высохший старик с серым, морщинистым лицом, реденькой седой бородкой и птичьей шеей. — Небо и Земля рожают людей. Люди добрые рождаются по предопределению доброй судьбы, а злодей — по велению злого рока. Дух чистоты и разума властвовал всегда в нашем храме. Но тонкая, как шелковинка, струйка зла и коварства просочилась под наши своды. Червь алчности выел душу одного из нас. Он предал братьев, с которыми делил рис и воду в течение многих лет.

вернуться

1

В старом Китае вечернее и ночное время делилось на двухчасовые отрезки, которые назывались стражей. Первая стража начиналась в семь часов вечера.

вернуться

2

Праздник фонарей отмечался в старом Китае 15-го числа первого месяца по лунному календарю. В праздничную ночь жилища украшались разноцветными фонарями, по вечерам на улицах устраивались шествия с изображением дракона.

вернуться

3

Цинская династия господствовала в Китае до 1912 года.

вернуться

Древнекитайский философ (I в. до н. э.), положивший начало конфуцианству — одной из религий, и поныне существующей в Китае.

Ропот возмущения пробежал по рядам сидящих. Старик поднял костлявую руку, и в молельне наступила тишина.

— До нынешнего дня ему удавалось скрывать свое гнусное предательство. Но сегодня я получил известие от нашего брата, который проник в стан врага. Он сообщил, что сюда идут маньчжуры, чтобы не оставить никого в живых... Он сообщил также имя предателя...

Настоятель умолк, медленно обводи послушников взглядом бесцветных глаз. Он взял грех на душу — солгал. Не было никакого лазутчика. Но весть о том, что маньчжуры собираются этой ночью вырезать всех обитателей Шаолинского монастыря, к несчастью, была правдой. Ее принес внук старого Ли, крестьянина-рыбака из соседней деревни, частенько наведывавшегося сюда с товаром.

Сомневаться не приходилось: маньчжурам сообщили о заговоре. Предателем мог оказаться только кто-то из своих: посторонние не были посвящены в тайну монахов. Внук рыбака — настоятель прекрасно это понимал — прибежал слишком поздно. Маньчжуры наверняка уже двигаются к кумирне по единственной ведущей сюда дороге. Пытаться покинуть монастырь бесполезно: с трех сторон его окружают отвесные скалы. Оставалось только одно — отправить нескольких человек за помощью, а самим попробовать продержаться до ее прихода.

Святой отец призвал к себе в келью четверых самых надежных послушников и приказал им отправиться в путь, а оставшихся велел собрать, чтобы сообщить им о надвигающейся беде и попытаться обнаружить изменника...

Настоятель говорил медленно, временами замолкая и пытливо вглядываясь в лица сидящих.

— Братья! — повторил он, и в его голосе зазвучали торжественно-металлические нотки. — Мне известно имя того, кто продал свою душу ненавистным врагам...

Напряжение усилилось. Монахи, подавшись вперед, впились глазами в лицо святого отца.

— Он перед вами, братья! — сорвавшимся голосом выкрикнул старик, и слова его вспороли повисшую в помещении тишину.

Взгляд настоятеля задержался на открытых дверях молельни, и молодой послушник, сидевший на ступенях у входа среди тех, кому не хватило места внутри, вдруг вскочил и опрометью бросился к приоткрытым воротам монастыря. Несколько человек из задних рядов рванулись за ним.

— Стойте! — крикнул святой отец. — Он не уйдет далеко.

И действительно, через минуту три дюжих монаха втащили беглеца во двор со скрученными за спиной руками. Мудрый старик предусмотрительно оставил снаружи верных людей.

Седевшие на полу монахи раздвинулись в стороны. Изменника провели через образовавшийся проход к алтарю и заставили опуститься на колени. Молельня возмущенно гудела. Настоятель

знаком приказал всем замолчать.

— Правильно говорят люди: в теле предателя — душа труса, — произнес он в наступившей тишине.

Затем святой отец повернулся к стоявшему на коленях послушнику.

— Не думал я, когда подобрал тебя восемнадцать лет тому назад на дороге, грудного, полумертвого, что принесу крысу в святую обитель, — сказал он с горечью. — Не думал, когда растил тебя, что возвращаю смерть свою. Ответ же нам, что заставило тебя переметнуться к маньчжурам? Много ль посулили тебе за наши головы? Говори же, А Цат!

Юноша стоял на коленях и смотрел перед собой, уставившись в одну точку. Глаз из-под полуприкрытых век почти не было видно — только две маленькие щелочки. Губы плотно сжаты. Казалось, он не слышал слов настоятеля. В полной тишине прошла минута, другая.

Вдруг А Цат очнулся. Он обвел глазами своих бывших собратьев, и лицо его исказила гримаса ненависти.

— Вы все умрете! — закричал он. — Все! Вам осталось жить на свете не больше часа! Маньчжуры перебьют вас! И мне наплевать на вас! Слышишь, старик? Наплевать! Вы не убьете меня! Всевышний не простит вам убийства!

Его выкрики перешли в истерические рыдания, из груди вырвались хрипы, в горле заклокотало. Лотом А Цат затих. Снова глаза-щелочки. Плотно сжатые губы.

На несколько секунд в молельне воцарилась полная тишина. Затем монахи взорвались:

— Смерть предателю! Смерть!

Настоятель безуспешно пытался утихомирить разъяренных послушников.

— Пусть заплатит за свою измену!

— Четвертовать его!

— Повесить!

С трудом удалось святому отцу восстановить тишину в молельне.

— Опомнитесь, братья! — негодуя вскричал он, когда последние возгласы стихли. — Разве Совершенномудрый [5] учил нас жестокости? Вспомните: добрым я делаю добро и недобрым также делаю добро. Так воспитывается добродетель. Не будем же, братья, нарушать завет Совершенномудрого. Нет! А Цат недостоин смерти. Он останется жить. Но это будет высшей карой за его измену.

* * *

Через два дня вечером к стенам Шаолинского монастыря, прячась за деревьями, подошли четверо монахов, которых настоятель отправил за подмогой. Они вернулись ни с чем.

Послушники бесшумно проникли во двор через потайную дверь и в ужасе остановились, глядя на страшную картину: земля была усеяна телами обитателей кумирни — обезглавленными, со вспоротыми животами, отрубленными конечностями. Не менее жуткое зрелище ожидало их в

молельне, где лежали изуродованные трупы настоятеля и монахов. В помещении стоял невыносимый смрад.

Послушники быстро вышли оттуда и направились в глубь двора, к келье, которую они покинули два дня назад.

В этот момент от ограды до них донесся слабый стон. Монахи насторожились. Стон повторился. Все четверо бросились к стене. На земле, весь в крови, лежал один из их собратьев, чудом оставшийся в живых.

Его перетащили в келью, отмыли от крови, перевязали. Часа через три раненый пришел в себя и в нескольких словах поведал присутствующим о событиях той ужасной ночи. Никто не пытался выяснить подробности: увиденное говорило само за себя. Один из монахов, по имени Юн Си, — он выглядел старше других и считался вторым после настоятеля человеком в монастыре — произнес:

— Братья! Из-за подлого предательства нам нанесен тяжелый удар. Нас было больше сотни, а осталось пятеро. Но голос Совершенномудрого говорит мне, что мы не должны оставлять начатое дело. Небо призывает нас вдохнуть жизнь в умирающую «Триаду». Готовы ли вы к этому?

— Да, — в один голос негромко, но твердо ответили монахи.

— Готовы ли вы продолжить нашу священную борьбу против ненавистных маньчжуров?

— Да.

— Готовы ли вы умереть за высшую справедливость?

— Да!

— Тогда слушайте меня, братья. У меня нет никаких способностей. Единственное, что я имею, — это верность долгу. Я поддерживаю Минскую династию и готов уничтожить изменников, не зная страха. Моя судьба зависит от неба. Смотрите на мое сердце и слушайте мои слова. Союз Неба, Земли и Человека возродился из крови наших погибших братьев. Мы были слишком доверчивы и поплатились за это. Отныне беспощадность — главный закон «Триады». Да возвысится великая Минская династия и да падет Цинский дом! Царь-Небо, царица Земля и светлые духи наших предков, будьте свидетелями моих слов.

С этими словами Юн Си вытащил из-за пояса кинжал и поднес его ко рту.

— Пусть братья отрежут мне язык, если я нарушу закон молчания.

Он приоткрыл рот и острием кинжала резко провел по кончику языка. Губы монаха окрасились в алый цвет. По подбородку пробежала тоненькая струйка крови. Юн Си был страшен в этот момент: бритоголовый, с раздувающимися ноздрями с кровью на подбородке. Он поднял кинжал правой рукой и сделал резкое движение вниз. Лезвие, описав дугу, уперлось в сердце Юн Си.

— Пусть сердце мое пронзит острый металл, если я когда-нибудь предам великое братство.

После этого к клятве приступили остальные монахи. Но, прежде чем последний из присутствующих начал ритуал, со стороны молельни послышались неясные шорохи. Юн Си

взглядом приказал одному из послушников узнать, в чем дело. Тот молча выскользнул из кельи и растворился в темноте. Появился он так же бесшумно, как и исчез.

— А Цат, — шепотом произнес монах.

— Что он там делает?

вернуться

5

Одно из нарицательных имен Конфуция.

— Что-то ищет у алтаря.

Юн Си усмехнулся.

— Он ищет богатства преданных им братьев! Значит, маньчжуры ушли. У нас действительно есть кое-что. Но А Цат ничего не найдет: место, где они спрятаны, было известно только святому отцу и мне. А золото еще сослужит нам хорошую службу.

Глаза Юн Си сверкнули недобрым пламенем.

— Совершенномудрый отдает предателя нам в руки. Тем лучше!

Монахи схватились за кинжалы.

— Подождите, — остановил их Юн Си, — слушайте, что нужно делать...

Когда Юн Си закончил говорить, послушники тихо направились к молельне.

А Цат продолжал свои бесплодные поиски. Он медленно ощупывал пол у алтаря в надежде, что одна из каменных плит покачнется и перед ним откроется тайник.

— А Цат! — раздался вдруг шепот.

А Цат вздрогнул, хотя этот зов не был для него неожиданностью. Расправившись с обитателями Шаолинского монастыря, маньчжуры целые сутки ждали четверых послушников, исчезновение которых обнаружил А Цат. К вечеру следующего дня маньчжуры ушли, А Цату велели остаться и сообщить о появлении «смутьянов».

— А Цат! — снова послышался знакомый голос. — Брат!

Услышав слово «брат», испугавшийся в первую минуту А Цат успокоился. Конечно же, пришедшие ничего не могли знать о событиях той ночи.

— Я здесь, Юн Си, — тоже шепотом ответил он и вышел из молельни.

— Здравствуй, брат! — приветствовал его Юн Си.

— Здравствуйте, братья, — ответил А Цат и грустным голосом добавил: — Ужасно видеть, что сделали проклятью маньчжуры со святым отцом и остальными нашими братьями.

Услышав эти кощунственные слова, Юн Си с трудом заставил себя не броситься на предателя и не задушить его здесь же, у дверей молельни.

— Да, — медленно согласился он, — нет предела нашей скорби. Но мы рады видеть живым хотя бы тебя. Ты расскажешь нам о последних часах наших дорогих братьев.

— Увы, я не был с ними в те страшные минуты и не могу простить себе этого. Лучше бы я умер вместе со всеми!

«Тебе недолго осталось ждать», — без жалости подумал Юн Си.

— После вашего ухода, — продолжил А Цат, — святой отец послал меня в деревню выведать, когда маньчжуры собираются напасть на монастырь. Но я не застал их. Они ушли другой дорогой. Когда я вернулся, все было кончено.

А Цат произнес эти слова и вдруг вспомнил, что в кумирню нет другой дороги. Он бросил испуганный взгляд на Юн Си. Но тот сделал вид, что ничего не заметил.

— Не впадай в уныние, брат, — сказал Юн Си, положив руку на плечо изменника. — «Триада» не умерла. Мы возродили ее и продолжим борьбу. Готов ли ты идти с нами? Не устарила ли тебя смерть наших дорогих братьев?

— Я готов, — поспешно ответил А Цат. — Мы отомстим за них!

— Тогда не будем терять драгоценное время. Пойдем в мою келью. Примем клятву верности и покинем это ужасное место.

Монахи возвратились в келью Юн Си. Как было условлено заранее, сначала совершил ритуал клятвы последний из пятерых послушников.

— Твой черед, брат, — обратился Юн Си к А Цату.

Тот кивнул головой. Было видно, что он сильно волнуется. Дрожь, которая начала охватывать А Цата при первых словах клятвы своего собрата, била его все больше.

Двое монахов вышли из кельи.

Юн Си поднес кинжал к губам А Цата. Заплетающимся языком тот произнес нужные слова. Затем лезвие уперлось ему в грудь.

— Пусть сердце мое пронзит... — начал А Цат и осекся.

Глаза его расширились. В келью внесли Лу Чжэна, которого А Цат видел еще вчера лежащим у стены и считал мертвым.

— Да! Пусть твое подлое сердце пронзит острый металл! — вскричал Юн Си и вонзил кинжал в грудь предателя.

А Цат покачнулся и рухнул на пол — Святой отец был слишком добр, — глухо произнес Юн Си, с ненавистью глядя на бездыханное тело, — он чтит заветы Совершенномудрого. Но ведь Совершенномудрый не предполагал, что среди людей будут жить ублюдки с душою крысы!

Он немного помолчал и обратился к присутствующим:

— Братья! Я призываю вас принять клятву крови в знак верности друг другу и нашему священному союзу Неба, Земли и Человека.

Юн Си сбросил с себя сутану и кинжалом сделал надрез на левой стороне груди, под сердцем. Под капающую из раны кровь он подставил фарфоровую пиалу, потом протянул ее братьям. Те последовали его примеру. Когда капли крови последнего из монахов упали в сосуд. Юн Си взял его и отпил маленький глоток. Остальные сделали то же самое.

Ритуал был окончен.

— Отныне мы должны хранить в великой тайне все, что связано с нашим священным братством. Я запрещаю без надобности произносить слово «Триада». Прежде чем это слово сорвется с наших уст, они должны быть омыты ароматным чаем. В общении между собой мы не будем называть друг друга настоящими именами. Пусть каждый выберет себе новое имя. А теперь — прочь отсюда! Святая обитель осквернена нечистой кровью изменника!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

БЛАКАНГ-МАТИ

1

Каменистая почва с трудом поддавалась лопате. Прочедив очередную порцию проклятий в адрес строительной компании, с которой он недавно заключил контракт, Пенг с ожесточением мазнул по взмокшему от пота лицу замызганной, похожей на панаму шляпой с обвислыми краями, и снова взялся за кирку.

Говоря по правде, ему повезло. На этот раз контракт обещал неплохие деньги, и Пенг ругался просто по привычке.

В конце комков на жару и камни ему было наплевать. Пенг привык к тому и другому. Единственное, что смущало суеверного и боязливого малайца, — это зловещее название острова, куда их привезли три дня назад, чтобы рыть траншею для водопровода.

Находящийся недалеко от Сингапура остров назывался действительно странно — Блаканг-Мати. После окончания второй мировой войны и капитуляции Японим там жили лишь десятка три рыбаков. Да и те вскоре уехали в другое место, потому что, по слухам, в неглубоком, но обширном болоте Блаканг-Мати якобы и вправду существовал «Сад смерти».

Про него ходили различные небылицы, которые со временем обросли жуткими подробностями. Говорили о разгуливающих по острову мертвецах, об их оргиях, о драконе Цзяо, убивающем людей, и тому подобной чепухе. Особенно страшно звучали рассказы о мифическом драконе. Говорили, что это никакая не выдумка, что дракон на самом деле живет на Блаканг-Магти, и даже в деталях описывали его внешний вид. Если верить пересудам, то был он ярко-желтого цвета, ходил на двух ногах, на голове вместо короны носил огромного живого паука, а на шее — ожерелье из черепов убитых людей. Сообщая подробности, рассказчики обычно клялись в полной достоверности сказанного и ссылались на очевидцев, которых, впрочем, никто никогда не видел.

Досужей болтовне верили и не верили, тем более когда речь заходила о драконе Цзяо: редкая книжка китайских легенд обходилась без упоминания о нем. И все-таки желающих отправиться на остров долгое время не находилось. Рыбачьи джонки и сампаны старались обходить стороной пустынный, окруженный ореолом таинственности клочок земли. Даже

предприимчивые сингапурские бизнесмены не спешили «осваивать» это сомнительной репутации место, хотя почти все окрестные острова уже были прибраны к рукам, а неуемная энергия дельцов вновь настойчиво искала выхода.

Но алчность обычно берет верх над предрассудками. Несколько дельцов вознамерились превратить Блаканг-Мати в туристский рай с канатной дорогой, сказочной лагуной для плавания и фешенебельным гольф-клубом со вступительным взносом в восемь тысяч долларов. Они без лишнего шума ударили по рукам с одной из строительных компаний, и та быстро перебросила на остров рабочих.

Земляные работы начали с рытья траншеи для водопровода. Первые два дня копали медленно из-за нескончаемых камней. Траншея должна была проходить по краю болота, и на третий день земля стала помягче, однако камни, к неудовольствию землекопов, все равно продолжали попадаться...

Пенг с кряхтением выпрямился, потер затекшую поясницу, прищурившись, посмотрел на небо и пугливо поежился.

Солнце погружалось в сероватую перину из облаков. Меняя цвет, они тяжелели и лениво перемещались над изломанной холмами линией горизонта словно исполняли медленный ритуальный танец. В какой-то момент вся эта бесформенная масса приняла, как показалось Пенгу, очертания дракона и та застыла, зацепившись за нерасчесанную прядь джунглей, свисавшую с одного из холмов.

Малаец счел увиденное за дурное предзнаменование и подумал, что остров не зря назвали «Садом смерти». Он начал читать молитву, уставившись в одну точку и беззвучно шевеля губами. Дракон не исчезал. — Эй, Пенг, ты что, покойника увидел? — насмешливо спросил работавший поблизости молодой землекоп. — Смотри, как бы он не утащил тебя в свое болото.

— Смотри — дракон! — Пенг испуганно показал пальцем в небо.

— Где? — парень с наигранным интересом стал вглядываться в облако.

— Да вон же, у холма, не видишь разве? — произнес Пенг, продолжая с тревогой поглядывать вдаль.

— Ну, как же! Вон и паук на голове, — парень повернулся к другому рабочему, который прислушивался к их разговору, и выразительно крутнул пальцем у виска.

Пенг обиженно поджал губы и вновь принялся за дело.

После захода солнца дракон почернел. Алые цветы диких бананов догорели на зеленых склонах, и вскоре в наступившей темноте все слилось воедино: холмы, болото, землекопы, монотонно вскидывавшие лопаты и кирки.

Закашлял движок, на траншее упал мягкий голубоватый свет прожекторов. Часть воды на болоте высветилась, заискрилась, и Пенг, посмотрев туда, вдруг отчетливо вспомнил чьи-то слова о блуждающих огоньках в «Саду смерти». Его охватила дрожь. Проклиная все на свете, в том числе и себя, за то, что согласился приехать сюда, Пенг со злостью бросил кирку и снова взялся за лопату, чтобы отгрести разрыхленную землю. Потом он стал копать глубже: там почва оказалась более податливой. Но лопата тут же уперлась во что-то твердое.

«Проклятые камни!» — выругался про себя Пенг и копнул рядом.

Лопата снова без труда вошла в землю. Окопав со всех сторон и подцепив то, что ему показалось камнем, малаец, к своему удивлению, сменившемуся через секунду ужасом, увидел человеческий череп.

— Сад смерти! Сад смерти! — закричал Пенг, швырнув в сторону лопату.

Череп покатился по откосу к его ногам.

— А-а! Он живой! А-а! — заорал совсем обезумевший от страха малаец и пустился наутек.

Видимо, не он один чувствовал себя здесь неуютно: рабочие разом обернулись на крик, настороженные, готовые броситься врассыпную.

— Череп! — вопил Пенг, перескакивая через кочки. — Он живой! Сад смерти!

Слово «череп», как ни странно, немного успокоило землекопов. В глазах у многих настороженность сменилась любопытством. Парень, который подтрунивал над Пенгом, подошел к черепу и стал его разглядывать.

— Обыкновенная черепушка, — небрежно-разочарованным тоном объявил он.

Эти слова окончательно разрядили повисшее было над траншеей напряжение.

— Тьфу, дурак! — незлобиво ругался полный землекоп с бельмом на глазу и в сердцах вонзил лопату в землю.

Но уже в следующий момент раздалось несколько удивленных возгласов подряд:

— Скелет!

— И здесь тоже!

— Еще один!

За несколько минут около болота было обнаружено с десятков скелетов. Некоторые из них лежали в неестественных позах. Рытье траншеи приостановилось: рабочие бурно обсуждали увиденное.

На шум прибежал мастер.

— Вы что, костей никогда не видели?! — накинулся он на землекопов. — Ублюдки недоделанные! Голодранцы несчастные! Только бы не работать! Велика важность — заброшенное кладбище! Марш по местам! За что вам только деньги платят?!

Рабочие неохотно повиновались. Все понимали, что на заброшенном острове не может находиться обычное кладбище, но спорить с мастером никто не стал: кому хотелось терять хороший заработок?

Пенг стоял метрах в пятидесяти от траншеи. Он был бледен и тяжело дышал. Вид неработающего землекопа окончательно разъярил мастера.

— Протухшая устрица! — заревел он. — Бездельник проклятый! Тебя не касается?!

Пенг нерешительно направился к своему месту.

— Поворачивайся, недоносок поганый! Лентяй! Работа возобновилась. Копали в угрюмом молчании. Слышался лишь неприятный скрежет лопат по камням да глухие удары кирок.

Вдруг кто-то произнес сдавленным голосом:

— Смотрите!

— Насмотрелись уже, — буркнули в ответ.

Но говоривший, заикаясь, повторил:

— С-смотрите! Это не скелет. Там че-человек!

Землекопы застыли.

— Человека закопали! — дрогнувшим голосом произнес кто-то, и жуткий смысл этих слов сразу вывел всех из оцепенения. Вдоль траншеи прошелестел приглушенный ропот. Рабочие стали опасно приближаться к яме. Из земли торчали ноги в ботинках и темно-синих брюках.

— Убийство! — прошептал рабочий с бельмом на глазу.

И сразу же послышались выкрики:

— Мастера сюда!

— Не будем работать!

— Пусть зовут полицию!

Пенг на этот раз от страха не смог даже сдвинуться с места. Ноги у него подкосились, и малаец бессильно опустился на землю.

— Я знал, — срывающимся голосом забубнил он, пытаясь отползти подальше, — я знал, что так случится! Я видел дракона! Аллах! Нужно уходить отсюда! Не то мы все станем покойниками! Сад смерти! Сад смерти! Спаси нас, Аллах!

— Заткнись! — прикрикнули на него.

Но Пенг продолжал бормотать, не слыша никого и ничего не видя вокруг себя.

Протиснувшийся в середину толпы мастер открыл было рот, чтобы снова рявкнуть на землекопов, но тут же прикусил язык и ошалело уставился в траншею.

— Зовите полицию! — негромко сказали сзади.

Часам к восьми на остров приехали полицейские из районного участка, а еще через полчаса — несколько человек из уголовного управления.

Низенький инспектор с недовольным лицом подошел к траншее, посмотрел на торчавшие из земли ноги и кивнул своим людям. Один из них приблизился, вскинул фотоаппарат. Сверкнула магниевая вспышка. Двое других с деловым видом занялись осмотром земли вокруг трупов. Четвертый, с чемоданчиком, медицинский эксперт, стоял, ожидая приказаний.

К траншее подошел полицейский в форме сержанта.

— Господин инспектор, мы приехали полчаса назад, из районного участка...

— Кто здесь старший? — не обращая внимания на сержанта, крикнул инспектор в ту сторону, где толпились землекопы.

Мастер вышел вперед.

— Я, господин инспектор.

— Откапывайте. — Инспектор показал рукой на труп.

Мастер подозвал двух рабочих с лопатами, и те нехотя принялись за дело.

— Сколько дней ведутся работы? — спросил инспектор у мастера.

— Третьего дня начали, господин инспектор, — с готовностью ответил тот.

— На ночь рабочие остаются здесь или уезжают?

— Всех увозят, господин инспектор. Никто здесь не остается.

— А сторож?

— Да-да, конечно, сторож...

— А говоришь «никто», — недовольно произнес инспектор.

Мастер виновато заморгал глазами.

— Инспектор! — крикнул один из детективов, внимательно рассматривавший что-то у себя под ногами метрах в двадцати от траншеи. — Здесь тоже земля взрыхлена. Может, второй труп?..

— Вы там копали? — обратился инспектор к мастеру.

— Нет, господин инспектор, не копали. По плану траншея правее должна проходить.

— Дьявольщина! Если мы будем находить трупы через каждые несколько метров...

Инспектор не договорил, что произойдет в этом случае, и направился к своему подчиненному.

— Давайте еще рабочих! — крикнул он.

К нему подошла вторая пара землекопов.

В это время портативная рация инспектора, висевшая у него сбоку на ремне, издала несколько слабых, протяжных гудков, и из аппарата послышался ворчливый голос:

— Инспектор! Где вы, черт побери!

— Слушаю, шеф.

— Я, же приказал связаться со мной с острова.

— Мы только что приехали.

- Меня совершенно не интересует, когда вы приехали. Что там у вас?
- Обнаружено с десятков скелетов и, кажется, два трупа.
- Не морочьте мне голову! Что значит «кажется»?
- Один труп был раскопан рабочими, а мы нашли еще одно место, похожее на свежее захоронение.

Через несколько минут я свяжусь с вами...

— Точно, второй — громко подтвердил один из рабочих, раскалывающих вторую яму. — Вон рука показалась...

— Да, здесь два трупа, шеф, — произнес инспектор в аппарат. — Не знаю, может быть, есть еще. Мы не успели все осмотреть.

— Хм... Вот что... Прекратите-ка раскопки.

Инспектор жестом приказал рабочим остановиться и отошел в сторону.

— Почему, шеф? — вполголоса спросил он.

— Не хочу, чтобы Аланг снова упрекал нас в том, что мы мешаем ему работать. Могильник — дело рук тайных обществ. Я в этом уверен.

— Похоже на то, — согласился инспектор.

— Вот пусть «Си-Ай-Ю» и занимается этим кладбищем с самого начала. Это их дело. Оставьте охрану на острове и возвращайтесь. За ночь там ничего не изменится. А утром известим Аланга.

Инспектор вернулся к траншее.

— Сержант, останьтесь со своими людьми здесь. К могильнику никого не подпускать. Расследование начнется завтра.

— У нас закончилось дежурство, господин инспектор, — ответил тот.

— Меня это не касается. Связывайтесь со своим участком и просите, чтобы вас сменили.

— А что нам делать? — спросил мастер.

— Вам пока надо убраться... Оставьте адреса, Понадобятся свидетельские показания — вас найдут. Работы временно прекращаем. Компанию известят, когда их можно будет возобновить...

Инспектор круто повернулся и двинулся к катеру. За ним потянулись остальные.

2

Патрик Ло начал работать в «Криминал интеллидженс юнит», или сокращенно «Си-Ай-Ю» — секретной службе по борьбе с тайными обществами, — лет десять назад рядовым детективом. Китаец с нестандартным именем быстро завоевал расположение шефа «Си-Ай-Ю» Теона

Аланга, а затем стал просто его любимцем. Уже через год Ло получил должность инспектора, в то время как его старшие коллеги безуспешно ждали повышения по несколько лет.

Ло сделал этот быстрый скачок не только потому, что шеф питал к нему личные симпатии. Молодой детектив был умен, ловок, решителен, обладал железной хваткой. С годами пришли опыт, рассудительность, терпение, хотя порой Апангу все же приходилось одерживать излишнюю горячность своего подчиненного.

Инспектор откинулся на спинку кресла и закурил. Перед ним лежала папка с надписью «Анг Сун Тонг». Ло занимался этим тайным обществом уже шестой год...

Тайные общества существовали в странах Юго-Восточной Азии с прошлого столетия. Поначалу они создавались эмигрантами из Китая как группы взаимопомощи и самозащиты на чужбине. Их члены называли свои объединения «триадами», подчеркивая тем самым, что они преследуют исключительно благородные цели, как и та, старая «Триада», которая на протяжении двух с половиной столетий вела борьбу против маньчжурского ига.

Но со временем контроль над этими группами оказывался либо в руках состоятельных эмигрантов, либо проходимцев, и они использовали членов «триад» в своих корыстных интересах. «Триады» перерождались, вступая на путь преступного бизнеса. Их основными занятиями стали грабеж, рэкет и контрабанда.

Особенно активной деятельность этих преступных организаций стала после второй мировой войны. Еще лет пятнадцать назад таких тайных обществ насчитывалось в Сингапуре больше сотни. «Китайская мафия», как их здесь называли, представляла собой реальную угрозу безопасности жителей острова-государства. Ее контрабандная деятельность отрицательно сказывалась на экономике. Это заставило правительство принять целый ряд срочных мер, одной из которых было создание специальной полицейской службы.

В первые годы «Си-Ай-Ю» успешно справлялась со своей задачей: за несколько лет в тюрьму угодило около семисот вождей и других высших главарей преступных организаций. Среди них, между прочим, оказались три известных в стране финансиста.

К концу шестидесятых годов в Сингапуре оставалось только семь крупных тайных обществ. Однако они доставляли много хлопот «Си-Ай-Ю». Общее число их членов достигало почти двадцати тысяч и, несмотря на усилия «Криминал интеллидженс юнит», теперь стало убавляться крайне медленно; очевидно, оставшиеся тайные общества были наиболее сильными организациями из всех существовавших в Сингапуре «триад».

Наиболее многочисленной и опасной из «триад» была «Анг Сун Тонг». В нее входили люди самых разных категорий: от солидных бизнесменов до рикш и бездомных бродяг. Даже полицейские состояли в ней. Этот преступный синдикат имел четкую, хорошо законспирированную структуру, собственные законы, свой суд, своих палачей для исполнения приговоров. Он соблюдал ритуалы, заимствованные у «Саньхэхой», для поддержания сплоченности среди своих членов. Диапазон его деятельности был широк: от торговли валютой, золотом, наркотиками и «живым товаром» до пиратства в Южных морях. «Анг Сун Тонг» имела связи с «триадами» в Гонконге, Макао, Таиланде, на Филиппинах...

Ло сделал еще несколько затяжек, потушил сигарету и открыл досье, чтобы занести в него очередную информацию о «Анг Сун Тонг». Инспектор подчеркнул ее во время допроса гангстера из тайного общества «Хенг Ки». Сведений об «Анг Сун Тонг» у Патрика накопилось довольно много; в досье значились клички вождей, имелась информация об их положении в

тайном обществе, структурные схемы, описание ритуалов и тому подобное. Но дальше этого дело не шло. В последние четыре года лишь три члена «Анг Сун Тонг» оказались за решеткой. Двое из них были мелкими рыбешками и ничего интересного сказать просто не могли. Третий заговорил. Но буквально на следующий день его нашли мертвым в камере уголовной тюрьмы — своей тюрьмы у «Си-Ай-Ю» не было.

Из селекторного телефона раздался голос Аланга: он вызывал к себе инспектора.

Когда Патрик вошел в кабинет шефа, тот сидел за столом и что-то читал.

— Я слушаю вас, Теон, — сказал Ло, устраиваясь в кресле, стоявшем у письменного стола.

— Прочтите это, Патрик.

Аланг, не отрываясь от бумаг, протянул инспектору сводку, присланную из Управления уголовной полиции. Ло взял ее и пробежал глазами. Такие сводки приходили в «Си-Ай-Ю» ежедневно, но почти все они были однообразны и не очень интересны. Текст сегодняшней информации гласил:

«12 января на острове Блуканг-Мати было обнаружено несколько скелетов и два мужских трупа. Предположительно там находится могильник неизвестного происхождения. Не исключена вероятность, что в данном преступлении замешаны тайные общества».

Патрик усмехнулся. Последняя фраза давно уже стала дежурной в сводках уголовного управления и, появляясь не реже двух раз в неделю, приводила Аланга в бешенство. Впрочем, эта информация явно заслуживала внимания.

— Суховато, — заметил Ло, кладя сводку на стол, — могли бы для приличия дать кое-какие сведения о трупах.

Шеф «Си-Ай-Ю» резко отодвинул от себя бумаги, выскочил из-за стола и начал ходить по кабинету, глядя себе под ноги. Наконец он остановился и поднял на инспектора свои слишком узкие для малайца глаза, к тому же скрытые почти наполовину опухшими от постоянного недосыпания морщинистыми веками.

— Мне только что звонил шеф уголовной полиции. Ему сообщили об этом вчера вечером, и на Блуканг-Мати были отправлены люди. Они ни к чему не притронулись, однако успели сделать вывод, что там «поработали» тайные общества. Решили спихнуть расследование нам, поставили охрану и смотались! Как вам это понравится?

Патрик скривил губы, давая своим видом понять, что ему это вовсе не по душе. Аланг снова заходил по кабинету.

— Болваны! Их начальник — эта старая обезьяна с пустым кокосом вместо головы — заявил, что он, видите ли, решил не создавать нам лишних трудностей при расследовании. Не хотели выполнять нашу работу — черт с ними! Но они были обязаны поставить нас в известность немедленно! Мало ли что могло случиться за ночь!

Ло невозмутимо закурил сигарету и терпеливо ждал, когда шеф разрядится.

Наконец Аланг затих, сел за стол и ровным голосом сказал:

— Поезжайте на остров, Патрик, и начинайте расследование. Выводы делать рано, но, по-

моему, там будет над чем поработать.

Ло молча кивнул и, захватив со стола шефа сводку, отправился к себе. Из своего кабинета он соединился с дежурным по управлению.

— Слушаю, инспектор.

— Через двадцать минут выезд на расследование. Подготовьте группу.

— Хорошо.

— Да, вот еще что. Мы едем на Блуканг-Мати — нужен катер.

— Инспектор, — дежурный замялся, — вы знаете, как относятся к нашим просьбам в береговой полиции. Я боюсь, что...

— Ладно, — перебил его Патрик, — я сам с ними договорюсь.

Своих водных транспортных средств в «Си-Ай-Ю» не было, поэтому каждый раз, когда возникала необходимость, приходилось обращаться в «лягушатник» — так Ло называл береговую полицию. Но особого восторга звонки из «Си-Ай-Ю» там не вызывали. И на этот раз инспектору пришлось вести долгие и нудные переговоры.

Получив, как всегда, «в порядке одолжения» разрешение на катер, Патрик позвонил в Управление уголовной полиции и попросил приехать на Блуканг-Мати кого-нибудь из тех, кто был там вчера. На другом конце провода поспешно заверили, что человек выедет немедленно. Вероятно, их шефу минут десять назад здорово икалось.

Когда катер подчалил к острову, Ло увидел на берегу людей с фотоаппаратами. Рядом, уткнувшись носами в песок, стояли два моторных сампана. Патрик поморщился. Присутствие репортеров, которые к тому же неизвестно каким образом ухитрились появиться здесь раньше его, разозлило инспектора. Ло не любил газетчиков: они повсюду совали нос и постоянно мешали ему работать.

Между берегом и могильником чинно прохаживались четверо полицейских. Судя по их торжествующе-грозному виду, первую атаку журналистов они отбили и были готовы отразить очередной натиск. Но репортеры, видимо, решили оставить штурм могильника до появления «начальства» и мирно беседовали между собой.

Как только Ло ступил на мокрый еще после ночного прилива песок, корреспонденты, безошибочным чутьем угадав в нем старшего, окружили инспектора.

— Что предполагает полиция? — спросил один из них, сунув маленький сверкающий микрофон чуть ли не в рот Патрику.

— Полиция предполагает, что ей дадут возможность нормально вести расследование, — отрезал Ло и быстрыми шагами пошел к могильнику.

В траншее лежал наполовину откопанный труп. Чуть поодаль белели кости скелетов.

— Где второй труп? — спросил Ло человека в штатском, поняв, что это и есть детектив из уголовного управления.

Тот показал на неровный прямоугольник разрыхленной почвы метрах в двадцати от траншеи.

Патрик направился туда и увидел торчавшие из-под земли восковые, полусогнутые пальцы руки.

— Мы начали здесь копать, — пояснил подошедший следом детектив, — но шеф приказал все оставить. До вашего прихода...

— Вы сделали снимки захоронений?

Детектив еле заметно усмехнулся:

— Разумеется.

— А после прекращения раскопок?

— Зачем? Ведь здесь оставалась охрана.

«Аланг правильно назвал кокосом то, что приставлено к плечам начальника уголовной полиции, — подумал Патрик. — И работнички до удивления похожи на своего шефа».

— Снимки вы, конечно, с собой не привезли.

— Нет, они еще не готовы.

Дальнейшая беседа с детективом потеряла смысл, и Патрик принялся осматривать оба места, где находились трупы. Вокруг все было затоптано, поэтому наружный осмотр ничего не дал. Приказав фотографу зафиксировать состояние захоронений, инспектор подошел к сержанту, который с безразличным видом стоял у траншеи.

— Ночью не было никаких происшествий?

— Не знаю. Мы сменили предыдущую группу в шесть утра.

— Прикажите вашим людям откопать трупы.

Тот дал команду, и через несколько минут оба тела были отрыты.

— Пусть журналисты сделают снимки и уходят с острова, — сказал Ло сержанту. — Иначе они не дадут нам работать. Мне им сказать пока нечего.

Журналисты по кивку инспектора в их сторону, видимо, поняли, о чем речь, и бросились к могильнику, на ходу взводя затворы фотоаппаратов. Затем они окружили Патрика.

— Инспектор, считаете ли вы, что это работа тайных обществ?

— Не исключено.

— Как скоро вы предполагаете найти преступников?

— Вы очень поможете ускорить поиски, если оставите меня в покое.

— Способна ли полиция пресечь деятельность «триад»?

— Обратитесь в министерство внутренних дел. Там вам ответят.

— Инспектор, что вы думаете по поводу...

— Все, — отрубил Патрик. — Пресс-конференция окончена. Вы упускаете прекрасную возможность своевременно принести в ваши редакции захватывающую новость.

Протиснувшись через окружение репортеров, Ло подошел к первому трупу и невольно присвистнул. Широкий, приплюснутый нос и толстые губы были хорошо знакомы инспектору. Он повернулся к журналистам.

— Можете добавить, что один из убитых — член тайного общества «Джи Хо» Лим Бан Лим.

Те рванулись назад.

— А второй? Кто второй?

— Вы делаете мне комплимент, — усмехнулся Ло и снова приблизился ко второй яме, — этого я не знаю.

— Что вам известно о Лим Бан Лиме? — загалдели корреспонденты.

— Вам мало того, что я сказал? — разозлился Патрик.

Он повернулся к сержанту.

— Сержант, помогите нашим друзьям побыстрее вернуться в редакции.

Полицейские молча стали оттеснять репортеров к берегу.

Приехавшие с Патриком детективы и эксперт начали осмотр трупов. Через несколько минут один из детективов подал инспектору синеватый клочок бумаги.

— Это я нашел в пиджаке у Лима, — сказал он.

Ло аккуратно разгладил на ладони скомканный, начавший подпревать листок. Прочитав написанное, он удивленно вскинул брови, сложил бумажку и так же аккуратно сунул ее в конверт. К нему подошел другой детектив.

— На втором убитом чужая одежда, инспектор. В карманах ничего нет.

— Хорошо, — ответил Ло, — пошарьте еще вокруг.

Он закурил сигарету в ожидании предварительного заключения эксперта. Тот не заставил себя долго ждать. Быстро собрал в чемоданчик свои инструменты и стал диктовать секретарю результаты осмотра:

— В обоих случаях смерть наступила от удушения. На шее просматриваются следы пальцев, подъязычные кости и хрящи гортаней переломаны...

— Давно наступила смерть? — поинтересовался Патрик.

Эксперт метнул на инспектора осуждающий взгляд — какое нетерпение! — и снова повернулся к секретарю. — ...В первом случае смерть наступила десять — пятнадцать дней назад, во втором — от трех до шести.

«Лима задушили около двух недель назад. — Прикидывая что-то, Ло прищурил глаза. — Странно! А второго, выходит, совсем недавно. Может быть, даже после начала работ на

острове. Нужно бы заняться землекопами».

Он посмотрел на часы и сказал, обращаясь к детективам:

— Останетесь здесь и займетесь дальнейшими раскопками. На остров никого не пускать. Я пришлю нашу охрану. Буду в офисе. В случае необходимости свяжетесь.

Детективы дружно кивнули. Патрик посторонился, пропуская носилки с трупами, и двинулся вслед за ними.

— Патрик, как выглядит ваш «сад смерти»? — кокетливо поинтересовалась секретарша Аланга, когда Ло проходил мимо.

— Там растут кокосовые пальмы с черепами вместо плодов, — не останавливаясь, бросил инспектор и открыл массивную дверь в кабинет шефа.

Закрывая за собой дверь, он услышал, как секретарша обиженно фыркнула.

3

За три часа Аланг не шелохнулся. Во всяком случае, так показалось Патрику. Он сидел за своим столом все в той же позе, погруженный в чтение бумаг. Инспектор удобно устроился в кресле и закурил. Некурящий Аланг испытывал слабые симпатии к табачному дыму. Но, подозревая, что Ло даже спит с сигаретой во рту, шеф «Си-Ай-Ю» прощал своему любимцу эту легкую дерзость — курить в его кабинете. Других сотрудников Аланг не баловал.

— Ну, что на острове? — спросил он, подняв, наконец, голову.

Ло молча положил перед шефом бумажку, найденную на трупе Лима. Это был билет на «Тумасик» — небольшое частное полугрузовое-полупассажи́рское судно на рейс 28 декабря из Бангкока в Сингапур. На вторые сутки после выхода из Бангкока оно попало в сильный шторм. Несмотря на сигналы бедствия, подававшиеся с «Тумасика», спасательные суда не успели прийти к нему на помощь. На борту находилось двенадцать членов экипажа и четырнадцать пассажиров. Ни один из них не спасся.

К месту кораблекрушения выезжали водолазы и дали заключение: в результате неисправности навигационных приборов судно сбилось с курса и, налетев на рифы, затонуло.

Аланг поднял вопросительный взгляд на Патрика. — Билет найден на трупе Лим Бан Лима, — сказал тот.

— Лим на Блуканг-Мати? — задумчиво произнес Аланг. — Любопытно. А что сказал эксперт по поводу его смерти?

— Задушен около двух недель назад.

— Сегодня тринадцатое. Значит, в один из первых дней января.

— Да, новый год для него начался неудачно...

На губах Аланга промелькнуло подобие усмешки.

— А вы не помните, когда были приняты сигналы бедствия с «Тумасика»?

— Почему же? В ночь с тридцатого на тридцать первое декабря.

— Любопытно, — повторил Аланг. — Ну, а что со вторым?

— Личность неизвестна. Жертва также была задушена, но позже — всего лишь три — шесть дней назад. Тело закопано в чужой одежде.

Аланг приподнял очки в позолоченной оправе и потер глаза. Потом неторопливо покусал нижнюю губу — с одного конца, с другого, посередине.

— Все?

Ло развел руками, с сожалением прищелкнув при этом языком.

— Могу сказать одно: если Лим даже и находился на «Тумасике», в чем я сильно сомневаюсь, то нам от этого легче не будет.

— Резонно. Но удостовериться не мешает.

Инспектор тяжело вздохнул.

— Сегодня отправлю фотографию Лима в Бангкок. Может быть, пограничники или таможенники опознают его. Прошло не так много времени.

— Заодно пошлите и фото второго трупа. Чем черт не шутит...

— Разумеется.

На следующее утро Аланг и Ло слушали доклад эксперта.

— Начну с первого трупа, — бесцветным голосом произнес тот, — с ним дела обстоят проще...

— Вы нас интригуете, — заметил Аланг.

— Вскрытие подтвердило мое вчерашнее предположение, — пропуская мимо ушей замечание шефа, продолжил эксперт, — жертва задушена десять — двенадцать дней тому назад. На легочной плевре удушенного...

— Не надо про плевру, — поморщился Аланг, — я с детства не люблю анатомию.

Эксперт обиженно поджал губы и перевернул лист в своей папке.

— Второй человек умер от цирроза печени в возрасте около пятидесяти лет. Следы удушения появились уже после смерти.

Он поднял свою маленькую головку, чтобы посмотреть, какой эффект произведут эти слова. Но его ожидания не оправдались.

— Любопытно, — только и произнес Аланг, словно не было ничего необычного в том, что преступники симулировали убийство, а не наоборот — естественную смерть.

— Названный вами срок смерти остается прежним? — поинтересовался Ло.

— Не более трех дней, — сухо ответил эксперт, явно разочарованный невозмутимостью

собеседников.

— Какой давности следы на шее? — спросил Аланг.

— К сожалению, этого установить не удалось.

Случай необычный.

— Скажите, а от цирроза печени умирают внезапно?

— Вы хотите знать, мог ли он умереть на острове?

— Именно.

— Думаю, что нет. Последняя стадия этой болезни протекает тяжело. Больные находятся на постельном режиме.

— Благодарю вас, — сказал Аланг эксперту и, обернувшись к Патрику, спросил: — У вас еще есть вопросы?

Тот покачал головой.

Эксперт собрал свои бумаги и вышел из кабинета.

— Запрашивали в уголовной полиции данные на пропавших без вести за последний месяц? — спросил Аланг у Патрика, когда они остались вдвоем.

— Да.

— Ну и что?

— Десять человек и все моложе сорока.

— Не очень утешительно.

— Теон, если считать, что могильник — фамильное кладбище «Анг Сун Тонг», то этот неизвестный мог вполне быть одним из ее членов, — высказал предположение Ло.

— А почему мы так должны считать? — «Анг Сун Тонг» — единственное из тайных обществ, которое имеет ритуальное кладбище. Я не думаю, что мы когда-нибудь наткнемся еще на одно подобное захоронение. И потом, разве труп Лима ни о чем не говорит? Кто мог решиться на убийство одного из главарей «Джи Хо»? Сильнее «Джи Хо» только «Анг Сун Тонг».

— Хорошо. Допустим, что мы имеем дело с «Анг Сун Тонг». Предположим, что она похоронила на острове одного из своих членов. К чему этот спектакль с имитацией удушения? Ведь он явно рассчитан на нас.

— Загадка, — протянул Ло.

— Ну ладно, оставим пока вопрос о том, кто «поработал» на Блуканг-Мати, открытым. Как вы предполагаете установить личность вашего печеночника?

— Запрошу в клиниках сведения на лиц умерших от цирроза печени в этом месяце, — как нечто само собой разумеющееся, произнес Ло.

— Хм... — Аланг склонил голову набок и прищурился. — Если у «Анг Сун Тонг», как вы уверяете, есть фамильное кладбище, то почему бы ей также не иметь домашних врачей?

— Резонно, — согласился Патрик.

— То-то и оно. Надежда на клиники, конечно, слабая. Но и другого пути я пока не вижу. Попробуйте.

Селекторный телефон издал несколько коротких гудков. Аланг нажал кнопку приема.

— Слушаю.

— Шеф, — раздался голос дежурного, — прошу прощения, инспектор Ло у вас?

— Да. А в чем дело?

— Пришел какой-то полицейский. Он спрашивает инспектора, который был вчера на Блаканг-Мати. Аланг и Ло переглянулись.

— Направьте его ко мне.

— Да, шеф.

Через несколько минут дверь открылась, и на пороге появился мужчина лет сорока в полицейской форме. Он сделал несколько шагов и в нерешительности остановился посреди кабинета.

— Проходи, проходи, — подбодрил его Ло.

Полицейский подошел к столу, остановился, переминаясь.

— Если тебя послали сюда дежурить, то зря, — сказал Патрик, — у нас все спокойно.

Полицейский молча смотрел на свои руки, не зная, куда их деть. Наконец, он нашел им работу: грубые, узловатые пальцы начали тереть пуговицы на форменной рубашке.

— Ну, что ты хотел нам сказать? — спросил Аланг, в упор глядя на полицейского.

Тот набрал в легкие побольше воздуха и вместе с ним начал выдыхать слова:

— Я... мы... дежурили на Блаканг-Мати... вчерашней ночью.

Воздух в легких кончился, и полицейский замолчал.

— Продолжай, — повелительно бросил Ло.

— Нас оставили охранять эти... скелеты. Когда все уехали, приезжал какой-то репортер. Газетчик, другими словами.

— Вы видели рапорт дежуривших той ночью? — обратился Аланг к Патрику.

— Нет. Уголовное управление, вероятно, считает, что нас не стоит обременять излишней информацией.

— Нужно было запросить. — Аланг укоризненно посмотрел на инспектора.

— Сегодня же заеду, возьму. Выскочило из головы. Аланг снова повернулся к полицейскому и вопросительно посмотрел на него. Тот наморщил лоб, видимо, сбившись с мысли, — то ли от робости, то ли по обыкновению.

— Ну, вот, — снова ухватил он нить повествования, — репортер этот попросил, чтобы... сержант разрешил ему сфотографировать...

— Стоп, — перебил полицейского Ло. — Откуда ты знаешь, что это был журналист?

— Да он удостоверение показывал. Ну вот... а сержант не разрешил. Тот уговаривал, уговаривал, а сержант ни в какую. Ну, он и пошел обратно.

— На чем он добирался до острова?

— Да на моторке.

— Он один был?

— Вроде бы один.

— Хорошо. Дальше.

— Уехал он, а... Да, забыл я — он сигаретами нас угостил. А уж потом уехал. Я про сигарету почему вспомнил? Посидели мы, покурили. А после Джеок сказал, что спать очень хочет.

— Джеок — это кто?

— Тоже полицейский. Дружок мой. Ну вот, а сержант говорит: ложись, мол, без тебя обойдемся. Я даже удивился. Всегда ругается, а тут раздобрился. Потом и Вэй зевать начал — тоже полицейский. Нас всего четверо было. Сержант и нас трое. И я, чувствую, спать хочу — сил нет. С чего бы, думаю. Перед дежурством целый день спал. Сержант посмотрел на нас с Вэем и говорит: раззевались, днем надо выспаться! А я всегда перед дежурством сплю. Это и жена подтвердит. А сержант говорит: черт с вами, спите. Один, мол, подежурю. И велел утром по десятке принести. А то, мол, нажалуется начальству, что спали мы на дежурстве. Ну, мы принесли, конечно, на следующий день... А то ведь он у нас такой — со свету сживет. Ну вот, легли мы. Джеок уже спал, да и Вэй сразу захрапел. А я сначала — никак. Лежал неудобно. Потом чувствую сквозь дремоту, вроде голоса какие-то и вроде бы сержант кому-то говорит: «Спят». А потом ничего не помню. Как провалился. Утром сержант растолкал — темно еще было. Поднялся я — голова разламывается. После спрашивал у Джеока с Вэем — у них тоже весь день трещала. Я-то сначала подумал: болит, и ладно. Думал, приснилось, наверное, что сержантов голос слышал. А потом подозрительно стало: сержант все спрашивал, как слали. Раньше никогда такого не было, чтобы интересовался... Да и с головой как-то странно — в жизни не помню, чтобы она у меня болела. Ну, я и подумал: что-то не так. Пошел в уголовное, а они вот к вам...

— Молодец, что пришел, — похвалил его Аланг, — ты никому ничего не говорил в участке?

— Нет. Хотел было Джеоку с Вэем сказать, а потом подумал — может, чепуха? Засмеют. До сержанта дойдет — он меня со свету сживет.

— Как зовут сержанта?

— Ко Ин.

— Давно он работает у вас в участка?

— Да уже лет десять, не меньше.

— А как выглядит этот репортер?

— Я, по правде говоря, не присматривался. Темно было. Да и ни к чему вроде.

— Какими сигаретами он вас угощал?

— Сейчас скажу.

Полицейский снова наморщил лоб.

— Вроде бы «Данх...». Забыл. Коробка такая темно-красная.

— «Данхилл»? — помог Аланг.

— Да, да, — обрадовано закивал полицейский. — «Данхилл». Это Джеок прочитал. Он еще говорил, что сроду дорогих таких не курил.

— В котором часу этот репортер появился на острове?

— Точно не помню. Вроде после одиннадцати.

— Ну ладно, иди, — сказал Аланг, — и никому ни слова. Понял?

— Как не понять? — Полицейский направился к двери.

— Постой! — окликнул его Патрик.

Тот обернулся.

— Подожди-ка в приемной.

— Слушаюсь.

— Похоже, не врет, — сказал Ло, когда полицейский вышел из кабинета.

— Мне тоже так кажется, — отозвался Аланг.

— Может, отправим его на экспертизу?

Аланг машинально поднял глаза на календарь.

— Прошло больше суток...

Он нажал кнопку селектора.

— Отдел экспертизы слушает, шеф, — раздался голос.

— Сколько времени держится в организме снотворное? — спросил Аланг.

— Это зависит от лекарства, шеф. Иногда остаточные явления можно обнаружить и через двое-трое суток.

— Сейчас к вам приведут человека, который утверждает, что принял снотворное позавчера вечером.

— Попытаемся выяснить, шеф.

— Ну вот вам и первый результат... — отключив селектор, сказал Аланг.

Он не договорил, но Ло понял, что шеф имел в виду. Преступники воспользовались небрежностью уголовной полиции и ночью постарались уничтожить какую-то важную улику. И не исключено, что загадочный «репортер» мог иметь непосредственное отношение к событиям вчерашней ночи.

— Зато теперь у нас есть Ко Ин. — Патрик произнес это нерешительно, в последний момент сообразив, что выход на сержанта — не очень большой успех.

— Ко Ин — мелкая сошка, — медленно произнес Аланг. — Если, конечно, полицейскому вообще все это не приснилось.

— А если К° Ина прижать? Устроить очную ставку с полицейским? — Патрику очень хотелось покрепче ухватиться за веревочку и начать тянуть ее на себя.

— Открутится, — заверил его Аланг. — Скажет, что его тоже усыпили, или все будет отрицать. Улик против него практически нет. Зацепить его мы не сможем, а преступников только насторожим. Нет, за Ко Ином нужно установить наблюдение, не больше. И ждать.

4

После находки на Блаканг-Мати прошло четыре дня. В ходе дальнейших раскопок выявилось, что на острове находится множество захоронений — их площадь была более двух квадратных километров. В предварительном заключении экспертов говорилось, что этот могильник никак нельзя отнести к обычным кладбищам. Останки принадлежали жертвам неизвестных лиц, убитым в разное время примерно за двадцатилетний период.

На следующий день после того, как на острове побывали Ло со своими людьми и журналисты, о Блаканг-Мати заговорили на каждом углу. Газеты поместили на первых полосах фотографии найденных на острове трупов и скелетов, снабдив их набранными крупным шрифтом выразительными заголовками:

«БЛАКАНГ-МАТИ: САД СМЕРТИ — ЭТО НЕ МИФ!»

«СМЕРТЬ В БОЛОТАХ БЛАКАНГ-МАТИ!»

«БЛАКАНГ-МАТИ-ОСТРОВ УБИЙСТВ!»

Выдвигались самые различные версии о происхождении могильника. Одни высказывали предположение, что скелеты принадлежат жертвам японских оккупантов времен второй мировой войны. Другие считали, что это останки утопленников, тела которых пригнали к берегу волны. Некоторые газеты утверждали, что таинственный синдикат убийц заманивал в Сингапур безработных из других азиатских стран, обещая им тут земной рай. Затем иммигрантов якобы перевозили на Блаканг-Мати, грабили, убивали, а трупы закапывали в болото. Не обошлось без пересудов о драконе Цзяо. Писали и о тайных обществах. «Нью нэйшн», незадолго до находки на Блаканг-Мати посвятившая сингапурским тайным организациям четыре полосы в четырех воскресных приложениях под общим заголовком «Эти паразиты общества», писала, что на острове не мог действовать никто, кроме них.

Однако все это были только догадки. Аланг запретил давать газетчикам какие-либо сведения о ходе расследования, и пресса питалась в основном слухами, которые репортеры собирали в городе.

За четыре дня расследование, по существу, не продвинулось ни на шаг. Бангкок хранил молчание по поводу фотографий, посланных для опознания, хотя залрос туда пошел с пометкой «срочно». Сведения об умерших от цирроза печени еще не были собраны. Детектив, которому Ло поручил заняться проверкой землекопов, тоже попросил еще пару дней.

Единственной ниточкой, ведущей к гангстерам, был Ко Ин. Полицейский, который приходил в «Си-Ай-Ю», сказал правду. Это подтвердилось анализом крови и экспертизой одного окурка «Данхилла», найденного на острове. И в крови и в окурке были обнаружены остатки сильнодействующего снотворного.

Однако наблюдение за Ко Ином пока не давало никаких результатов. Поведение сержанта было таким, словно он понятия не имел, что произошло на Блаканг-Мати в ночь с 12 на 13 января. Он аккуратно являлся на службу, по-прежнему кричал на подчиненных, ни с какими подозрительными людьми не встречался, а после работы отправлялся прямо домой.

Оставалось, как сказал Апанг, только ждать. Это ожидание раздражало Патрика, злило, не давало сосредоточиться, отрывало от всех других дел. Мысли неизменно возвращались к Блаканг-Мати, к Лиму, к найденному у него в пиджаке билету на затонувшее судно, к имитации удушения неизвестного мужчины, смысла которой Ло никак не мог уловить.

В его кабинет вошел референт из шифротдела.

— Инспектор, телеграмма из Бангкока.

— Наконец-то соизволили, — проворчал Патрик, забирая из рук вошедшего небольшой листок бумаги с грифом «секретно».

Ло пробежал текст глазами. Криминальная полиция Таиланда сообщала, что пограничники бангкокского порта опознали по фотографии, помеченной в запросе «Си-Ай-Ю» номером первым, одного из пассажиров с «Тумасика». Цифру «1» Ло ставил на фотографии Лим Бан Лима. Второй труп опознать не смогли и сообщили, что, по данным иммиграционных властей, на борту не было мужчин в возрасте пятидесяти лет. К последнему замечанию Патрик отнесся скептически, потому что хорошо знал: иммиграционные власти не заносят в свои бумаги сведения о возрасте пассажиров. Это утверждение было сделано, скорее всего, по памяти.

«Значит, на судне до кораблекрушения произошло столкновение между „Анг Сун Тонг“ и „Джи Хо“, — сделал вывод инспектор. — Но в таком случае, пожалуй, должны остаться следы этой стычки». Он связался по закрытому телефону с береговой полицией, чтобы навести соответствующие справки. Через десять минут инспектору зачитали заключение комиссии: никаких признаков, указывающих на стычку, в нем не было.

Патрик вышел из-за письменного стола и устроился в кресле у журнального столика. Он всегда садился на это место, когда собирался что-нибудь хорошенько обдумать. Но, пощипав подбородок, инспектор обнаружил, что телеграмма из Бангкока не наводит его ни на какие размышления. Пока он не в состоянии построить логическую цепь, держась за которую, можно было бы двигаться вперед.

Да, Лим находился на борту «Тумасика». Возможно, «Анг Сун Тонг», каким-то образом проникнув на судно, с ним расправилась. Первое было фактом, второе — версией. Факт родил

версию, а она, не прожив и нескольких минут, умерла. Точнее, утонула вместе с «Тумасиком». И попробуй теперь вытащить со дна хотя бы кончик...

Размышления инспектора прервал приход Аланга.

— Патрик, добрый день, — весело сказал тот с порога. — Вы считаете, что два дня не появляться в кабинете шефа — в порядке вещей?

— Здравствуйте, Теон, — смутился Ло. — Извините, но мне не с чем было идти к вам. Единственная новость — телеграмма из Бангкока. Ее мне только что принесли.

— Могли бы для приличия зайти поздороваться. Ладно, оставляю это на вашей совести. Что сообщает Бангкок?

— Пограничники опознали Лима.

— Хм, значит, он все-таки попал на Блаканг-Мати с «Тумасика». А что со вторым?

— Ничего.

— Ну и что вы собираетесь сейчас делать? — любопытно спросил Аланг.

— Хочу посидеть, подумать. Что-то не сходится в этом треугольнике: «Тумасик» — Лим — Блаканг-Мати. Непонятно, как он очутился на острове в ста милях от места катастрофы.

— Вряд ли что-нибудь высидите. Маловато информации. Не нужно понапрасну ломать себе голову. Вы не забыли, что сегодня суббота и что вы приглашены к нам на ужин?

— Забыл, — откровенно признался Ло.

— Нехорошо, — шутливо укорил его Аланг, — моя жена принимает столь живое участие в вашей судьбе, а вы ведете себя прямо-таки легкомысленно.

Ло непонимающе уставился на шефа.

— Я догадываюсь, что сегодня вы увидите очередную кандидатуру в ваши спутницы жизни, — сказал Аланг.

— А-а, вот вы о чем, — улыбнулся инспектор, — я говорил госпоже Лау, что не собираюсь жениться. Время прошло. А она не принимает мои слова всерьез.

— Патрик, будьте к ней снисходительны. У Лау никогда не было своих детей, и она привязалась к вам почти как к сыну.

Аланг хотел добавить, что и он питает слабость к своему подчиненному, но удержался. «Становлюсь сентиментальным, — отметил он про себя, — значит, старею».

— Так вы едете со мной или остаетесь?

— Еду, — ответил Ло.

— Вот и хорошо. Подумаем вместе, пока не приедет... пока не приедут гости.

Инспектор снова улыбнулся и спрятал бумаги в сейф.

— Патрик, я так рада вас видеть! — воскликнула жена Аланга, открывая входную дверь. — Вы не заходили к нам целую вечность! Ну, что же вы стоите у порога? Проходите, проходите же. Здравствуйтесь! Вы прекрасно выглядите. Ничего не скажешь — молодость!

— Добрый вечер, госпожа Лау, — едва успел заполнить секундную паузу Ло.

Но женщина уже обрушила поток слов на мужа.

— Теон, ты вечно по горло загружаешь Патрика работой. Нельзя же так, в самом деле! Все равно вам никогда не переловить этих бандитов.

— Почему же? — поинтересовался Ло.

Госпожа Лау иронически улыбнулась.

— Если этого не смогли сделать ваши предшественники за сто с лишним лет, так почему вы думаете, что окажетесь удачливее их? За это время ваши тайные общества пустили такие корни, что вам в жизни до них не добраться. Да и потом — у них денег больше, чем у вас.

Ло рассмеялся.

— Теон, возьмите госпожу Лау к себе консультантом. Кажется, с ней у нас дело пойдет быстрее.

— Лау, с каких это пор ты стала интересоваться такими вещами? — спросил Аланг.

— Я и сейчас ими не интересуюсь. Просто это общеизвестно: вы за слово платите доллар, а они за молчание — пятьдесят. Я предпочла бы пятьдесят.

— Лау, что ты говоришь! — всерьез рассердился Аланг. — Откуда ты все это взяла?

— Из газет! — невозмутимо ответила женщина. — Они только и делают, что пишут об этом ужасном острове и о том, что полиция бессильна что-либо сделать. Послушай, Теон, может быть, ты пригласишь Патрика в гостиную? Прихожая — это все-таки не приемная твоего кабинета.

— Тебе не кажется, что ты сегодня настроена слишком агрессивно? Опять подорожали продукты?

— С чего ты взял?

— Мы все-таки женаты не первый год. Я давно привык чувствовать себя виноватым, когда цены растут...

— Ну, это тебя ожидает буквально завтра...

— Тогда почему ты нападаешь на меня сегодня?

— Я? Тебе показалось. Со своими гангстерами ты скоро будешь страдать манией преследования.

Лау снова повернулась к инспектору.

— Проходите в гостиную, Патрик. Вы знаете, я приготовила блюдо, которое называется

«плавающий лотос». Не знаю, удалось ли оно... Но уверена, что вы не только не пробовали его, но даже никогда и не слышали о нем. Я не ошиблась?

— Нет, — смеясь, ответил Ло. — А что это такое?

— Вот этого я вам не скажу. Попробуйте потом догадаться сами. Извините, мне еще кое-что нужно сделать.

С этими словами женщина скрылась в дверях кухни.

— Теон, — спросил Ло. — в вашей квартире по-прежнему нельзя курить?

Аланг вздохнул.

— Как вы однообразны, Патрик! Скажу Лау, чтобы она больше вас не приглашала. Ну хорошо. Что ж с вами делать? Только курить вы будете в моем кабинете. Он надежно изолирован от спальни. Я, знаете ли, очень не люблю вставать по утрам с головной болью.

Они перешли в небольшую комнату, которая называлась кабинетом только потому, что в ней стоял секретер: Аланг работал исключительно в офисе. Он переключил кондиционер на вытяжку. Ло сел на диван, достал сигареты, щелкнул зажигалкой. По комнате поплыло синевато-серое облачко дыма.

— Что это еще за «плавающий лотос»? — усмехнулся Аланг.

— Нарезанные кусочками крабы и цыпята с лапшой в соусе из каштанов и с бульоном из молодых побегов бамбука, — невинным голосом произнес инспектор.

Аланг посмотрел на него с восхищением.

— Не удивляйтесь, это китайское блюдо, а я как-никак китаец, — невозмутимо ответил Ло. — Кроме того, почему не сделать человеку приятное?

— Через несколько минут этот человек появится в гостиной, заметит наше исчезновение и ворвется сюда с криком: «Тебя нет дома даже в субботу!» Ло со значением поднял палец:

— Вот поэтому я и не хочу жениться.

— Чепуха! — Аланг с удовольствием вытянул ноги, словно доказывая тем самым преимущества размеренной семейной жизни. — Впрочем, вы не в том возрасте, когда вас можно в чем-то переубедить... Так вы успели что-нибудь... насчет Лима? Вы что-то упорно молчали в машине.

— Да.

— И к какому же выводу пришли?

— Мне совершенно непонятно, с какой целью люди из «Анг Сун Тонг» побывали на «Тумасике».

Патрик произнес название самой крупной «триады» и сам удивился тому, что не сомневается в причастности «Анг Сун Тонг» к свежему захоронению на Блаканг-Мати.

— Прекрасно, — усмехнулся Аланг, — вы меня просто заражаете вашей уверенностью в том, что мы имеем дело с «Анг Сун Тонг». Кстати, полное непонимание порой выводит на

правильный путь. А почему вы так решили?

— Сначала я предположил, что «Анг Сун Тонг» просто хотела расправиться с одним из главарей конкурентной организации. Но если они знали, что Лим находится на судне, то наверняка следили за ним еще в Бангкоке. Почему они в таком случае не пристукнули его там? Или здесь? После его возвращения? Стоило ли из-за одного Лима появляться на судне? И зачем его притащили на остров?

— Хорошо. Раз вы так настаиваете, остановимся пока на «Анг Сун Тонг». Но почему вы уверены, что они следили за Лимом? Давайте предположим другое: «Анг Сун Тонг» совершает очередное нападение на первое попавшееся судно в открытом море. На борту случайно оказывается Лим, к которому она, по известным причинам, не питает симпатий...

— В том-то вое и дело, что нападения не было. На судне все осталось цело: грузы, вещи, деньги пассажиров. Они ничего не тронули. На «Тумасике», вероятно, столкнулись интересы «Джи Хо» и «Анг Сун Тонг». Но нападения...

— Подождите, — перебил инспектора Аланг, — откуда вам все это известно насчет имущества, грузов, денег?

— Я сегодня звонил в береговую полицию.

— Вот как. — произнес Аланг свою любимую фразу. — Любопытно.

В комнату с рассерженным видом вошла госпожа Лау.

— Ну вот, даже в субботу тебя нет дома! — возмущенно воскликнула она.

Патрик отвернулся к окну и прикрыл рот рукой.

— Ничего забавного я в этом не нахожу, — строго произнесла женщина.

— Простите меня, госпожа Лау. — Ло все еще продолжал смеяться. — Просто Теон заранее знал, что вы скажете.

— А что я могу еще сказать? Разве это неправда? Совсем необязательно было ехать домой, чтобы продолжать заниматься делами.

Госпожа Лау снова повернулась к мужу.

— Ты просто деспот! Тебе мало того, что Патрик с утра до вечера сидит в кабинете. Даже в субботу ты не можешь оставить его в покое!

Аланг изобразил на лице шутливое возмущение: брови поднялись над очками, впалые щеки раздулись.

— Между прочим, если бы не я, инспектор и не вспомнил бы, что сегодня суббота и что он приглашен к нам на ужин. Это как раз он собирался остаться поработать. По собственной, заметь, инициативе. И мне стоило больших усилий вытащить его из кабинета. Ну-ка, Патрик, признавайтесь, так было дело?..

Госпожа Лау обиженно посмотрела на инспектора.

— Патрик, это правда?

Ло в смущении развел руками.

— Вот видишь, — торжествующе произнес Аланг. — А ты, как всегда, во всем обвиняешь меня. — Потом серьезно добавил: — Лау, извини нас. Нам, действительно, нужно поговорить.

Женщина хотела что-то возразить, но Аланг повторил твердым голосом:

— Нам нужно поговорить, Лау. Через десять минут мы придем в гостиную. Ведь остальных все равно еще нет.

Госпожа Лау махнула руной и вышла из комнаты.

— Они ничего не тронули, и это странно. — Голос у Патрика опять стал задумчивым. — Непохоже на «Анг Сун Тонг». Она своего не упустит.

— Да, на море они обычно действуют нагло, — согласился Аланг. — Да и только ли на море? Непонятно, действительно, почему они поскромничали на этот раз. Но ведь судно-то затонуло. Ищи теперь свидетелей!

В прихожей мелодично зазвенел звонок, щелкнул замок, послышались голоса. Аланг поднялся с дивана.

— Сходите в береговую полицию. Поговорите с теми, кто осматривал судно. Может быть, они на что-то поначалу не обратили внимания. А пока пойдемте в гостиную. Иначе Лау будет дуться на меня весь вечер. Между прочим, дочь наших знакомых — очаровательное создание...

— Вы, кажется, начинаете проникаться идеей вашей супруги? — с иронией покосился на шефа Ло.

— Нет. Я просто констатирую факт. Могу добавить, что Джун прекрасно играет в бридж.

— Что же вы раньше молчали, Теон! — всплеснул руками Патрик. — Это в корне меняет дело. Оба захохотали.

5

Ло взял со стола список мужчин, умерших от цирроза печени в этом месяце. Данные поступили только из наиболее крупных клиник, и это огорчило Патрика. К тому же там не стали утруждать себя отбором подходящих по возрасту. Инспектор вздохнул и, вооружившись карандашом, начал отмечать тех, сведения о ком придется проверить. Таких оказалось пятеро. Ло вытащил из сейфа фотографию трупа, взял газету за 14 января, переписал в свой блокнот адреса клиник, где лечились эти пятеро, и вышел из кабинета.

В машине Патрик назвал шоферу первый из адресов. «Плимут» плавно тронулся с места.

Покрутившись немного на узких улочках центральной части города, шофер свернул на широкую и прямую, как стрела, Букит-Тимах роуд и прибавил газу. Ло решил немного отвлечься от мыслей и стал бездумно глазеть в окно.

У одного из перекрестков машина уперлась в красный свет. К ней тут же подбежал мальчонка лет двенадцати с пачкой свежих газет.

— Господин, купите газету! — затараторил он. — Новые подробности о «саде смерти»! Рассказ рыбака, который видел преступников.

— Везет же людям! — усмехнулся Ло.

Он протянул мальчику деньги и взял газету. Какой-то старик рыбак рассказал журналисту, что видел на берегу нескольких человек, показавшихся ему подозрительными. Они якобы погрузили на моторный сампан большой сверток и направились в сторону Блаканг-Мати. Часа через два он снова видел этих людей на берегу, но уже без свертка.

Патрик снова пробежал глазами заметку. Пожалуй, старик действительно что-то видел. Но он явно напутал: судя по рассказу полицейского, которого усыпили на острове, преступники могли увезти что-то с Блаканг-Мати, а не наоборот. Не исключено, что это была крупная партия контрабанды.

— Приехали, инспектор, — отвлек Патрика от размышлений шофер.

В госпитале Ло быстро отыскал нужный ему кабинет и постучался.

— Входите, — раздался голос.

Патрик открыл дверь. За столом сидел мужчина средних лет и что-то писал. Не поднимая головы, он рукой указал на кресло для пациентов. Инспектор послушно сел и стал ждать, когда врач освободится.

— Не тяните время, — раздраженно произнес тот, продолжая писать. — Молчать вы могли бы и за дверью.

— Я из полиции, доктор, — сказал Ло.

— Ваш аппендикс не окажется слева, будь вы хоть премьером. Что вас беспокоит?

— Я не болен, доктор, — смиренно произнес Ло. — У меня к вам другое...

Тот поднял голову.

— Чем, могу быть полезен?

— Если не ошибаюсь, вы специалист по внутренним болезням?

— Не ошибаетесь. Но какое отношение это имеет к полиции?

— Непосредственно никакого. Просто я хотел выяснить, не лечился ли у вас этот человек.

Инспектор вытащил из кармана фотографию второго трупа и протянул собеседнику. Тот взглянул на снимок.

— Что-то не припоминаю. А чем он болел?

— Цирроз печени. Он умер десять дней назад в возрасте около пятидесяти лет.

— Пойдите, пойдите... У меня был один страдающий печенью примерно такого возраста, — сказал врач, внимательно рассматривая фотографию, — и умер он совсем недавно. Ну да, конечно, это он. Как это я сразу не узнал? Кажется, его фамилия Карим. Это несложно проверить. У нас есть картотека.

— Снимок был сделан дней через пять после его смерти, — заметил Ло.

— Понимаю, — сказал врач. — Эксгумация.

— В некотором роде.

— Черты лица несколько изменились, поэтому он и показался мне незнакомым... Вы хотите получить об этом человеке какие-нибудь сведения?

— А вы можете сказать что-то?

Врач замялся.

— Пожалуй, нет. Он был у меня на приеме два или три раза. Уже при первом осмотре исход болезни не вызывал сомнений...

— Может быть, он что-то рассказывал о себе? Больные ведь любят делиться с врачами подробностями из своей личной жизни.

Врач задумался на несколько секунд.

— Нет, он был молчун. Мне с трудом удавалось вытягивать из него сведения о болезнях. С ним приходила какая-то женщина. Наверное, сестра.

— А почему вы решили, что сестра? Почему не жена?

— Ведите ли, между ними существовала какая-то разница во внешнем виде. Он был одет весьма прилично, носил на руке дорогой перстень. А на ней была одежда попроще. Обычно супруги одеваются одинаково. Потому-то у меня и мелькнула мысль, что это не жена.

— Где я смогу узнать его адрес? — спросил Ло, поднимаясь.

— Картотека на первом этаже.

— Благодарю вас, доктор.

— Всего хорошего. Рад был оказать услугу.

«Что-то уж слишком быстро я разыскал этого печеночника», — подумал Патрик, когда машина затормозила у обшарпанного трехэтажного дома на Берримароуд. Глядя на невзрачное строение, Ло отметил, что получил от врача любопытную информацию относительно внешнего вида Карима и сопровождавшей его женщины. Приказав шоферу встать за углом, Патрик поднялся на второй этаж и позвонил. Дверь слегка приоткрылась, и в небольшую щелку выглянуло лицо пожилой женщины. Глаза ее смотрели испуганно и недоверчиво.

— Простите, господин Карим здесь живет? — вежливо осведомился инспектор.

Женщина немного помолчала, внимательно разглядывая Патрика.

— Вы кто?

— Я сын его давнишнего приятеля, — соврал Ло. — Мы сейчас живем в Малайзии. Господин Карим и отец не выделись уже много лет. Я здесь проездом, и отец попросил меня справиться о здоровье господина Карима.

Женщина продолжала смотреть на инспектора, словно что-то взвешивая. Затем распахнула

дверь и впустила его в прихожую.

— Умер он, — тихо произнесла она и отвернулась, вынимая платок из кармана, — восьмого числа умер. Никогда раньше не болел. Все случилось неожиданно... так быстро...

«Неожиданно от цирроза не умирают», — вспомнил Патрик свой разговор с экспертом на следующий день после находки на Блаканг-Мати.

— Извините меня. Я, право, не знал... Вы, наверное, его жена?

Он попытался изобразить на лице смущение, но почувствовал, что делает это неудачно. Однако женщина ничего не заметила. Она всхлипнула и стала усиленно тереть глаза.

— Да, я его жена. Но проходите в комнату. Что же мы здесь стоим?

— Может, мне зайти в другой раз?.. — начал Патрик и тут же подстраховался: — Правда, я должен скоро уехать.

— Нет, нет. Пожалуйста, останьтесь. Я рада, что хоть кто-то спрашивает о моем бедном муже. Ведь у него никогда не было друзей... всю жизнь мы прожили в одиночестве, и сейчас... после его смерти мне особенно тоскливо.

Ло вошел в скромно обставленную комнату, огляделся и вдруг ясно представил себе массивный, со сверкающим камнем дорогой перстень Карима, о котором упомянул врач. Перстень находился в явном несоответствии с бедной обстановкой квартиры. На стене висела фотография мужчины в траурной рамке. Это был человек, чей труп обнаружили на Блаканг-Мати.

— Садитесь, господин... э-э.. — сказала вошедшая следом жена Карима.

— Ло. Патрик Ло.

— Может быть, вы хотите есть, господин Ло? Вы, наверное, с дороги?

— Нет, благодарю вас, — отказался Патрик, — я недавно поел.

Он сел за стол — другого места в комнате не нашлось.

— Расскажите мне, пожалуйста, о вашем отце, — попросила вдова Карима, усаживаясь напротив. — Как приятно, что у Самсуна нашелся хоть один друг!

«Значит, начнем с меня, — подумал Патрик. — Что же, не возражаю».

Он начал на ходу сочинять историю о несуществующем отце и одновременно пытался построить в уме какую-то версию.

«Естественная смерть Карима полностью исключает предположение о том, что он жертва преступников. Значит, остается одно: Карим — член „Анг Сун Тонг“ и похоронен на ее ритуальном кладбище. Похоже, что жена в курсе дела. Тогда она не должна поверить в мою выдумку. Сын приятеля, о котором она слышит впервые. Наивно. Но с чего я взял, что она поверила? Она меня спрашивает об отце, чтобы потянуть время, собраться с мыслями. Но, в общем, она ведет себя правильно. На полицию, в сущности, ей наплевать. Карим умер, жена за дела мужа не в ответе. Друзей у него, как она заявила, нет. Своевременно прикрыла себя с этой стороны. А если я поинтересуюсь местом его захоронения? Покажу ей фотографию,

которую она наверняка уже видела в газетах? Как она прореагирует на это? А может, они подстраховались и насыпали могильный холмик на каком-нибудь кладбище? Тогда она скажет, что ей ничего неизвестно...» Патрик деликатно перевел разговор на Карима.

Женщина снова запричитала.

— Отец остался бы недоволен, если бы я уехал, не побывав на могиле господина Карима, — произнес Ло, внимательно глядя на собеседницу. — Он рассказывал так много хорошего о вашем муже. Я просто обязан почтить его память.

— Да, да, конечно. Вам непременно нужно сходить на кладбище, — ответила вдова Карима, смахивая слезу.

— А где похоронен ваш муж? — быстро спросил Патрик.

— Кладбище недалеко отсюда. На Вонгчин роуд. «Значит, все-таки подстраховались», — отметил Патрик.

— Если хотите, я провожу вас туда. Я бываю там каждый день.

Вдова Карима взглянула на фотографию мужа.

— Бедный Самсун! На твою могилу некому даже прийти, кроме меня. Ты наверняка рад будешь сыну твоего друга.

— А на похоронах господина Карима было много народу? — поинтересовался Ло.

— Дома — несколько человек. Да и тех, признаться, я наняла. Нехорошо, когда за гробом некому идти. А на кладбище — не знаю. Может, и много... Обычно мусульманские похороны собирают столько любопытных.

— А разве вы не были на кладбище? — удивился Патрик.

— Коран запрещает женщинам участвовать в похоронной процессии, — объяснила вдова.

Ло хотел задать хозяйке еще один вопрос, но не успел. В прихожей раздался звонок. В глазах вдовы мелькнуло беспокойство.

— Кто бы это мог быть? — произнесла она удивленно. — Извините, я пойду открою.

«Действительно, кто мог пожаловать к ней в гости? — подумал инспектор. — Ведь она сказала, что у них не было друзей. А похоже, что это запланированный визит».

Ло машинально прикоснулся, к левому боку, где обычно носил под пиджаком пистолет, но с сожалением вспомнил, что оставил его в офисе. Он никак не ожидал, что сегодняшние поиски дадут хоть какой-нибудь результат.

Патрик быстро огляделся, поднялся из-за стола и встал сбоку от дверей, готовый к любой неожиданности. Из прихожей послышался сдавленный шепот. Через несколько секунд в комнату снова вошла хозяйка, а за ней мужчина в сонгкоке. [6]

6

В первый момент Патрик остолбенел. В комнату вошел мужчина, чей портрет в траурной

рамке висел на стене. Тот самый, с Блаканг-Мати!

Патрик бросил еще один взгляд на фотографию, потом опять посмотрел на человека в сонгкоке.

— Познакомьтесь, господин Ло, — это брат моего мужа. — Голос вдовы звучал неуверенно. — А это, — она обратилась к деверю, — сын старого друга Самсуна. Они с отцом живут в Малайзии.

Брат Карима вдруг побледнел и тяжело опустился на стул.

— Я так и знал, — еле выдавил он из себя. — Я так и знал, что этим все закончится... Я это чувствовал. Не нужно нам было связываться! Это все ты...

— Что ты мелешь? — зло перебила его вдова. — Что подумает наш гость? Он расскажет отцу, что в семье его друга все сумасшедшие.

Мужчина затряс головой.

— У меня никогда не было друзей в Малайзии. Этот господин — из полиции.

— У вас? — вырвалось у Патрика. — Вы сказали — «у вас»?!

Сидевший умоляюще посмотрел на инспектора.

— Клянусь Аллахом, мы не виноваты, — начал он быстро говорить, сбиваясь и путаясь. — Мы не совершили никакого преступления. Он умер сам. Заболел и умер. А какая ему разница, что будет написано на могиле? Мы уже все решили, когда он умер. А когда он был жив, мы и не думали... Клянусь Аллахом, господин полицейский...

— Вы не ошиблись, — сухо перебил его Ло, — я действительно из полиции. А теперь успокойтесь и расскажите все членораздельно.

— Откуда мы знаем, что вы из полиции?! — почти выкрикнула хозяйка, враждебно глядя на Патрика.

Ло, усмехнувшись, вытащил из кармана удостоверение.

— Из вас вышла бы неплохая актриса, госпожа Карим.

Он посмотрел на мужчину.

— Я вас слушаю.

— Это все она придумала, — забормотал тот. — Она! Я говорил: не надо! А она слушать ничего не хотела. Я предупреждал: Аллах покарает нас...

— Ничтожество, — процедила сквозь зубы госпожа Карим и, воздев глаза кверху, добавила: — Да простит меня Аллах.

— У вас будет время выяснить отношения, — заметил Патрик. — Нельзя ли поближе к делу?

— Я... Мы... — начал мужчина.

— Оставь, — раздраженно бросила госпожа Карим, — я сама расскажу. Ты не способен даже на

это! Она повернулась к Патрику.

— Это мой муж — Самсун Карим. Его брат Раззак недавно получил приличное наследство от родителей жены, которая умерла несколько лет тому назад. В конце прошлого года он тяжело заболел. Врачи сказали, что он долго не протянет. Да я и сама это понимала. У него обнаружили цирроз печени. Наследство еще юридически оформлено не было. Когда он умер, у меня появилась одна мысль. Как-никак они родные братья... Раззак любил Самсуна, он бы оставил ему деньги, если бы сумел... Вот мы и решили... Они были очень похожи... даже я с трудом их различала. Как вам все объяснить... Мы поменяли документы: Самсун умер, Раззак остался жить. Он жил один, поэтому никто ничего не заметил. Да и сейчас все прошло бы нормально, если бы не эта... не этот недоумок! Преступления мы никакого не совершили, разве не так? Единственное, в чем нас могут обвинить, — это в присвоении чужих документов. Что ж, уплатим штраф...

Она бросила презрительный взгляд на мужа.

— Кретин несчастный! Зачем я только связалась с тобой? — И опять опасно посмотрела вверх. — Да простит меня Аллах!

— Действительно, — согласился Ло, — вы отделаетесь штрафом. Если, конечно, все так, как вы говорите...

вернуться

6

Черная бархатная шапочка, которую носят малайцы.

— Других грехов за нами не водится! — горячо заговорила жена Карима.

— Это мы увидим. Однако я пришел к вам совсем по другому делу.

Карим с женой удивленно переглянулись. Патрик вытащил из кармана газету с сообщением о находке на Блаканг-Мати.

— Вы видели эту газету?

— Мы не интересуемся политикой, — подняла ладонь госпожа Карим.

— Ваше дело, — пожал плечами Ло. — Но как вы объясните мне это?

Супруги прочитали заголовок, взглянули на фотографий.

— О Аллах! — Госпожа Карим побледнела. — Раззак на Блаканг-Мати! Сад смерти! Но как... А-а! — Она вдруг судорожно глотнула воздух и начала медленно сползать со стула.

Карим засуетился в поисках воды. «Играет», — подумал Патрик. Но побледневшее лицо женщины с резко очерченными, изогнувшимися в судороге синими губами ясно говорило о том, что ей действительно стало дурно.

Минут через пять Кариму с помощью Ло удалось привести свою жену в чувство. Вдвоем они усадили ее на кровать. Карим беспрестанно призывал на помощь Аллаха и жалобно подвывал.

Женщина смотрела на них мутными, бессмысленными глазами и еле-еле шевелила губами.

— Сад смерти... — глухо бормотала она. — Нечистая сила... О, Аллах! Магомет наказывает нас. За что?! За что?! Мы не гневили его... Мы только поменяли... документы!

Постепенно глаза ее стали проясняться. Инспектор перехватил ее взгляд. В нем явственно читался неподдельный страх.

— Клянусь Аллахом, господин полицейский, мы здесь ни при чем. Мы ничего не знали! Аллах свидетель... Он умер сам. Мы похоронили его, как честного мусульманина. Я... я не знаю, как он оказался на этом проклятом...

— Да, да, — наконец вмешался Карим, — мы похоронили его как полагается. На нашем кладбище. Имам может подтвердить. Да и соседи. Аллах свидетель, господин полицейский!

Глядя на испуганные лица супругов, Ло вспомнил о заметке, которую прочел по дороге, и подумал, что на этот раз они, по всей вероятности, говорили правду... Значит, тело было похищено неизвестными людьми и ночью перевезено на Блаканг-Мати? Но с какой целью? Может быть, Раззак все-таки имел какое-то отношение к «Анг Сун Тонг»? Иначе зачем его труп был переправлен на ритуальное кладбище?

— Когда состоялись похороны? — спросил Патрик.

— В прошлую среду, — быстро ответила жена Карима.

— Двенадцатого? — на всякий случай уточнил инспектор.

— Да, господин полицейский, — подтвердил Карим. — Двенадцатого.

— Вот как, — задумчиво произнес Ло.

Значит, тело Раззака появилось на Блаканг-Мати после того, как рабочие обнаружили могильник! Затем и были усыплены полицейские: преступникам нужно было закопать труп Раззака. Но опять же зачем? Ло вдруг вспомнил сводку из уголовного управления. В ней шла речь о двух трупах, но в то время тела Раззака еще не могло быть на острове! Это была такая бессмыслица, что Патрик даже не стал пытаться понять, в чем здесь дело. Он достал из кармана портативный радиопередатчик, нажал кнопку.

— Слушаю, инспектор, — раздался из аппарата голос шофера.

— Поднимись в тридцать первый блок.

— Хорошо.

Карим и его жена молча смотрели на Патрика. Выражение их лиц было таким, будто перед ними стоял не Ло, а Раззак, снова проделавший загадочное путешествие, но теперь уже с Блаканг-Мати до их дома. В прихожей послышалось треньканье звонка.

— Откройте, — сказал Патрик жене Карима.

Та бросилась в прихожую.

— Остайся здесь, — дал Патрик распоряжение шоферу. — Дождись наших людей. Машину я заберу.

— Слушаюсь, инспектор.

Шофер повернулся к супругам и коротко приказал:

— Сядьте на кровать.

Они повиновались. Ло направился к двери.

— Господин поли... господин инспектор, — робко окликнула его жена Карима, — клянусь Аллахом, мы только...

— Мы все выясним, — бросил Патрик на ходу.

Спустившись вниз, он сел в машину и связался по рации с офисом.

— Пятый слушает.

— Говорит пятнадцатый. Вышлите кого-нибудь на Беррима роуд, четырнадцать, блок тридцать один. Патрик коротко изложил суть дела, затем добавил:

— Позвоните в уголовное управление. Думаю, что заниматься этим адресом придется все-таки им. И свяжитесь с Блаканг-Мати. Нужно еще раз как следует осмотреть дальнюю яму.

— На что сориентировать?

— Следы третьего трупа. Доложите шефу.

— Слушаюсь.

Ло отключил рацию и повернул ключ зажигания. Он решил поговорить с ночным сторожем на кладбище — тот мог что-нибудь заметить.

Подъехав к мусульманскому кладбищу, инспектор оставил машину у ворот и вошел внутрь. У старенькой, давно не крашенной мечети вокруг имама стояли несколько мужчин в траурных саронгах. Осведомившись, где можно найти сторожа, Патрик двинулся в глубь территории.

Метров через пятьдесят он увидел небольшую хижину. Даже не хижину — просто две деревянные стены, образующие угол, и лист фанеры сверху. На низком топчане, поджав под себя ноги, сидел и раскачивался из стороны в сторону старик, похожий на засохшее дерево. Только когда Ло сказал старику, что он из полиции, тот перестал раскачиваться.

— Ты не заметил ничего подозрительного в ночь с двенадцатого на тринадцатое?

Старик медленно собрал на лбу морщины.

— На той неделе когда хоронили пожилого малайца, — решил помочь старику Ло и тут же сообразил, что сказал несурязицу, вероятно на малайском кладбище пожилых малайцев хоронили не так уж редко. — Самсун Карим его звали. — Патрик подумал, что старик наверняка должен интересоваться именами тех, кого хоронят. Хотя бы из чистого любопытства. Он не ошибся.

— Да, да, — радостно закивал тот, — хоронили такого, туан.

— А вечером после похорон никто не приходил на кладбище?

— Приходили, туан. Двое приходили. Китайцы. Я еще удивился: что, думаю, китайцам делать на мусульманском кладбище? А они могилу чью-то искали. Знакомый, говорят. Но, правда, хорошие люди. Сигаретой угостили. Дорогая сигарета... — Старик зачмокал толстыми, полинявшими губами, словно пытаюсь вспомнить вкус хорошего табака. — Друга своего искали. Расспрашивали.

— О чем? — поинтересовался Ло.

Две кости, из которых состояли плечи старика, поднялись, потом опустились.

— О разном. Спрашивали, кого вчера похоронили, кого — сегодня. Много ли народу на похоронах бывает. Глубоко ли мусульмане умерших закапывают. Интересно, говорят, нам, китайцам, про мусульман узнать... Потом ушли.

— И больше не возвращались?

Старик снова начал покачиваться, как маятник: вправо-влево, вправо-влево.

— Не знаю. Заснул.

— Как же ты? — усмехнулся Патрик. — Ночной сторож — и вдруг...

— Да сам не знаю, туан. Уж очень спать хотелось.

— А утром у тебя болела голова?

— Откуда туан знает? — удивился сторож.

— Как они выглядели, эти китайцы? — не отвечая старику, спросил Ло.

— Китайцы как китайцы, — развел тот руками.

Выслушав такой исчерпывающий ответ, инспектор повернулся и медленно пошел к выходу. Судя по словам старика, люди из «Анг Сун Тонг» пришли на кладбище, еще не зная, чье тело они смогут отсюда забрать... Выходит, Карим и его жена действительно не имеют отношения к перемещению трупа Раззака?

«Ладно, — подумал Ло, садясь в лимузин. — С подменной документов мы разберемся. Подмена трупов на острове — это будет посложнее...» Инспектор неторопливо поехал в офис, пытаясь нащупать логику в действиях преступников. Но логики не было. Убрать мертвого свидетеля — вещь не такая уж странная, хотя в общем-то редкая. Но положить на его место труп другого человека — с таким случаем Ло сталкивался впервые. Он перебирал в уме различные варианты, но не мог найти достаточно разумного объяснения случившемуся. Не подлежало сомнению единственное: для риска, на который пошли преступники, имелись, видимо, серьезные причины.

Приехав в офис, Ло поинтересовался у дежурного, нет ли известий с Блуканг-Мати. Известий не было. Инспектор прошел к себе в кабинет. Настроение у него испортилось еще в машине. В его руках практически был один из преступников — Ко Ин. Но вместо того, чтобы арестовать его, хорошенько потрясти и заставить рассказать, чей труп был выкраден с Блуканг-Мати и для чего подброшен другой, Ло сидел в кресле и мучительно соображал, с какого конца взяться за решение этой нелегкой задачи. Он прекрасно понимал, что никто, кроме Ко Ина, не даст ответа на эти вопросы. Но Аланг не разрешил его трогать. Впрочем, может быть, шеф прав: без

улик сержант не заговорит, а его арест только насторожит преступников. Значит, круг замкнулся? Нет, нужно как-то попытаться развязать язык Ко Ину. Но как?

А что, если?.. Патрик удивился и обрадовался неожиданно возникшей мысли. Почему бы и нет? Он взял в руки лист чистой бумаги и стал писать. Потом все перечеркнул и начал снова.

А если Аланг не разрешит? Нет, он должен согласиться — это верный ход.

Ло закончил писать и сунул листок в карман. В этот момент загудел селекторный телефон. Патрик нажал кнопку.

— Слушаю.

— Инспектор, с Блаканг-Мати вернулся один из экспертов. Он пошел к себе.

— Спасибо.

Ло спустился на первый этаж, где располагался отдел экспертизы, и почти побежал по коридору. Угадал он или нет?

Есть хоть какие-то следы, указывающие, что был третий труп, или эксперт разочарует его? Дверь в один из кабинетов была приоткрыта.

— Добрый день, господин эксперт. — За шутливым тоном Ло пытался скрыть нетерпение.

— Мое почтение, господин инспектор, — в тон Патрику ответил тот.

— Что скажете?

Эксперт улыбнулся.

— Скажу, что вы не ошиблись. Я обнаружил следы...

Где-то в глубине души Ло надеялся на такой ответ и все-таки вздохнул с облегчением.

— Спасибо!

— Два больших пятна крови и несколько черных волос. Устраивает?

Инспектора устраивало. Ведь на теле второго трупа ранений обнаружено не было, а его голова была лысой, как коленка!

Эксперт подошел к большому застекленному шкафу, взял оттуда пузырек с какой-то жидкостью, потом сел за стол и подвинул к себе микроскоп.

— Какой давности кровь?

— Вы слишком много от меня хотите, — рассмеялся эксперт. — Как вы заметили, я только что пришел.

Дайте мне хоть заглянуть в микроскоп.

— Когда можно будет получить ответ?

— Дня через два, не раньше.

— Скажите... А почему пятна не были обнаружены в тот день, когда выкопали труп?

— Ну, знаете ли! — рассердился эксперт. — Вы что, все замечаете с первого раза? Следы старые, пятна стали практически невидимы. На трупе, как вам известно, ранений не было — кто ж мог предполагать, что в яме окажется кровь? А сегодня, когда мне сказали, что в яме мог быть еще один труп, я тщательно исследовал дно и все равно визуально ничего не обнаружил. Пришлось делать бензидиновую пробу. Ну, ладно, дорогой инспектор, не отвлекайте меня, а то я и через неделю не дам вам ответа! Ло покинул кабинет.

— Шеф у себя? — спросил он, проходя мимо секретарши Аланга.

— Только что пришел.

Инспектор открыл дверь, обитую коричневым пластиком.

— Вы свободны, Теон?

— Да, конечно. Заходите, Патрик. Только с условием, что не будете курить. У меня сегодня ужасно болит голова.

— Условие тяжелое, но я вынужден его принять.

Переговоры мне необходимы.

— Судя по вашему виду, есть интересные новости.

— Такие интересные, что хочется влезть на кокосовую пальму и грызть орех, — отозвался Патрик.

— Кокосовый орех зубами не возьмешь, — заметил Аланг. — Неужели все так безнадежно? Что-то я не узнаю вас, Патрик.

— А что сказали бы вы, если бы у вас из-под носа умыкнули один труп, а вместо него нарочно подсунули другой?

— Вы меня интригуете, Патрик. Что-то я не припоминаю подобных случаев в своей практике.

— Я тоже.

Ло подробно рассказал шефу о своих сегодняшних визитах.

— В общем, в ту ночь уголовная полиция сделала нам хорошенький подарочек...

— Не надо про уголовную полицию. — Аланг прикоснулся пальцами к вискам. — А то у меня еще сильнее разболится голова. А случай действительно любопытный.

— Их действия противоречат здравому смыслу.

— Это нам с вами так кажется. Но ведь они преследовали какую-то цель...

— Я это прекрасно понимаю. Понимаю, что они не стали бы понапрасну рисковать. Но никакого объяснения найти не могу. Может быть, этот второй... а точнее, третий... тоже плыл на «Тумасике»?

— Тогда наши дела неважны, — вздохнул Аланг. — Однако не будем строить догадки. Подождем результатов экспертизы. Правда, из-за давности пятна крови нам скажут немного, и тем не менее... С Ко Ином ничего нового?

— Нет. — Ло вытащил из кармана сигареты, но, вспомнив про свое обещание, положил их обратно. — Кстати, насчет Ко Ина. У меня появилась одна мысль...

— Давайте ее сюда.

— Только не иронизируйте.

— Попробую.

— Я хочу заставить его работать на нас.

— О, это будет несложно! — все же не сдержался Аланг. — Ко Ин с радостью примет ваше предложение. Я почти уверен, что его планы совпадают с вашими.

Не обращая внимания на насмешливый тон шефа, Ло вытащил из кармана лист бумаги, который он только что исписал у себя в кабинете, и положил перед Алангом. Тот прочел, и лицо его стало серьезным.

— Недурно. Что ж, я согласен. Давайте. Попробуем.

7

На следующее утро Ло позвонил в полицейский участок, где работал Ко Ин, и справился, когда его можно будет увидеть. На другом конце провода ответили, что сержант находится в участке, но через час уйдет на дежурство.

Через пятнадцать минут инспектор уже входил в кабинет начальника участка.

— Я из «Си-Ай-Ю», — сказал он, поздоровавшись, и протянул хозяину кабинета свое удостоверение.

— Я к вашим услугам, инспектор, — взглянув на документ и возвращая его Патрику, ответил тот.

— Мне хотелось бы переговорить с сержантом.

— Сейчас я его вызову.

— Я хотел бы с ним встретиться с глазу на глаз.

— Понимаю, инспектор. Вы можете расположиться в моем кабинете. Я уезжаю и вернусь не раньше чем через два часа.

— Благодарю вас, лейтенант.

Начальник полицейского участка вышел, а вскоре в дверях появился мужчина лет сорока, в форменных шортах и рубашке песочного цвета, с редкими усиками и злым взглядом.

— Я сержант Ко Ин...

— Я хотел бы выяснить некоторые подробности относительно Блуканг-Мати, — сказал Ло, в упор разглядывая вошедшего.

Ко Ин заметил пристальный взгляд Патрика, и на его губах заиграла едва уловимая усмешка. «Ну, ну, инспектор, выясняй свои подробности, — прочел Патрик в глазах сержанта, — посмотрим, много ли выяснишь». «Что ж, посмотрим», — согласился Ло.

— Я все написал в рапорте, — сказал Ко Ин после короткой дуэли взглядов. — Его передали в уголовную полицию.

— Твой рапорт уже у нас, в «Си-Ай-Ю». Я читал его. В нем изложено не все.

— Почему же это не все? — Сержант недовольно выпятил нижнюю губу. — Со мной было еще трое полицейских. Не верите — их спросите.

— Спрашивал.

Ло помолчал, давая собеседнику возможность немного понервничать: почему он обратился сначала к рядовым полицейским, а не к старшему группы? Ко Ин отвернулся, равнодушно глядя в окно, но по его лицу Патрик понял, что сержанту очень хочется узнать, что сказали полицейские. Однако инспектор не спешил. Он с деловитым видом достал сигареты, подчеркнуто неторопливо закурил, затянулся с таким удовольствием, словно самым важным было для него это, а не разговор с Ко Ином. Тот, наконец, не выдержал, оторвал взгляд от окна.

— Ну и что?

Он постарался вложить максимум небрежности в свой вопрос, но это ему плохо удалось. В тоне сержанта сквозила настороженность.

— «Репортер», который приезжал на остров, угощал вас сигаретами, — слегка отпустил «поводок» Ло.

— А-а! — Сержант расслабился и нагло ухмыльнулся. — Я и забыл. По правде говоря, не придавал этому значения. Ну, угостил и угостил — велика важность.

— Для нас все важно, — с нарочитой укоризной заметил Ло.

— Виноват, господин инспектор. Сплоховал. В голосе Ко Ина прозвучало такое искреннее раскаяние, что Ло еле удержался от улыбки.

— Вот такие мелочи, бывает, уведут следствие совсем не в ту сторону, — как бы рассуждая сам с собой, произнес он.

Сержант сочувственно покачал головой.

— Да-да... Простите, господин инспектор. Больше такого не повторится.

— Хорошо, что мы подобрали эти окурки, — продолжал размышлять вслух Патрик. И вдруг быстро спросил: — Он всех угощал?

Сержант на мгновение замер, соображая, видно, в какую сторону клонит инспектор, потом ответил решительно:

— Всех!

— А в сигаретах ведь было сильное снотворное. Как ты думаешь... зачем?

— Н-не знаю, — замялся Ко Ин и, вдруг спохватившись, добавил: — Виноват, господин инспектор! Испугался, что попадет мне за то, что спал. Вот и не указал в рапорте. Но ведь не по своей воле я заснул. Уж крепился, крепился...

Ко Ин шагнул в приоткрытую Патриком «дверь», полагая, что там, за нею, он будет чувствовать себя в безопасности. Развел руками, давая понять, что за халатность готов понести заслуженное наказание.

— Они нас нарочно усыпили... наверно, чтобы улики скрыть? — и горестно покачал головой. — Небось, наделали дел, пока мы дрыхли!..

— Наделали, — подтвердил Ло. — И еще каких дел!

Ко Ин расстроено зацокал языком, и Патрик даже на секунду усомнился: может быть, тот действительно спал?

— С чего же это ты по десятке велел остальным принести? Если и сам спал, — принялся «раскручивать» Ко Ина инспектор.

Зрачки сержанта сузились, но тут же он изобразил на лице виноватую улыбку.

— Все-таки пожаловались! — В голосе его зазвучали покаянные нотки. — Правда, господин инспектор, что было, то было. Попользовался тем, что последний заснул. Зарплаты-то не хватает... Вот и урвешь, где можно. Но я верну, господин инспектор. Правда, верну! Бог с ними, с деньгами. Отдам сегодня же. Вы только начальству не говорите. Уволят меня... А у меня четверо детей.

Ко Ин замолчал и просительно посмотрел на Патрика.

— Брось дурака валять, — вздохнув и подложив руку под щеку, бесцветным голосом произнес Ло. — Ты же прекрасно знаешь, что твое мелкое вымогательство меня не интересует.

— Но не по своей же воле я уснул! — заныл сержант. — Откуда мне было знать, что в сигаретах снотворное?.. А-а! — Он безнадежно махнул рукой. — Чего теперь объяснять! Все равно уволят...

— Могу помочь тебе...

Сержант подошел к Патрику:

— Как?

— Где найти того «репортера», который приезжал на остров?

— Да откуда ж я знаю, господин инспектор? Я его и видел-то впервые в жизни. Наверное, хотел раньше всех о трупах сообщить. Любят они сенсации, эти газетчики. Вот и приперся на остров ночью. Но я его не пустил, как и было приказано.

— Ну, а людей, которые приезжали на остров после него, ты тоже не знаешь?

— Да что вы, господин инспектор? — Ко Ин безуспешно пытался округлить свои узкие, как щелочки, глаза, в которых все чаще стали мелькать огоньки беспокойства. — Какие люди?

Патрик поднялся из-за стола, снова закурил и несколько раз прошелся по кабинету, чувствуя спиной цепкий взгляд... Потом он подошел к сержанту и, в упор глядя на него, медленно, с расстановкой произнес:

— Игру ты ведешь верно. Ко Ин. Если бы я, скажем, захотел тебя упрятать в тюрьму за принадлежность к тайному обществу, за... впрочем, достаточно одного этого... то у меня ничего не получилось бы. Маловато улик. Вернее, их у меня совсем нет. Ты уже сказал, что спал в ту ночь, и доказать обратное я не в силах.

— Не понимаю, о чем вы говорите, господин инспектор, — удивленно начал Ко Ин, которому слова Патрика об отсутствии улик явно пришлось по душе. — Я...

— Но я не буду привлекать тебя к уголовной ответственности, — пропуская мимо ушей слова сержанта, продолжал Ло.

Он вытащил из кармана листок бумаги, с нарочитой бережностью разгладил его руками.

— Я сегодня же отправлю во все газеты вот эту маленькую штучку. Сам знаешь, как в редакциях любят сенсации. Завтра же эту заметку опубликуют под заголовком «Сержант Ко Ин приоткрывает завесу тайны над „Садом смерти“». Хороший заголовок, а?

Ло взглянул на собеседника. По скулам сержанта начали ходить желваки. Он весь напрягся, сидел с приоткрытым ртом, слегка подавшись вперед. Ко Ин словно намеревался прыгнуть на Патрика и только ждал подходящего момента.

— Не нервничай, Ко Ин, — усмехнулся Ло, — ты станешь известным человеком. Правда, ненадолго. Потому что кое-кому по вполне понятным причинам такой заголовок может не понравиться. Тебе, конечно, не терпится узнать, что будет написано в заметке? Тебе все еще кажется, что я блефую. Нет, Ко Ин, я не блефую. В заметке будет написано, что некто Ко Ин решил порвать с преступной организацией, членом которой он является. Он добровольно явился в «Си-Ай-Ю» и рассказал, что в ночь с двенадцатого на тринадцатое января преступники, усыпив с помощью сигарет «Данхилл» полицейских...

Ло оторвался от чтения и поднял голову.

— Только не вздумай наделать глупостей. Ко Ин. Бежать тебе все равно некуда. На улице стоят мои люди.

...Усыпив полицейских, подменили один из находившихся на Блаканг-Мати трупов. Дальше в ней будет написано... Впрочем, это уже детали. Достаточно того, что я сказал. Ты станешь популярным человеком, Ко Ин. Репортеры толпами бросятся тебя разыскивать. Только жаль, что пресс-конференция с тобой не состоится. Ведь тебя наверняка к этому времени не будет в живых! Ты своим дружкам толком-то и объяснить ничего не успеешь. Могу тебе пообещать, что вмешиваться мы не будем. Это ведь ваше внутреннее дело, не так ли?

Пока Ло рисовал перед сержантом столь радужные перспективы, тот молча сидел, уставившись на инспектора, и Ло видел, как хочется Ко Ину облизать пересохшие губы.

— Не смотри на меня так свирепо, Ко Ин. — попросил Патрик мягко, даже ласково. — Не то я могу испугаться и уйти отсюда, так ни о чем и не договорившись...

Сержант молчал.

— Ну, не задерживай меня, — уговаривал его Ло. — А то я не успею объехать все редакции. Решай же Ко Ин: либо ты работаешь на нас, либо...

Ло выразительно покачал бумажкой перед носом собеседника.

— Что я должен делать? — угрюмо спросил тот.

— Молодец, — похвалил сержанта инспектор. — Понятливый парень! Для начала расскажи мне что-нибудь интересное. Ужасно люблю секреты. Ну, к примеру, скажи, как называется организация, к которой ты принадлежишь?

Ко Ин оглянулся по сторонам, будто хотел удостовериться, что они здесь действительно одни, только потом вполголоса произнес:

— «Са Джи».

Патрик вздохнул:

— Придется мне ехать по редакциям...

— Почему... придется?

— Блэкнг-Мати для «Са Джи» — это слишком крупно, — спокойно сказал Патрик. — «Са Джи» занимается другими делами. Если мы договорились, к чему тебе врать, Ко Ин?

— Можно закурить? — спросил сержант.

— Если тебе легче будет ответить на мой вопрос — сделай одолжение.

Ло протянул ему пачку. Ко Ин попытался вытащить сигарету, но пальцы его не слушались.

— Как ты, однако, расстроился, — дружески усмехнулся инспектор. — Так ты не сможешь, пожалуй, дежурить.

Он достал сигарету сам и подал ее сержанту. Ко Ин закурил, сделал несколько жадных затяжек. Потом опять посмотрел по сторонам. Патрик терпеливо ждал. Сержант открыл было рот, но не смог произнести ни звука. Его узкий серый лоб стал влажным.

— Ну, хорошо. — сказал с сочувствием Ло, — я помогу тебе. А чтобы ты больше не сомневался, что мне кое-что известно, сними-ка рубашку и покажи мне шрам на левой стороне груди.

Ко Ин схватился за свою форменную куртку, как женщина за платье, когда ее собираются насильно раздеть, и судорожно затряс головой. Ло понял, что попал в точку.

— «Анг Сун Тонг»? — быстро спросил он.

Ко Ин вздрогнул, стиснул лежавшие на коленях руки так, что они побелели, и уставился в пол.

— Ты не слышишь меня? — осведомился Ло. — Повторить погромче?

Сержант бросил на него умоляющий взгляд.

— Не надо...

— Да или нет?

Ко Ин молча кивнул. Даже не кивнул — просто его голова упала на грудь.

— Давно работаешь на них? Впрочем, на эту тему мы еще успеем поговорить. Расскажи-ка лучше про твоё дежурство на Блаканг-Мати. Приди в себя и расскажи все подробно.

— Я весь день дежурил, — начал Ко Ин медленно. — А вечером, когда я уже освободился, на улице ко мне подошел Фын...

— «Репортер», что ли?

— Да. Он сказал, чтобы я вернулся в участок и попросился сегодня ночью на дежурство. Когда мы приехали на остров...

— Не торопись, — перебил сержанта Патрик. — В котором часу ты с ним виделся?

— В девять у меня кончилось дежурство, и я сразу собрался домой.

— Допустим. А у твоего начальника не вызвало удивления, что ты хочешь остаться на ночь? И потом тебя же могли направить в другое место, не обязательно на Блаканг-Мати.

— Я сказал лейтенанту, что завтра хочу взять отгул. Так многие делают. А в другое место я попасть не мог. На ночь все посты распределяются заранее, и меня могли включить только в оперативную группу... Я договорился со старшим этой группы, и он согласился подежурить на следующий день. В участке уже было известно, что группа, дежурившая днем, уехала на Блаканг-Мати. И мы должны были ее сменить.

«Четко работают, — подумал инспектор, делая пометку в блокноте. — Нужно бы проверить всю цепь, по которой шла информация о находке на острове».

— Дальше?

— Около двенадцати на остров приехал Фын. Мы сидели у могильника, и я пошел на берег посмотреть, что за лодка подчалаила. Фын шепнул мне, чтобы я не пускал его к трупам и не курил сигарет, которыми он угостит всех. Когда полицейские заснут, велел посветить фонариком в сторону пролива. А потом громко сказал, что он журналист, хочет сфотографировать могильник и все такое... В общем, все получилось, как он сказал. Мои ребята заснули, а я посветил, и к острову подчалаил сампан. Фын и еще трое..

— Ты видел раньше этих троих?

— Только одного...

— Как его зовут?

— Красный Жезл.

Патрик мысленно заглянул в досье «Анг Суп Тонг». Красным Жезлом, по имеющимся в «Си-Ай-Ю» данным, именовался главарь так называемой боевой группы.

— Потом что?

— В сампане лежало тело, завернутое в мешковину. Мы вытащили его... понесли к могильнику.

— Как выглядел труп, который вы выкопали?

— Я не видел.

— Что ты мелешь?! — вскричал Патрик. — Ты же стоял рядом!

— Я не видел его, — упрямо повторил Ко Ин. — Его никто не видел. Когда на трупе оставалось еще немного земли, Красный Жезл всем велел отойти. Потом он накрыл его мешковиной...

— Это был труп мужчины?

— Да.

Ло снова закурил.

— Ладно. Будем пока считать, что ты не врешь. Теперь расскажи мне о твоих взаимоотношениях с Красным Жезлом.

— Он мой босс.

— Об этом я уже догадался. И часто ты его видишь?

— За последние полгода только на Блаканг-Мати.

— Ты знаешь, где его найти?

— Нет. Он передает мне указания через Фына.

— Кого еще «сверху» ты знаешь?

— Больше никого.

— Сколько у тебя своих людей?

— Десять человек.

Патрик взял со стола чистый лист бумаги.

— Мне нужны сведения о каждом: фамилия, кличка, где служат...

Ко Ин вынул из кармана авторучку. Пока он писал, Патрик воспроизвел в уме только что состоявшийся разговор. Сержант был сильно напуган и явно не врал. Значит, удалось наконец ухватиться за ниточку, ведущую к неуловимой «Анг Сун Тонг».

Неожиданно для себя Патрик подумал, что слишком уж просто все получилось. Не очень ли быстро заговорил Ко Ин? Ло по натуре был человеком азартным. Страстный любитель бриджа, он, впрочем, как каждый истинный поклонник этой серьезной, требующей раздумий игры, не признавал победы без борьбы. За карточным столом он получал щемящее наслаждение от самой партии, а не от ее результата, хотя проигрыш всегда сильно огорчал Патрика. Эмоции игрока продолжали жить в инспекторе и в служебное время. Поэтому Ло чувствовал сейчас некоторое неудовлетворение. Он выходил на одного из главарей «Анг Сун Тонг» почти без всяких усилий. Без долгожданной, захватывающей партии с могущественной «триадой», где Патрик надеялся со смакованием обдумывать Каждый ход, угадать в конце концов карты противника, сделать загадочный, обескураживающий сброс и неожиданно атаковать крупным

kozyрем. Игра, к которой Ло был постоянно готов, вдруг начала терять для него свою прелесть.

«Стоп, — одернул себя инспектор, — загадочный сброс пока сделал противник. Вот и доставь себе удовольствие — разгадай его карты. Еще вчера ты, кажется, был настроен не слишком оптимистично. А сегодня, едва переиграв какую-то пешку, считаешь, что „Анг Сун Тонг“ у тебя в руках. Доберись сначала хотя бы до Красного Жезла».

Полицейский закончил писать. Патрик взял у него листок, пробежал глазами и возвратил Ко Ину.

— Ты забыл себя. И впиши-ка на всякий случай Фына и Красного Жезла. А то я могу про них позабыть.

Сержант сделал, как ему было сказано.

— Что это за номер? — поинтересовался Ло, увидев на последних трех строчках какие-то цифры.

— Клички продублированы. Всех рядовых членов, как и меня, зовут «монахами», но каждый из нас имеет свой личный номер.

— Рядовых? Но у тебя же есть свои люди. Кстати, почему у них нет номеров?

— Они не входят в организацию. Они даже не знают, что она существует. Работают только на меня. И от меня... получают деньги.

«Как раковая опухоль! — Патрика вдруг охватила злость. — Ее вырезаешь в одном месте, а она возникает в другом».

— С Фыном у тебя двусторонняя связь? — спросил он сержанта, молча ожидавшего новых вопросов.

— Да. Но мне разрешено ею пользоваться лишь в крайнем случае.

— Как ты можешь вызвать его на встречу?

— На Хавлок роуд возле отеля «Мирамар» стоит дорожный знак «Остановка запрещена». На обратной стороне — «Стоянка запрещена». Знак никогда не меняют. Мне достаточно перевернуть диск, и максимум через час меня разыщет Фын или кто-нибудь из его людей.

— Ну что ж, — Ло посмотрел на часы, — тебе пора на дежурство. Указания получишь позже. А пока вот два телефона. — Он набросал на клочке бумажки несколько цифр и протянул Ко Ину. — Появится Фын — позвонишь. И учти: с этого момента мы контролируем каждый твой шаг...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ИНТРИГА

1

Поджарый седовласый китаец с холеным лицом и жестким взглядом выбрался из глубокого кресла, обитого черным плюшем, и молча прошелся по темно-зеленому ворсистому ковру. Двое собеседников подобострастно следили за каждым его движением.

Мебель из сандалового дерева — два кресла с тисненными лилиями на спинках, такого же цвета диван, журнальный столик, небольшой шкафчик и торшер, — все убранство комнаты свидетельствовало о тонком и оригинальном вкусе хозяина.

Продолговатый резной столик на изогнутых ножках был инкрустирован перламутром. Такой же рисунок и искусная резьба украшали подставку торшера с зеленым, под цвет ковра, абажуром и застекленный шкаф. На стенах висели две картины, позолоченная, украшенная драгоценными камнями иранская сабля, маска какого-то полубога-получеловека. Одна из картин, выполненная тушью, изображала сцену ожидания приема в императорском дворце. На другой лаком были нарисованы два свернувшихся дракона.

Дневной свет едва пробивался сквозь плотную зеленую ткань на окнах, и это делало комнату похожей на склеп.

Хозяин роскошного особняка, в котором находилась эта комната, расхаживающий сейчас в лиловом халате по ковру, был крупным бизнесменом, почтенным отцом небольшого семейства, человеком, уважаемым в обществе.

Однако немногим было известно, что этот шестидесятилетний старик является главой «Анг Сун Тонг» — наиболее могущественной сингапурской «триады». Как и остальные вожди тайного общества, он имел свой титул и именовался Желтым Драконом.

Один из его собеседников занимал третий по значимости пост в организации. Его звание звучало громоздко и выспренне: Белый Бумажный Веер. В уставе «Анг Сун Тонг» под названием «Каноны» говорилось, что Белый Бумажный Веер призван «блюсти единство великого братства и заботиться о том, чтобы прочную твердь, на которой покоится священный союз Неба, Земли и Человека, не подтачивали черви непочтительности и непокорности».

Проще говоря, Белый Бумажный Веер был идеологом «Анг Сун Тонг». Его роль, как порой говорил Желтый Дракон в узком кругу вождей, сводилась к тому, чтобы научить рядовых членов «триады» — «монахов» — больше молчать и меньше думать.

«Когда человек думает, — часто любил повторять Желтый Дракон, — это превращается у него в дурную привычку, от которой его потом трудно отучить. А молчать легче. Тем более, когда сознаешь, что молчание — это не столько золото, сколько жизнь».

Теми, кто не усваивал несложные положения «Канонов», занимался другой сидевший в комнате человек. Он имел сан Красного Жезла. Полсотни убийц, которых он держал в подчинении, по приказу своего босса немедленно и безжалостно расправлялись со всеми, кто проявлял малейшее недовольство, кто не умел держать язык за зубами или стремился занять место старшего по рангу.

Сам Красный Жезл, впрочем, давно метил на пост Белого Бумажного Веера. Этот пост давал больше полномочий и соответственно больше прибыли. Белый Бумажный Веер имел более обширные и выгодные районы для рэкета. Красный Жезл ненавидел «старшего брата» и ждал случая, чтобы убрать его с дороги.

С Белым Бумажным Веером, Красным Жезлом и другими главарями «триады» Желтый Дракон виделся редко. Обычно они встречались лишь во время ритуалов, проводившихся раз в два месяца. Другие встречи были исключением. Связь поддерживалась через человека, стоявшего на низшей ступени иерархической лестницы вождей, — Соломенную Сандалию.

Но сегодня и Белый Бумажный Веер и Красный Жезл уже во второй раз за последние три

недели находились в «зеленой гостиной» Желтого Дракона.

— Право, экселенц, — оправдывающимся тоном проговорил Красный Жезл, — я ума не приложу, как мы могли просмотреть начало работ на Блakanг-Мати.

— Это беспредметный разговор, — поморщившись, произнес Желтый Дракон. — К тому же вашей вины здесь нет. Красный Жезл.

Он возвратился в кресло и стал пристально рассматривать свой золотой перстень с таким же, как и на лаковой картине, узором в виде свернувшихся драконов.

Речь Желтого Дракона была лаконичной. Он говорил всегда тихо, медленно, словно произносить слова ему стоило больших усилий. Он имел обыкновение разговаривать с собеседниками таким тоном, что те вдруг начинали чувствовать себя в чем-то виноватыми.

Красный Жезл прекрасно знал, что он ни при чем. О том, что на острове появились рабочие, Желтому Дракону должен был сообщить Тонкий Бамбук. Вместе со своими многочисленными осведомителями Тонкий Бамбук был глазами и ушами организации. Видя, что глава «триады» раздражен и раздражен сильно, Красный Жезл решил попытаться аккуратно переложить часть недовольства Желтого Дракона на своего «младшего брата». Но по тому, как Желтый Дракон его оборвал и сделал ударение на слове «здесь», Красный Жезл понял, что предстоит не слишком приятный разговор.

— Если экселенц позволит... — неуверенно начал он.

— Я слушаю.

— «Джи Хо» больше не будет мешать нам ни здесь, ни в Таиланде. Операция закончена. Со вчерашнего дня «Джи Хо» больше не существует. Их люди будут работать теперь на нас и...

— Сейчас меня это не интересует, — сухо произнес Желтый Дракон.

Его тонкие бледные пальцы скользнули в стоящую на столике коробку из черного дерева с изящным золотым орнаментом и извлекло оттуда сигарету. Красный Жезл торопливо достал из кармана зажигалку, чуть помедлил, давая улетучиться запаху газа, и услужливо поднес ее Желтому Дракону. Затем он вопросительно уставился на главу «Анг Сун Тонг».

— Экселенц желает узнать подробности акции на Блakanг-Мати, — вмешался Белый Бумажный Веер.

Красный Жезл не помнил случая, чтобы Желтый Дракон когда-нибудь интересовался деталями операций. О результатах ему сообщалось через Соломенную Сандалию, и этого всегда оказывалось достаточно. Так было и на этот раз. И вот спустя неделю Желтый Дракон почему-то решил вернуться к событиям той ночи. Это было явным проявлением недоверия к Красному Жезлу. И, судя по всему, без вмешательства Белого Бумажного Веера тут не обошлось. Красный Жезл одарил «старшего брата» не слишком дружелюбным взглядом.

— Я полагал, экселенц, что Соломенная Сандалия...

Он осекся, наткнувшись на немигающий взгляд бесцветных глаз Желтого Дракона, молча поклонился и начал рассказывать обстоятельно, не упуская ни малейшей подробности.

— Вы уверены, что полиция ничего не заметила? — спросил Желтый Дракон, когда Красный

Жезл закончил.

— Снотворное сработало безотказно, экселенц.

— А этот ваш... сержант?

— Ко Ин, экселенц?

— Да.

— Он надежный человек.

— Не сомневаюсь, — усмехнулся Желтый Дракон.

— Вы имеете в виду, что у «Си-Ай-Ю» могут возникнуть какие-то подозрения?

— Я ничего не имею в виду. Вы знаете мой принцип: лучше отрубить палец, чтобы сохранить руку.

— Он вне подозрений, экселенц. Я вас уверяю. Ко Ин — один из моих лучших людей.

— И все же лишняя проверка не помешает.

— Слушаюсь, экселенц.

Желтый Дракон медленно поднял левую руку и потер пальцами висок. Белый Бумажный Веер и Красный Жезл молча ловили каждое его движение.

— Труп Лима не выведет «Си-Ай-Ю» на «Тумасик»? — снова обратился глава «Анг Сун Тонг» к Красному Жезлу.

— Исключено, экселенц. В Бангкоке у него не было «хвоста».

— Билет?

— Я все вытряхнул у него еще на судне, экселенц.

— Вы видели билет?

Красный Жезл вдруг отчетливо вспомнил, что в бумажнике Лима билета не оказалось. Но тогда это не имело никакого значения. Участь Лима была решена. В ожидании выкупа, который он обещал за свою жизнь и который все равно не спас его, Лима отвезли на Блakanг-Мати. А остров на протяжении последних двадцати лет надежно хранил свои тайны.

«Черт побрал бы этот гольф-клуб, этих рабочих и этот остров! — выругался про себя Красный Жезл. — Наверное, билет где-нибудь затерялся...» — Я уничтожил его, экселенц, — ответил он, стараясь придать своему голосу как можно больше уверенности.

— Так вы даете полную гарантию, что все было чисто, младший брат? — с ехидной вежливостью осведомился Белый Бумажный Веер.

— У старшего брата появились какие-то сомнения в отношении меня или моих людей? — с такой же подчеркнутой любезностью отозвался Красный Жезл, предчувствуя, однако, недоброе.

Губы Белого Бумажного Веера искривились в едва уловимой усмешке.

— Ну что вы, младший брат. Я даже убеждал экселенца в том, что эпизод с Сунгаем нужно считать чистой случайностью.

Так вот почему раздражен Желтый Дракон! В первую минуту Красный Жезл почувствовал, как он наполняется бессильной яростью. Белый Бумажный Веер умел наносить удары из-за угла. Но ярость тотчас же сменилась почти животным страхом. Неприятный, колющий холодок сбежал по спине. Он метнул короткий взгляд в сторону Желтого Дракона. Тот сидел не шелохнувшись — точь-в-точь нефритовая статуэтка из знаменитой коллекции братьев Ау. [7] И эта неподвижность не просто пугала. Она внушала ужас. Так замирает кобра, увидев перед собой жертву.

Сунгай, механик с «Тумасика», улизнул с судна еще до шторма, вероятно, сразу же после того, как Красный Жезл со своими людьми подчалил на моторных сампанах к судну и поднялся на борт. Исчезновение индонезийца было замечено слишком поздно. Правда. Красный Жезл не придал этому значения, потому что считал: механику не преодолеть сто миль, да к тому же еще и в шторм. Он не стал ничего говорить Желтому Дракону, чтобы лишний раз не раздражать его.

«Неужели проклятому индонезийцу все-таки удалось выплыть? — мелькнуло в голове Красного Жезла, но он постарался тут же себя успокоить: — Нет, невозможно. Но как эта злобная крыса вынюхала, что Сунгай бросился в море?» — Мои люди совершенно случайно узнали о том, что Сунгай появился в доках, — словно угадав мысли Красного Жезла, произнес Белый Бумажный Веер.

— Почему вы не сказали мне, что Сунгай жив? — Тон Желтого Дракона не предвещал ничего хорошего.

— Экселенц, я был уверен в обратном.

— Вы знали о том, что он исчез с судна?

— Экселенц, — Красный Жезл облизал пересохшие от волнения губы, — надвигался сильный шторм... к тому же сто миль... я счел не заслуживающим вашего внимания...

вернуться

7

Частный музей нефритовых скульптур эпохи династии Сун и Цин (X-XVII вв.), известный под названием «Хаус ов джейд» (Дом нефрита — англ.).

— Вы знали о его исчезновении?

— Да, экселенц, — выдавил из себя Красный Жезл.

— Я очень недоволен вами. — тихо произнес Желтый Дракон, легонько постукивая по ладони взятым со стола игрушечным самурайским мечом.

Красный Жезл почувствовал такую слабость в ногах, что, прикажи ему Желтый Дракон встать, он не смог бы этого сделать. Красный Жезл хорошо знал, что означает эта игрушка в руках

главы «триады». Если тот давал понять собеседнику, что разговор окончен, и не клал меч на место, участь уходящего была решена: через потайное отверстие в стене за руками Желтого Дракона обязательно следил кто-нибудь из его личной охраны. Правда, Желтый Дракон никогда не брал меч во время бесед с другими вождями «Анг Сун Тонг». Суд над ними, согласно «Канонам», вершился лишь во время ритуала. Но сейчас это было слабым утешением для Красного Жезла.

— Экселенц, — прохрипел он, проглотив вставший поперек горла комок. — Сунгай будет найден в ближайшее время.

— Я даю вам три дня.

— Да, экселенц. Благодарю вас, экселенц. Я...

— Люди Белого Бумажного Веера взяли под наблюдение доки, — сказал Желтый Дракон. — Но им трудно выполнять чужие обязанности. Потрудитесь освободить их от этого.

— Да, экселенц.

Игрушечный меч лег на свое прежнее место Красный Жезл смотрел на него как замороженный.

— Я рассчитываю, что в будущем мы будем застрахованы от подобных неожиданностей, не так ли, Красный Жезл? — услышал он откуда-то издали голос Желтого Дракона.

— Вы можете быть в этом уверены, экселенц.

— Благодарю за обнадеживающий ответ.

Желтый Дракон перевел свой пронизывающий взгляд на Белого Бумажного Веера — Теперь по поводу девчонки. Вы виделись с филиппинцем?

— Да, экселенц, — поспешно ответил тот. — Филиппинец предлагает за нее двадцать тысяч долларов.

— Сингапурских?

— Американских, экселенц.

— Она ему так понравилась? Что ж, девчонка будет неплохим украшением для его заведения. Сумма левая, но больше мы из него вряд ли выудим. Пусть забирает.

— Слушаю, экселенц.

— Когда вы должны с ним встретиться?

— Послезавтра, экселенц.

— Завтра девчонка должна быть у меня... — Желтый Дракон взглянул на небольшой настольный календарь со своими пометками, — ...после обеда. Вечером ее можно будет забрать.

Белый Бумажный Веер понимающе улыбнулся:

— Будет исполнено, экселенц. У вас прекрасный вкус. Эта...

— В ближайшее время вам предстоит серьезное дело, — снова обращаясь к Красному Жезлу, сказал Желтый Дракон, — подробно вы будете информированы через Соломенную Сандалию. Поэтому «товар», отобранный у Лима, нужно передать Белому Бумажному Вееру. Когда и где — решите сами. И чем скорее, тем лучше.

— Да, экселенц.

Желтый Дракон откинул голову на спинку кресла и прикрыл глаза. Аудиенция была окончена. Белый Бумажный Веер и Красный Жезл поднялись и застыли в угодливом поклоне, предназначавшемся скорее не главе «Анг Сун Тонг», а друг другу и потайному отверстию в стене. Затем они бесшумно вышли из комнаты.

2

На пересечении Нассим и Танглин роуд, рядом с белоснежным фамильным особняком братьев О, шло представление китайской уличной оперы — вайянг.

Вокруг деревянной, наспех сколоченной сцены толпились зрители. Уличные торговцы с тележками проворно шныряли в толпе, наперебой предлагая сахарный тростник, охлажденное кокосовое молоко, кока-колу и миринду.

В темноте наступившего вечера ярко освещенная сцена казалась огромной прямоугольной дырой на огромном черном холсте. В верхней части сцены одно за другим были натянуты несколько узких, с выцветшей зеленой бахромой красных полотнищ, исписанных черными и желтыми иероглифами. По бокам и в глубине висели большие панно из папье-маше с рисунками в красно-желто-зеленых тонах. Не очень искусная рука доморощенного художника набросала вперемешку фрагменты из жизни древних китайских императоров, изображения богов, драконов, иероглифы, витиеватые узоры.

На фоне этой аляповато-примитивной декорации несколько артистов разыгрывали сцену из какого-то средневекового китайского произведения. Лица артистов были так обильно покрыты белым, красным, желтым гримом, что его характерный резкий запах витал над толпой. Каждый цвет по многовековой традиции уличной оперы обозначал определенную черту характера.

Действие сопровождалось заунывной музыкой небольшого оркестра и гулкими ударами барабана, отделявшими один акт от другого.

Представление подходило к концу. На сцене появился высокий мужчина — вероятно, плавное действующее лицо постановки, — и остальные артисты уважительно склонили перед ним головы. Мужчина был одет в узорчатый пурпурный халат с огромными рукавами. На голове возвышалась золотистая корона, в руках он держал меч. Все лицо актера было в румянах — символ смелости, честности и верности. Широкие у краев и сужающиеся к переносице наклеенные брови также имели прямое отношение к символике: они подчеркивали положительный характер героя, многие его добродетели. Негустая, но длинная — до пояса — борода свидетельствовала не столько о его преклонных годах, сколько о мудрости.

Мужчина сделал несколько больших шагов по подмосткам, остановился, взмахнул мечом и, обращаясь к стоящим на сцене, громовым голосом начал:

— С тех пор, как герои Ляньшаньбо изъявили свою покорность Сунской династии, разбили на

севере войска Ляо и пошли на юг, им пришлось выполнять нелегкий труд!.. Теперь я хочу вернуться домой одетым в парчу, мечтаю дать титул жене и передать его сыновьям. Но что ожидает меня дома? Мой повелитель, который все отнимет у меня Урожай, деньги, жену.

Артист повернулся к зрителям и, глядя поверх их голов в темноту, продекламировал:

Над ровною водною гладью покой,
Прозрачна речная вода
Но хлеб ваш посеян не вашей рукой,
Вы в жатву не знали труда.
Мы вас благородным могли бы счесть.
Когда б перестали вы в праздности есть
Хлеб, собранный без труда.

Раздалась барабанная дробь. Зрители бешено зааплодировали. Спектакль кончился.

Главный герой раскланялся и удалился в каморку, которая в приличных театрах называется артистической. Он снял брови, бороду, корону, начал расстегивать халат. В каморку вошел один из артистов.

— Там пришел какой-то человек. Говорит, что он из литературно-драматического общества.

Мужчина удивленно выпятил нижнюю губу.

— И что ему нужно?

— Он хочет видеть тебя.

— Пусть войдет.

Актер исчез в проеме дверей, и через несколько секунд в помещении появился китаец лет тридцати — тридцати двух в безукоризненно сшитом голубом костюме, накрахмаленной сорочке и цветастом галстуке.

— Я попадаю на второе выступление этой труппы, — сказал он, поздоровавшись, — и не могу не выразить восхищения вашей игрой Сидящий молча наклонил голову в знак благодарности.

— Меня зовут Гун, — продолжал гость. — Я представляю литературно-драматическое общество и от его имени хочу сделать вам, как руководителю труппы, выгодное предложение.

— Я слушаю вас — Простите, я не знаю вашего имени...

— Фонг.

— Быть может, господин Фонг, мы перенесем нашу беседу в более подходящее место? Какую кухню вы предпочитаете? Европейскую? Китайскую? Японскую?

— Гм, я не очень уверен, что смогу..

— О, нет. Прошу вас, не отказывайтесь. За столом легче говорится. К тому же я считаю своим долгом отблагодарить вас за доставленное мне удовольствие. Вы выбираете ресторан — я заказываю ужин.

— Хорошо, — согласился хозяин каморки после некоторого колебания. — В таком случае я

предпочел бы «Син Леон».

— Если не ошибаюсь, это на Макферсон роуд, с красной аркой над входом?

— Да.

— У вас прекрасный вкус. Я не бывал в этом ресторане, но слышал от знакомых самые лестные отзывы о нем. Говорят, там изумительная кантонская кухня. Итак, мы встречаемся?..

— Через сорок пять минут.

— Отлично. Я вас жду в «Син Леоне».

Оставшись один, мужчина повернулся к зеркалу и стал снимать с лица грим. Потом он тихо свистнул. В дверях вырос актер, который говорил ему о приходе Гуна.

— Ты слушал наш разговор?

— Да, Красный Жезл.

— Не нравится он мне. Позвони Тану, скажи, что этот парень сейчас придет заказывать ужин и что я там буду без четверти девять. Ты поедешь со мной.

— Хорошо.

Через десять минут Красный Жезл вышел на улицу. Темно-серая «тойота», стоявшая на противоположной стороне у тротуара, дала задний ход. Дверца машины открылась, и Красный Жезл развалился на сиденье, с удовольствием вытянув ноги.

— Ты дозвонился до Тана? — спросил он своего спутника, сидящего за рулем.

— Да, — ответил тот. — Тан сказал, что это очень кстати. У него есть какие-то новости.

Красный Жезл откинул голову на спинку сиденья и прикрыл глаза. «Тойота» плавно катилась по вечернему городу. Сквозь опущенные веки Красный Жезл чувствовал, как по обеим сторонам меняется реклама. Настроение было скверное. Он никак не мог прийти в себя после вчерашнего разговора у Желтого Дракона. Этот паршивый шакал Белый Бумажный Веер не упускает случая сунуть свой мерзкий нос в чужие дела. Что-что, а стравливать людей он умеет. И делает это виртуозно. Это он добился казни Хранителя Алтаря три года назад, внушив Желтому Дракону, что тот мечтает встать во главе «Анг Сун Тонг». Хитер как змея! Отказался занять место казненного, хотя ранг Хранителя Алтаря гораздо выше. Он, видите ли, «недостойн вознестись столь высоко и предпочитает отдавать скромные силы укреплению великого братства на своем месте». Нет, Красного Жезла не проведешь. Он-то знает, что нужно Белому Бумажному Вееру. Ему нужно знать, что делается в кланах, чтобы держать всех в руках и при случае скакнуть на самый верх. Потому он и цепляется за свое место, что на нем легче покупать чужих людей. Ну ничего, когда-нибудь и он споткнется. Представится возможность, и Красный Жезл поможет ему.

«За каким чертом я согласился на сегодняшний ужин? — в сердцах подумал Красный Жезл. — Литературное общество вряд ли меня заинтересует, а выяснить, что этот Гун не имеет к нему никакого отношения, я мог бы и у себя».

Интуиция подсказывала, что от Гуна нужно ждать каких-то неприятностей. Уж слишком

наигранным было его восхищение спектаклем и совсем непонятным предложение отужинать вместе. Что общего могут иметь какое-то литературное общество и уличная опера? Впрочем, не имеет значения, с какой целью этот кретин захотел встретиться с ним, Красным Жезлом. Если он сделает какое-то выгодное предложение, можно будет подумать. А если?.. Красный Жезл выругал себя за дурацкие мысли. Что-то он в последнее время стал слишком нервным. Нет, он недотягивает для Белого Бумажного Веера. Впрочем, после того, как тот пронюхал о Сунгае, от него можно ждать всего, что угодно.

Машина свернула налево. Красный Жезл лениво открыл глаза и посмотрел на часы. До встречи с Гуном оставалось еще двадцать пять минут. Мысли о Белом Бумажном Веере сильно подогрели его, и теперь требовалась разрядка.

— Притормози здесь, — сказал он, когда машина поравнялась с отелем «Тионг Хоа».

«Тойота» с ходу ловко нырнула в узкий коридор из разноцветных легковушек и замерла у входа. К ней тут же подскочил, чтобы открыть дверь, здоровенный швейцар-индус в черном балахоне по щиколотки, усыпанном медными бляшками, в блестящих черных сапогах и медном шлеме. В своем одеянии он напоминал нечто среднее между тевтонским рыцарем и пожарником. Красный Жезл равнодушно скользнул по нему взглядом — редкий отель в городе не имел экстравагантно одетого швейцара — и вышел из машины. Он швырнул через плечо двадцатицентовую монету, которую пожарник-рыцарь подхватил на-лету, и направился к входу. Высокие стеклянные двери бесшумно раздвинулись, пропуская Красного Жезла, и снова сомкнулись.

Он повернул направо и вошел в один из небольших, но дорогих магазинчиков, расположенных по периметру просторного, наполненного ярким светом бесчисленных ламп холла.

Посетителей внутри не было. Дверь задела висевший у самого потолка колокольчик. Он легко звякнул, и из-за витрины с ворохом цветастых платьев поспешно выкатился толстенький хозяин-китаец. Его сощуренные маслянистые глазки и два ряда выставленных для обозрения неровных желтоватых зубов должны были означать одновременно и приветливую улыбку и страстную любовь к потенциальному покупателю. Еще не видя вошедшего, он уже открыл рот, чтобы самым любезным тоном справиться о здоровье посетителя, на которое ему, впрочем, было наплевать, но, глотнув порцию воздуха, лишь шлепнул жирными губами.

Маска радушия мгновенно соскользнула с лица хозяина магазина. Теперь его физиономия выражала растерянность. Он попятился за витрину, а Красный Жезл с каменным лицом неторопливо двигался за ним. Почувствовав спиной стену, торговец вздрогнул и сделал движение назад, словно хотел в нее втиснуться, потом стал медленно поднимать руки для защиты. Красный Жезл сделал еще несколько шагов, резко взмахнул рукой и ребром ладони ударил его по переносице. Торговец вскрикнул и схватился обеими руками за лицо. Сквозь его пальцы потекла тонкая струйка крови.

Из задней комнаты показалось испуганное лицо пожилой полной китаянки. Увидев, что происходит в салоне, она с неожиданной резвостью подскочила к входной двери, перевернула на ней табличку, означавшую, что магазин закрыт, и так же проворно юркнула обратно. Красный Жезл даже не посмотрел в ее сторону.

— Ты забыл, в какой день должен отдавать деньги моим людям? — негромко осведомился он у хозяина.

— Вчера я не... — начал толстяк, не отнимая рук от лица.

Он не договорил. Красный Жезл сделал короткое движение ногой. Носок его ботинка на мгновение прилип к коленке торговца.

— О-о-ы-ы, — взвыл тот и рухнул на пол.

Красный Жезл молча повернулся и направился к выходу. У дверей он задержался и, не глядя на валявшегося на полу охающего китайца, отчеканил:

— Еще одно мое появление здесь обойдется тебе очень дорого.

3

Кондиционеры мягко жужжали и заполняли помещение прохладой, особенно приятной после уличной жары. Красный Жезл мельком оглядел зал: Тан усадил Гуна там, где нужно. Тот развалился за столиком у эстрады и приветливо махал Красному Жезлу рукой.

— Надеюсь, вас не очень утомило выступление? — вежливо осведомился молодой человек, когда Красный Жезл сел рядом.

— Нет, — небрежно бросил он. — Я привык.

Два официанта с подносами уже летели к их столику.

— Прошу вас, господин. — Один из них, услужливо изогнувшись, подал Красному Жезлу тарелку с целлофановым пакетиком, в котором была герметически запечатана махровая салфетка.

Красный Жезл взял пакет и с размаху стукнул им по ладони левой руки. Раздался хлопок. Он вынул влажную, почти горячую салфетку, благоухающую жасмином, вытер лицо, руки и небрежно уронил ее обратно на тарелку.

— К сожалению, я забыл поинтересоваться вашими привязанностями в еде, — улыбаясь, произнес Гун, — и заказал на свой вкус несколько кантонских блюд.

— Здесь их готовят великолепно, — безразличным тоном отозвался Красный Жезл.

— Вы ничего не имеете против маотая? [8] Или...

— На ваше усмотрение, — нетерпеливо перебил его Красный Жезл. — Я, откровенно говоря, не большой любитель крепких напитков.

— Пожалуйста, маодай и вино, которое у вас здесь считается лучшим, — обратился Гун к официанту.

Тот согнулся пополам и в таком положении удалился. Молодой человек повернулся к Красному Жезлу.

— Позвольте еще раз выразить вам признательность за доставленное мне удовольствие.

Красный Жезл молча наклонил голову.

— В «Речных заводах» [9] сто двадцать глав. Надеюсь, вы не все включили в ваше сегодняшнее выступление, — пошутил Гун. — К сожалению, я опоздал к началу спектакля.

вернуться

8

Китайская рисовая водка.

вернуться

9

Древнейший памятник китайского народного песенного творчества.

— Нет. — усмехнулся Красный Жезл, — это было бы слишком скучно. — Он внимательно посмотрел на собеседника. — А вы неплохо знаете классику.

— Я окончил Наньянский университет, — не без гордости сообщил тот, — отделение древней и средневековой литературы.

«Значит, я ошибся, — подумал Красный Жезл. — Это просто восторженный и самовлюбленный идиот из литературного общества. Да, что-то у меня нервы разболтались. Интересно, какого черта ему нужно? Хочет пригласить меня выступить у них? Но не могу же я быть одновременно членом двух обществ!» Последняя мысль развеселила Красного Жезла, и он даже пожалел, что не может поделиться ею с собеседником.

— Не сочтите меня невежливым, господин Фонг, — снова заговорил Гун, — но... нужна ли эта слезливость в конце? Тем более что последние три фразы в финале и стихотворение не имеют никакого отношения к «Речным заводам». Стихи ведь из «Ши цзина», если мне не изменяет память.

— Какая разница — «Ши цзин», [10]«Речные заводы»? — поморщился Красный Жезл. — Что нужно глупой, сентиментальной толпе? Поглазеть на пестрые тряпки, в которых ходили их предки. Послушать лязг мечей. А несколько всхлипов под занавес приводят ее в совершеннейший экстаз. Вы же сами видели, как они бесились от восторга!

Гун ничего не ответил. Они съели по небольшому кусочку черепахи. Подошедший официант наполнил бокалы.

— Судя по вашей реплике о разгроме войск Ляо, — сказал Гун, пригубив маодай, — вы придерживаетесь того мнения, что рассказ о походе на Ляо входил в первоначальный вариант романа?

Красный Жезл мысленно послал собеседника ко всем чертям. Не хватало еще тут развести целую дискуссию о том, как писались «Речные заводы». В конце концов какое ему дело до средневековых свар? И почему он должен выслушивать всю эту глупую и нудную болтовню?

— А вы полагаете, что это не так? — ответил вопросом на вопрос Красный Жезл, пытаясь скрыть свою неосведомленность.

Его раздражал этот разговор. Прыткому выпускнику Наньянского университета явно хотелось блеснуть своими познаниями. «Что это? — снова насторожился Красный Жезл. — Пустая кичливость хвастуна с образованием? Или увертюра к какому-то серьезному разговору,

который не имеет никакого отношения к литературе?» Красный Жезл прекрасно разбирался в тонкостях светских бесед своих сородичей. Когда встречались интеллигентные противники, они не торопились выяснять отношения с ходу, а начинали издали. Но при этом всегда старались навязать друг другу такую тему разговора, в которой чувствовали себя сильнее собеседника. Это походило на психологическую атаку — смутить противника, вселить в него неуверенность, доказать собственное превосходство. А потом неожиданно перейти к главному и, не давая ему опомниться, нанести решающий удар. Такой прием называется «вынудить человека потерять свое лицо». Недаром у них на родине считается, что «потерявший лицо» не в силах долго сопротивляться.

— Я слышал, что эта история была включена в роман при его переиздании, — небрежно заметил Гун. — Впрочем, это не столь важно. Мало ли примеров, когда кто-то что-то добавлял в литературные произведения? Или, наоборот, что-то изымал из них в свою пользу. Кстати говоря, сейчас ведь тоже многие частенько присваивают себе то, что им не принадлежит. И это касается не только литературы...

Как показалось Красному Жезлу, Гун сделал ударение на последней фразе, явно выделяя ее. «Даже если я ошибся, — решил про себя Красный Жезл, — ты заплатишься за свою неучтивость. Тебе не повезло — сегодня у меня плохое настроение».

— Вы, кажется, хотели сделать мне какое-то предложение? — несколько раздраженным тоном напомнил он молодому человеку вопреки традиционным китайским правилам приличия, требующим, чтобы собеседник первым заговорил о своем деле.

Губы Гуна чуть дрогнули в усмешке. Он не спеша положил палочками себе в рот очередной кусочек черепахи и отпил маленький глоток маодая.

— О, прошу прощения. Забыл о самом главном! Болтаю всякую чепуху. Предложение действительно заманчивое. Насколько я догадываюсь, вы не прочь выгодно пристроить некие любопытные бумаги, изъятые вами на «Тумасике» у некоего Лим Бан Лима...

Молодой человек произнес все это таким спокойным тоном, словно предлагал собеседнику выступить на сцене литературно-драматического общества, и снова принялся за черепаху.

Красный Жезл, взявшийся было за бокал с вином, положил руку на стол. Гун не понравился ему с первого взгляда, и интуиция его не подвела. Парень чрезвычайно опасен, и его нужно будет убрать. Хотя бы потому, что он знает о нападении на «Тумасик». Но что еще хуже, ему известно о документах. До сих пор Красный Жезл считал, что это только его тайна. Никто не видел, как он случайно вскрыл двойное дно в портфеле Лима и обнаружил там бумаги, за которые — Красный Жезл сразу это понял — можно будет отхватить кругленькую сумму. Это были совершенно секретные инструкции по подготовке недавнего переворота в Таиланде, составленные не без участия ЦРУ. Красный Жезл не очень интересовался политикой. Но, вспомнив о скандалах последних трех лет, которые разразились в связи с обнаружившейся причастностью ЦРУ к переворотам в различных странах, смекнул, что кое-кто хорошо заплатит за бумаги, чтобы избежать очередного шума.

Он утаил документы от Желтого Дракона, считая, что тот вполне обойдется и героином, отобранном у Лима. Героин в конце концов добыча общая. Лима выследили в Таиланде люди Тонкого Бамбука, которые давно уже занимались этими недоносками из «Джи Хо», осмелившимися встать поперек пути «Анг Сун Тонг». Он, Красный Жезл, провел против «Джи Хо» операцию, а Белый Бумажный Веер будет сбывать «товар». Правда, есть еще несколько прихлебателей вроде нового Хранителя Алтаря, который тоже получит свою долю. При таком

дележе Красному Жезлу, дай бог, достанется тысяч двести пятьдесят от трех миллионов, которые будут стоить десять килограммов героина на Западе. А если учесть, что ему нужно еще платить своим людям, то остается совсем немного. Но тут уже ничего не поделаешь. Сколько Желтый Дракон даст, столько и будет. С ним не поспоришь.

А уж на документы Красный Жезл имеет полное право и не обязан делиться даже с главой «Анг Сун Тонг». Про документы никто не знал. Значит, они принадлежат Красному Жезлу и больше никому.

Он поднял глаза на Гуна. Осведомленность молодого человека ошеломила Красного Жезла. Кто он? На кого работает? Как узнал о нападении на «Тумасик» и о документах? Агент «Си-Ай-Ю»? Сомнительно. Если кто-то из участников нападения на «Тумасик» влип и заговорил, то они не стали бы устраивать эту комедию, а просто арестовали бы Красного Жезла. А если у них нет улик и они просто блефуют? Тогда у них ничего не получится. «А если это человек Белого Бумажного Веера? — кольнула мысль. — ведь ему ничего не стоит купить кого-нибудь из моих людей. Значит, конец? Беседа в зеленой гостиной, ухмыляющаяся рожа этой злобной крысы, игрушечный меч в руках Желтого Дракона...» Красный Жезл похолодел.

Желтый Дракон не прощает обмана. Но ведь никто не мог знать о документах. Никто! В каюте никого не было!

Красный Жезл лихорадочно соображал, как себя вести. Прежде всего нужно попытаться выяснить, кто послал Гуна.

Гун, видимо, угадал, что происходит в душе собеседника.

— Я не из полиции, — с подчеркнутой дружелюбностью сказал он. — Посудите сами, господин Фонг: будь я детективом и имей против вас улики, мы разговаривали бы уже в другом месте. А если у меня их нет, то наша беседа с глазу на глаз не даст мне никаких преимуществ. Магнитофона у меня нет — можете проверить. А свидетелем я быть не могу. Ни один прокурор не даст санкции на ваш арест. Нет, контакты с полицией мне нужны так же, как и вам.

«Что я раскис? — обругал себя Красный Жезл. — Этот ублюдок совершенно прав. Да и Белый Бумажный Веер не стал бы затевать эту канитель. Он сразу побежал бы к Желтому Дракону. Тогда кто же этот Гун? И почему он ведет себя так нахально?» — Вы меня с кем-то путаете, — на всякий случай сказал Красный Жезл и поднялся из-за стола.

вернуться

10

Роман китайского средневекового писателя Ши Най-аня о восстании крестьян в XII веке.

— Надеюсь вас увидеть минут через пять. — Гун говорил по-прежнему учтиво. — Вам наверняка будет интересно продолжить нашу беседу.

И он принялся за суп из акульих плавников. Красный Жезл вышел из зала. В холле уже стоял хозяин ресторана. Красный Жезл отвел его в сторону.

— Таи, нужно проверить, нет ли поблизости подозрительных людей.

— На улице все спокойно, Красный Жезл. Мои люди заметили бы. Но я прикажу им посмотреть внимательней.

— Я сейчас вернусь в зал. После ужина возьмете этого кретина и привезете ко мне.

— Понял.

4

Когда Красный Жезл вернулся к столику, Гун уже почти расправился с супом.

— Ну как? — поинтересовался он, не прекращая своего занятия. — Я был прав?

«Может быть, он действительно хочет купить бумаги? — подумал Красный Жезл. — Но даже если это так, его все равно придется убрать. Мне нужны менее информированные покупатели. Только нужно будет заставить его сказать, кому еще известно про документы».

Не отвечая на вопрос Гуна, он опустил на стул, отпил немного вина, неторопливыми движениями достал сигарету, закурил. В дверях промелькнул Таи и сделал знак, что все в порядке.

— Мы встретимся в другой раз, — сказал Красный Жезл. — Сейчас у меня нет ни времени, ни желания вести серьезные разговоры.

— Вы так любезно согласились отужинать со мной, господин Фонг, — иронически заметил Гун. — И не держите своего слова. Ай-я-яй! Боюсь, что в следующий раз уже у меня может не оказаться ни времени, ни желания...

Красный Жезл сжал кулаки: за последние десять лет никто не осмеливался так разговаривать с ним. Гун еще пожалеет о своем вызывающем тоне. Ох, как пожалеет.

— Хорошо. Если ты будешь краток, — произнес Красный Жезл, переходя на «ты», — я выслушаю тебя.

— Именно для того, чтобы вы меня выслушали, — ответил Гун, словно не замечая этого «ты», — я и предложил вам встретиться в более подходящем месте, чем тот сарай, в котором вы выступали. Я опасался, что не успею заинтересовать вас до того, как в моей спине окажется нож.

— Ты полагаешь, что здесь можешь себя чувствовать в большей безопасности?

— О, я догадался, что «Син Леон» находится в сфере вашего влияния, — усмехнулся Гун. — И все же здесь у меня больше шансов изложить мое предложение до конца.

— Ближе к делу, — оборвал молодого человека Красный Жезл.

— Хорошо. Итак, вы располагаете некими интересными бумагами, и мои шефы хотели бы их получить.

— Твои шефы? Кто они?

Гун засмеялся.

— Я же не задаю вам подобного вопроса?

— Послушай! — в бешенстве прошептал Красный Жезл, перегибаясь через столик к своему собеседнику. — Сказать, что ждет тебя после ужина?

— Зачем? Я и сам знаю, — продолжая смеяться, ответил Гун. — Изумительная девочка из «Негары»... Так мы о чем? Да! Мои шефы поручили мне договориться с вами о сроках.

Красный Жезл побледнел от гнева.

— И сколько же намерены заплатить твои шефы?

— За что? — Гун изобразил на лице крайнее изумление.

— За до-ку-мен-ты, — с расстановкой произнес Красный Жезл, почти физически ощущая, как терпение покидает его.

— Видите ли, в чем дело. — Молодой человек отпил глоток маодая. — Это наши бумаги. Так почему же мы должны за них платить? Другое дело — небольшое вознаграждение.

Теперь засмеялся Красный Жезл. Засмеялся недобро. Значит, он ошибся, сказав Желтому Дракону, что с «Джи Хо» покончено? Несколько недоносков еще осталось, и они осмелились явиться к самому Красному Жезлу! Что ж, дружки Лима пожалеют о своей наглости.

— Одно из двух: либо ты сумасшедший, либо пытаешься сделать идиота из меня, — сказал он Гуну. — Но в любом случае это последний ужин в твоей жизни.

— Жаль, — сказал Гун.

— Не сомневаюсь, — язвительно отозвался Красный Жезл.

— Нет-нет, я не о том. Вы просто меня не поняли. Мне жаль ваших родных. Кажется, у вас есть мать и дочь. У них могут быть крупные неприятности. Так что предложение, как я уже сказал, весьма заманчивое. Вы возвращаете документы, мы — ваших родственников. Идет?

— Ах, вон оно что! Ты пытаешься меня шантажировать!

Его мать действительно была жива, но она находилась в Таиланде вместе с дочерью Красного Жезла. Лет шестнадцать назад он работал артистом в Шанхае. Тогда он еще не был Красным Жезлом. Его звали просто Фонг. В конце пятидесятых годов он решил бежать из Китая, но беременность жены заставила его отложить побег. Во время родов жена умерла, а Фонг, оставив новорожденную дочь на руках своей матери, перебрался сначала в Гонконг, а затем в Сингапур. Позже, когда он уже стал членом «Анг Сун Тонг», он смог забрать из Китая мать с дочерью, но привезти их в Сингапур не решился: если бы хоть один человек в «триаде» узнал, что Фонг — выходец из красного Китая, это могло закончиться для него печально. Поэтому Красный Жезл поселил их в Таиланде, регулярно отправлял туда деньги, но сам приезжать не решался.

Наклонившись к собеседнику. Красный Жезл негромко произнес;

— До моих родственников тебе не дотянуться. Руки короткие! А не далее как сегодня они у тебя станут еще короче.

И он захохотал, довольный своей шуткой.

Гун с невозмутимым видом достал из кармана небольшой зеленоватый конверт и молча

положил на стол. Красный Жезл разом смолк: на конверте стоял почтовый штемпель Бангкока. Он бросил полный ненависти взгляд на Гуна и взял письмо. Внутри лежал небольшой листок дешевой бумаги, исписанный корявыми иероглифами, и фотография девушки, удивительно похожей на Красного Жезла. «Джи Хо вряд ли способна на такие вещи, — мелькнуло в голове, — тогда на кого же работает Гун?» Он еще раз взглянул на фото и отложил его. Потом начал читать письмо. Мать писала о незначительных вещах, благодарила за деньги. В конце письма она умоляла его согласиться на все, что скажет ему человек, который передаст письмо, иначе ее убьют вместе с внучкой.

За шестнадцать лет мать с дочерью утратили для Красного Жезла свою реальность. Порой он вспоминал прежнюю жизнь, но себя в ней не видел. Все, что было когда-то, происходило словно с другим человеком. Но девушка на фото была так похожа на Красного Жезла, что в его душе шевельнулось какое-то чувство, непонятное ему самому. То ли тоска по родным краям, оставленным бог знает когда, то ли боязнь остаться в старости одному в стране, к которой он так и не привык.

От Гуна не ускользнули сомнения собеседника, и он перешел в атаку.

— Мои шефы, а точнее, ваши родственники, надеются на положительный ответ, — с нарочитой мягкостью произнес молодой человек. — В частности, ваша мать продолжает хранить надежду, хотя и слабую, на встречу с сыном. Зачем же заставлять страдать близкого вам человека? И потом подумайте о моих шефах. Они уже достаточно переволновались, когда этот наглец Лим Бан Лим ухитрился заполучить столь важные бумаги. Он был уверен, что выручит за них кругленькую сумму. Кстати, человек, который продал бумаги Лиму, очень жалел о содеянном... когда был жив. Лим был уже почти у нас в руках, но тут вмешались вы... Скажу откровенно: эти документы нам очень бы хотелось уничтожить. Впрочем, вы же видели их и сами все прекрасно понимаете. Короче говоря, давайте попытаемся расстаться друзьями.

Гун поднял свой бокал, как бы приглашая собеседника закрепить сделку.

— Значит, вы хотите получить документы в обмен на жизнь моих родственников? — полуутвердительно спросил Красный Жезл.

— Именно, — согласился Гун, — только я хотел бы уточнить одну незначительную деталь. Ваши сыновние и отцовские чувства мы оцениваем несколько выше, нежели нашу заинтересованность в документах.

— На сколько?

— Пустяки, — усмехнулся Гун, — я полагаю, что тысяч двести будет вполне...

— Ты с ума сошел, вонючая крыса! — прищурившись, процедил сквозь зубы Красный Жезл. — Такие деньги за двух человек!

— Я постеснялся предложить меньшую сумму, чтобы не оскорбить вашу любовь к матери и дочери.

— Ты не получишь ни цента. Понял? Ни цента! — задохнулся от злости Красный Жезл.

— Не будьте опрометчивым, господин Фонг. — сухо произнес молодой человек. — Вы уже имели возможность убедиться в нашей информированности. Мы знаем о вас больше, чем вы думаете. Гораздо больше. Полиции могут стать известны номера счетов в некоторых банках, записанные на имя некоего Тео Ки Лая. Наложить на них арест ничего не стоит. И потом не

скромничайте, господин Фонг. Что такое для вас двести тысяч? Ерунда. Подумайте о матери и дочери.

— Хорошо, — произнес Красный Жезл, — я подумаю.

— Я не сомневался в вашей рассудительности, — заметил Гун. — Надеюсь, дня два вам хватит? Давайте встретимся в понедельник у входа в Ботанический сад и договоримся окончательно. Я не буду возражать, если вы захватите с собой аванс. Скажем, процентов пятьдесят. — Гун ополоснул пальцы рук в специально поданной для этого пиале с теплым ароматным чаем. — А теперь у меня к вам небольшая просьба, господин Фонг. Дайте вашим людям указания относительно моей персоны. Я догадываюсь, что у выхода меня ждет отнюдь не почетный эскорт.

Красный Жезл щелкнул пальцами над плечом, и за его спиной тут же вырос официант.

5

После ухода Гуна Красный Жезл налил себе в бокал вина, но пить не стал. Он вертел в руках фотографию дочери. Отпечатанный на тонкой глянцевой бумаге снимок словно лезвием бритвы срезал в его памяти наслаждение сингапурской жизни. Где-то, почти на самом ее дне, он с удивлением обнаружил слежавшийся, поросший мхом забвения пласт впечатлений, образов, эпизодов. Полгода он вел нищенское существование в Гонконге, пока не устроился на какое-то судно, идущее сначала в Японию, а затем в Сингапур.

Тех жалких грошей, которые он подзаработал во время плавания, хватило ненадолго. Оставшись без средств к существованию, Фонг пытался пристроиться в уличный театр, но везде получал отказ. Тогда он занялся воровством, попал в тюрьму. Там его и прибрали к рукам люди из «Анг Сун Тонг».

Поначалу Фонг был просто осведомителем и даже не подозревал, с кем имеет дело. Он слышал о таинственных «триадах», но считал это выдумкой. Когда же Фонг случайно узнал, на кого работает, первым его побуждением было избавиться от столь опасного сотрудничества. Но «триады» впились в новых членов с цепкостью паука, поймавшего муху.

Фонг смирился со своей судьбой, а через некоторое время смекнул, что игра стоит свеч. Если конечно, не довольствоваться в ней ролью пешки. Фонг быстро понял, что «Каноны», определявшие уклад жизни «великого братства», составлены умными людьми для дураков. Он наметил себе цель: во что бы то ни стало пробиться в круг вождей «Анг Сун Тонг». Средство, избранное Фонгом для достижения этой цели, было простым, как рисовая похлебка: доносы. Но действовал артист из Шанхая неторопливо и осторожно.

Люди, которые стояли на его пути, были, естественно, выше Фонга по положению в тайном обществе. И чтобы свалить их, нужно было сначала добиться их расположения. Поэтому Фонг занялся слежкой за рядовыми членами «триады». Наметив жертву, он не успокаивался до тех пор, пока — исподволь, ненавязчиво — не убеждал босса в том, что тот человек опасен. Причиной чаще всего были или неумение держать язык за зубами, или далеко идущие честолюбивые устремления. Доказательства требовались редко.

После того как Фонг становился правой рукой босса, он — опять же очень аккуратно — искал случая познакомиться с теми, кто находился на ступеньке выше, и вновь применял свой испытанный прием. Так шаг за шагом Фонг продвигался по иерархической лестнице «триады», пока в конце концов не получил титул Красного Жезла. На это восхождение у него ушло пятнадцать долгих лет.

Ему постоянно везло, а полоса неудач началась с того момента, когда с «Тумасика» улизнул механик Сунгай. Оплошность могла бы остаться незамеченной, если бы не Белый Бумажный Веер. А Желтый Дракон — Красный Жезл знал это очень хорошо — никогда ничего не забывает.

Вторая неприятность произошла сегодня и нужно было срочно искать выход из положения. Красный Жезл решил оставить свои невеселые размышления до утра. Он взял со стола фотографию и письмо, положил их в карман. Затем поднялся наверх, в комнату Тана. Тот засуетился, усаживая Красного Жезла в кресло, угодливо спросил, что тот будет пить.

— Ничего не надо, — устало произнес Красный Жезл. — Ты, кажется, хотел мне что-то сказать?

— Ко Ин... — начал было Тан и замаялся, явно не решаясь сообщить какую-то недобрую весть.

Красный Жезл похолодел. Он вдруг отчетливо вспомнил слова Желтого Дракона перед операцией на Блаканг-Мати: «Не дай бог кто-нибудь об этом узнает». Сказав это, Желтый Дракон взял со стола игрушечный меч, и Красный Жезл содрогнулся, словно почувствовал прикосновение стали к своей шее.

— Что Ко Ин? Полиция за что-то уцепилась?

— Хуже. Боюсь, что Ко Ин заговорил.

— Не может быть! — воскликнул Красный Жезл, чувствуя, однако, что от его крика уже ничего не изменится и что если Тан говорит, он знает, что говорит.

— Через день после Блаканг-Мати у него появился «хвост», — виноватым тоном, словно оправдываясь за то, что Ко Ин попал в поле зрения полиции, проговорил Тан. — Еще через три дня с ним кто-то встречался в кабинете шефа участка...

— Кто встречался? Почему ты мне раньше ничего не сказал?

— Мои люди не знают этого человека, но он из службы Аланга Установили по машине, хотя номер на ней был другой. А когда я мог сказать? Ведь вас не было три дня.

Красный Жезл нахмурился «Си-Ай-Ю» чуть ли не целую неделю занимается Ко Ином, а он ничего не знает об этом!

— Дальше!

— После разговора Ко Ин вышел из кабинета сам не свой.

Это была третья и, пожалуй, самая крупная неприятность за последние дни. Неужели они смогли на чем-то поймать Ко Ина? Красному Жезлу очень не хотелось в это верить. Он стал вспоминать, как все происходило той ночью, но потом плюнул. Выяснять на чем попался сержант, уже не было смысла. Нужно как можно быстрее его убрать. Главное — нельзя допустить, чтобы весть о том, что Ко Ин заговорил, дошла до Желтого Дракона. Иначе... Красный Жезл снова вспомнил игрушечный самурайский меч и невольно поежился. Да, нужно кончать с ним как можно быстрее. Но за Ко Ином может наблюдать еще и Белый Бумажный Веер. Тогда об исчезновении сержанта станет известно Желтому Дракону, и он обязательно заинтересуется причинами. Необходимо придумать достаточно вразумительное объяснение.

Красный Жезл почувствовал себя повисшим на краю пропасти: Сунгай до сих пор не найден. Ко Ин заговорил, Гун взял его за горло с документами. Неужели все усилия пятнадцати лет пойдут прахом? Он с таким трудом пробился «наверх». Это было похоже на подъем по отвесной стене. Красный Жезл руками и зубами цеплялся за каждый выступ, за каждую расщелину, постоянно рискуя сорваться в бездну. А теперь, когда он прочно встал на ноги, все полетит к черту? Нет, нет, этого нельзя допустить. Нужно что-то придумать, как-то выбраться из этой полосы невезения. Но как это сделать? Как?

Красный Жезл поднял тяжелый взгляд на Тана. Тот слишком хорошо знал характер босса и сейчас стоял молча, чтобы каким-нибудь неосторожным словом не навлечь на себя его гнев.

— Есть что-нибудь еще?

— Приходил человек от Белого Бумажного Веера.

Они хотят забрать «товар» сегодня ночью.

— Какого же черта ты молчал?

Тан виновато опустил голову.

— Когда и где?

— В половине первого, Кеонг Сайяк, 14. Нужно подойти к торговцу фруктами и сказать, что на прошлой неделе его просили подготовить к сегодняшнему дню два пакета крупных манго. Он проведет к Белому Бумажному Вееру.

Красный Жезл посмотрел на часы. Было двадцать минут десятого. Значит, есть еще три часа.

«Трусливая собака, — с ненавистью подумал он о „старшем брате“, — любишь, чтобы всю черную работу за тебя выполняли другие. Подожди, мы с тобой еще сочтемся».

И вдруг у него мелькнула мысль, которая показалась такой сумасшедшей, такой несбыточной, что у Красного Жезла перехватило дух.

— Ну-ка, принеси мне вина, — велел он Тану, облизывая неожиданно пересохшие от волнения губы.

Тот бросился выполнять приказание. Оставшись один. Красный Жезл лихорадочно соображал. Он заставил себя сосредоточиться, пытаясь придать четкие формы пока еще расплывчатой идее. Да, более удобный случай вряд ли представится. Только нужно учесть все до мелочей. Торопиться не стоит, иначе что-нибудь да упустишь. А в таком деле малейший промах может стоить жизни. От напряжения на лбу у Красного Жезла выступила испарина.

— Та-ан! — крикнул он, хлопнув ладонью по столу. — Куда ты запропастился?

Хозяин ресторана влетел в комнату и поставил перед Красным Жезлом лаковый поднос с бутылкой вина и высоким хрустальным бокалом. Он мастерски выбил пробку, и в бокал полилась светло-желтая жидкость.

— Иди, — махнул рукой Красный Жезл, — понадобится — позову.

— Как будет угодно, — пробормотал Тан, пятясь в открытую дверь.

Красный Жезл сделал несколько жадных глотков. На мгновение ему стало страшно, вдруг он что-то не учел и весь план провалится? Но Красный Жезл взял себя в руки. «Все будет чисто», — вспомнил он любимое выражение Белого Бумажного Веера.

— Да, все будет чисто, «старший брат».

— Вы меня? — В дверь просунулась голова Тана.

— Нет. Впрочем, иди сюда. Позвони в участок, где работает Ко Ин, и выясни, где он сейчас: дома или на дежурстве? Если на дежурстве, то в каком районе?

Тан понимающе кивнул и выскочил из комнаты.

— Дежурит у Центрального госпиталя, со стороны Нью-Бридж роуд, — сказал он, снова появившись через несколько минут.

Красный Жезл поднялся и молча направился к двери. Тан бросился вперед, широко распахнул ее перед боссом. На пороге Красный Жезл задержался, повернулся к Тану.

— У Северного моста есть затопленная баржа. Знаешь?

Тан кивнул.

— Так вот... Нет, ничего не нужно.

— Как будет угодно, Красный Жезл.

— И убери своих людей от Ко Ина. Прямо сейчас. Я сам с ним поговорю.

— Хорошо.

Красный Жезл спустился вниз. «Тойота» уже стояла у входа в ресторан с открытой задней дверцей.

— В «Тропикану», — бросил он, садясь в машину. И снова погрузился в раздумье.

Красный Жезл сначала хотел, чтобы люди Тана занялись Ко Ином, но потом передумал. Тану не стоит знать, когда это произойдет, чтобы у него не возникло ненужных ассоциаций. Сержантом займутся те, кто его не знает. Так будет надежнее.

Машина проскочила церковь Святого Шефферда, затем свернула на Хилл-стрит, которая за мостом уже называлась Нью-Бридж роуд и вклинивалась широкой лентой в лабиринты тесных улочек Чайнатауна. После того, как слева промелькнул отель «Мажестик», Красный Жезл велел своему спутнику сбавить скорость и стал внимательно смотреть по сторонам. Они проехали от «Мажестика» до железнодорожного переезда раза три, прежде чем Красный Жезл увидел Ко Ина. Тот медленно шел по тротуару, разговаривая с напарником.

— Проезжай метров сто вперед и остановись, — сказал Красный Жезл, провожая взглядом Ко Ина. — Жди меня у «Мажестика».

Машина затормозила. Красный Жезл вышел и неторопливо двинулся навстречу полицейским. Ко Ин заметил босса еще издали и побледнел. Красный Жезл сделал сержанту едва уловимый знак следовать за ним и прошел мимо.

— Для тебя есть срочное дело, — не поворачивая головы, произнес он, заметив краем глаза униформу догнавшего его Ко Ина.

— Я готов, — поспешно ответил тот.

Ко Ин, видимо, решил, что собеседнику ничего не известно, и немного успокоился. Голос его звучал довольно твердо.

— У тебя есть машина?

— Конечно.

— Оставишь своего напарника на час. Придумай что-нибудь.

— Это можно.

— В половине первого подъедешь на Кеонг Сайяк, 14. Подойдешь к торговцу фруктами у дверей и скажешь, что на прошлой неделе заказывал два пакета крупных манго. Он проведет тебя к Белому Бумажному Вееру. Хорошенько запомни: к Белому Бумажному Вееру. Будь вежлив с ним. Это большой человек.

— Да, конечно, я понял.

— Да...

— И еще. Я доволен тобой. На острове ты все сделал как надо. Завтра приедешь ко мне, получишь деньги.

При упоминании о Блаканг-Мати полицейский внутренне сжался.

— Теперь пройди немного вперед. Потом вернешься к своему напарнику.

Красный Жезл быстро пересек улицу и остановил такси. Из машины заметил, что Ко Ин наблюдает за ним. Велел шоферу завернуть за угол и остановиться. Потом расплатился, вышел и направился обратно к Нью-Бридж роуд. Осторожно выглянув из-за угла, Красный Жезл увидел, что сержант, оглядываясь по сторонам, подошел к телефону-автомату.

— Все будет чисто, «старший брат», — пробормотал себе под нос Красный Жезл, наблюдая за выражением лица сержанта. Потом он двинулся к «Мажестику».

6

Патрик с наслаждением вытянулся в ванной, плеская себе на лицо прохладной водой. За неделю он порядком намотался, и думать о работе не хотелось. Воображение рисовало завтрашнее воскресенье, вечер у Теона, когда они снова сядут за карты и Патрик будет играть в паре с Джун. Она действительно прекрасно играет в бридж — Ло понял это в первой же партии, которую они выиграли у Алангов. А ведь Теон и Лау — сильные противники. За много лет они хорошо сыгрались.

Патрик вспомнил треугольные, слегка раскосые глаза Джун с бровями, изогнутыми, как листочки молодой веерной пальмы, и ему захотелось, чтобы побыстрее наступил воскресный вечер.

В приятные размышления инспектора ворвался телефонный звонок.

— А, черт, — выругался Патрик, — этого еще не доставало!

Он вылез из ванны, накинул махровый халат, всунул ноги в шлепанцы и, досадуя на себя за то, что забыл перенести телефон в ванную комнату, направился в спальню. По полу за ним потянулся мокрый след.

— Алло, — недовольным голосом произнес Ло. — Вас слушают.

Ему никто не ответил.

— Да вылейте же изо рта воду, черт побери!

Снова молчание. Патрик швырнул трубку на рычаги и пошел обратно. Но не успел он дойти до дверей, как телефон затрезвонил снова.

— Послушайте! — заорал в трубку Ло. — Сейчас не время для дурацких шуток!

— Это я, — робко ответили с другого конца провода. — Я у Центрального госпиталя.

— Ко Ин? — Память на голоса у Патрика была отличная.

— Да.

— Что случилось?

— Я... Я не могу по телефону. Могут подойти.

— Тогда встретимся утром. Я приеду в участок. Или до завтра откладывать нельзя?

— Нет.

— Хорошо. Жди меня у главного входа. Я буду там через двадцать минут.

Ло положил трубку. Большие настенные часы, висевшие в гостиной, пробили одиннадцать. Патрик быстро оделся и вышел на улицу. Рядом тут же заскрипело тормозами такси. Назойливость таксистов порой раздражала инспектора. Они почему-то считали, что человек идущий пешком крадет их заработок, и на тех, кто отказывался от машины, смотрели как на своих смертельных врагов. Однако., на этот раз такси было кстати.

Когда Ло подъехал к Центральному госпиталю. Ко Ин уже прогуливался там, постоянно озираясь по сторонам. Патрик расплатился и подошел к сержанту.

— Ну, что у тебя за новости?

— Я дежурил на Нью-Бридж роуд, — почти шепотом проговорил Ко Ин, — и вдруг натолкнулся на Красного Жезла. Он меня разыскивал...

Полицейский передал инспектору только что состоявшийся разговор.

«Раз Красный Жезл сам решил приехать к Ко Ину, дело наверняка серьезное, — подумал Патрик. — А главное — он доверяет сержанту. Иначе не сказал бы про Белого Бумажного Веера. Это хорошо».

— Адреса не перепутал? — на всякий случай спросил он у полицейского.

— Нет, нет, господин инспектор. Я хорошо запомнил.

— Ну что ж, отлично, — сказал Ло, прикидывая, что нужно предпринять в первую очередь.

— Что мне делать, господин инспектор? — тихо спросил Ко Ин.

— Что приказал твой босс. И не переживай, останешься вне подозрений. Но не вздумай мудрить. Заметку с тем симпатичным заголовком я еще не уничтожил.

— Нет, нет. Что вы, господин инспектор?

— Ну, ладно, отправляйся.

Когда Ко Ин скрылся за поворотом, Ло вошел в госпиталь. Справа за столом сидела пожилая медсестра и клевала носом.

— Я из полиции, — сказал Патрик, показывая удостоверение, — мне нужно срочно позвонить.

— Пожалуйста, — испуганно ответила женщина, указывая на телефон.

— Нет, мне нужно позвонить из отдельного кабинета.

Медсестра вытащила из ящика стола связку ключей и молча пошла в глубь коридора. Открыв одну из дверей, она впустила Патрика и так же молча удалилась. Инспектор зажег свет, закрыл дверь и связался с дежурным по офису.

— Срочно подготовьте к выезду оперативную группу. Нет, лучше две. И позвоните шефу, попросите его приехать.

— Хорошо, инспектор.

Через пятнадцать минут Ло был уже в офисе. Еще минут через десять появился Аланг.

— Что случилось. Патрик?

— Я только что видел Ко Ина. Он звонил мне домой. Мы встретились у Центрального госпиталя, и сержант сказал, что к нему на дежурстве подошел Красный Жезл. Он приказал отвезти Белому Бумажному Вееру какую-то сумку.

— Он дал ему эту сумку?

— Ко Ину передадут ее у Южного моста четверть первого. В половине первого он должен быть с ней на Кеонг Сайяк, 14.

— Хм... — Аланг приподнял очки и потер переносицу. — Белый Бумажный Веер... Это ведь довольно высокий сан в «Анг Сун Тонг»?

— Третий после Желтого Дракона, — отозвался Ло, — Красный Жезл — на ступеньку, ниже.

— Допустим, что мы их возьмем... Хотя арест Белого Бумажного Веера автоматически насторожит Красного Жезла, и он может улизнуть, — пробормотал Аланг себе под нос и, подняв на инспектора узкие глаза, спросил: — А что дальше? Через них мы не выйдем на всю «триаду». Просто так они не заговорят, а то, что вам удалось провернуть с Ко Ином, на этот раз не подойдет.

— У нас нет другого выхода, Теон, — возразил Патрик. — Устанавливать за ними наблюдение бессмысленно: слежка будет моментально замечена. А улика против них есть, мне кажется, серьезная.

— Что вы имеете в виду?

— В сумке должно находиться одно из трех — золото, наркотики, фальшивые деньги. Деньги и золото отпадают: в сумку много не положишь, а «Анг Сун Тонг» мелочами не занимается. Остается героин. А это по новому закону — смертная казнь. Вот тут-то с ними можно поговорить и об остальных.

— Все же не думаю, чтобы они заговорили. Они будут рассчитывать на побег. — Аланг вздохнул. — Говоря откровенно, такой вариант мне не по душе. Мы опять не в силах нанести удар по всей организации.

Он немного помолчал.

— А что, если сделать ставку на вашего сержанта и в дальнейшем? Справится?

— Вряд ли, — ответил Ло, — он труслив и в самый нужный момент может сорваться. А Белый Бумажный Веер и Красный Жезл слишком солидные фигуры, чтобы пренебрегать возможностью арестовать их...

Аланг снял очки, закрыл лицо руками, размышляя. Ло терпеливо ждал, пока ладони шефа медленно скользили по скулам. Но вот они задержались на подбородке и резко опустились на стол.

— Хорошо. Будем брать. Люди готовы?

— Сейчас проверю. Я звонил еще из госпиталя и просил подготовить две оперативные группы.

Ло нажал кнопку селектора.

— Да, инспектор, — послышался голос дежурного.

— Оперативные группы готовы?

— Все в порядке.

Патрик поднялся со стула.

— Наверное, пора ехать, Теон? — Он вопросительно посмотрел на шефа.

Аланг сидел, не двигаясь.

— Вы считаете лишним обговорить наши действия хотя бы в общих чертах? — поинтересовался он.

— Простите, Теон, — смутился Ло, — совсем вылетело из головы.

— Вероятно, она у вас занята завтрашней партией в бридж, — заметил Аланг и, не дожидаясь, когда Патрик отпаривает, быстро добавил: — Шучу. Давайте ваши предложения.

Патрик продумал все еще по пути из госпиталя в офис и начал четко излагать шефу свои

мысли:

— Ко Ин появится там в половине первого. Пока он договорится с торговцем фруктами, доберется до Белого Бумажного Веера и выйдет обратно, уйдет минут семь. Торговец фруктами — сторож. Он дает сигнал опасности. После того как Ко Ин уедет, торговцу нужно помешать предупредить своих о нашем появлении. Если мы подъедем на машине, он может успеть: черт знает, какая у них там сигнализация. Значит, нужно увести его оттуда. Думаю, что мне удастся его «уговорить», и он вместе со мной войдет внутрь. Это должно произойти без двадцати трех — двадцати двух минут час. В это время к дверям и должна будет подъехать машина с первой оперативной группой. А вторая в это время оцепит улицу. Я так представляю себе эту операцию.

— В принципе согласен, — подумав немного, произнес Аланг, — только оцеплять нужно квартал. В этих ящиках, которые там называются домами, черт ногу сломает. Они живут как кроты — в каждом доме по несколько выходов. Не исключено, что Белый Бумажный Веер и его люди попытаются улизнуть на соседнюю улицу. Это первое. Второе: одному вам идти рискованно. Задержись машина на пару минут, и вас прихлопнут в этой дыре.

— Теон, появление нескольких человек может его спугнуть, — возразил Патрик.

— Я не имею в виду, что подходить к нему должны сразу несколько человек. Мы будем придерживаться вашего плана. Но подстраховка необходима. Вы же знаете, как забиты по вечерам улицы Чайнатауна. Устроится какой-нибудь болван со своим прилавком посередине дороги — и все пропало. Четыре человека должны идти пешком с разных концов улицы с таким расчетом, чтобы дом № 14 оказался в поле их зрения в час тридцать пять. Тогда мы сможем вас подстраховать... Вот теперь, кажется, все. Отклонения от плана — исходя из обстановки.

Аланг поднялся с кресла.

— Пусть оперативные группы соберутся внизу, — распорядился он. — Я зайду к себе и тут же спускаюсь.

— Хорошо, — ответил Ло, — а я тем временем подберу четверых человек для страховки.

— Трех, — поправил его Аланг. — Четвертым буду я.

Когда все указания были даны и обязанности между людьми распределены, Аланг, Ло и еще три детектива, которые должны были страховать инспектора, вышли из офиса и сели в отдельную машину.

Ехали молча. Ло закурил и, удобно устроившись у окна, стал смотреть на улицу. Аланг расслабленно откинулся на спинку переднего сиденья. Шеф «Си-Ай-Ю» настраивался на операцию. Такая привычка укоренилась в нем давно. Многолетний опыт научил: порой события разворачиваются таким образом, что даже мельчайшая деталь может сыграть решающую роль. Поэтому цепкая память держала наготове все необходимые данные до полного завершения операции.

И на этот раз, хотя операция не представлялась особенно сложной, Аланг тщательно прорабатывал в уме возможные варианты.

Незнакомые с шефом «Си-Ай-Ю» люди могли принять этого маленького, щуплого человека за переросшего свой возраст клерка какой-нибудь небольшой фирмы, банковского служащего, мелкого дельца. Весь его внешний вид и манера одеваться — он постоянно носил темные

костюмы немодного покроя, такие же немодные ботинки и галстук — никак не выдавали в нем того, кем он являлся на самом деле. Веером разбежавшиеся от узких глаз морщинки придавали его лицу выражение беспомощности, незащищенности.

Однако внешность Аланга, как, впрочем, и большинства его соотечественников, была обманчивой «Маленький, щуплый человек» до того, как возглавить секретную службу, на протяжении многих лет был лучшим и наиболее результативным из инспекторов «Криминэл интеллидженс юнит». Он не обладал сколько-нибудь значительной физической силой, ко зато в совершенстве владел приемами каратэ. Славился он и молниеносной реакцией, столь необходимой в рискованных ситуациях. В бытность рядовым инспектором шеф «Си-Ай-Ю» попадал в такие переделки, из которых, казалось, невозможно было выбраться живым. Но на следующий день Аланг как ни в чем не бывало появлялся в офисе со своим прищуром-улыбкой на лице, вызывая зависть не только новичков, но и видавших виды коллег.

Аланг любил свою работу. Даже о последние годы, несмотря на возраст и солидный пост, он зачастую сам выезжал на операции. Это не было ни позерством, ни недоверием к подчиненным. Просто Аланг не хотел стареть.

Машина свернула на Краик роуд. Шеф «Си-Ай-Ю» знаком приказал шоферу остановиться.

— Патрик, я думаю, вам лучше всего выйти здесь, — повернулся он к инспектору. — Мы ничего не упустили?

— Кажется, нет.

— Тогда желаю удачи. И осторожнее.

Ло кивнул и вышел из машины. До появления Ко Ина оставалось десять минут. Патрик медленно пошел по узкой улочке, которая вела на Кеонг Сайяк.

Сдавленная с боков невысокими, обшарпанными домами улочка была до отказа забита людьми. На ночных уличных рынках Чайнатауна наступил час пик. На выдвинутых прямо из дверей деревянных прилавках лежали груды бананов, папайи, рыбы, омаров, уток, устриц и бог знает чего еще. Еда продавалась в сыром, вареном, жареном, тушеном виде. Монотонный гул толпы порой прорезали гортанные выкрики продавцов китайского супа. Они толкали взад и вперед свои небольшие тележки на колесах и усердно трезвонили в колокольчики, чтобы расчистить себе путь и привлечь покупателей.

Патрик пробирался сквозь толщу людей и еды, ежесекундно отдирая от себя руки, хватавшие его то за рубашку, то за брюки: на каждом шагу торговцы приглашали поесть, а рикши-сутенеры предлагали плоскогрудых девиц по сходной цене. Ло молча двигался вперед, стараясь побыстрее выбраться из этого кулинарного содома, насквозь пропитанного резкими запахами соевого соуса, горелого масла и дешевых духов проституток.

Наконец, он вышел на Кеонг Сайяк чуть правее нужного ему дома, над дверью которого была прикреплена белая вывеска с красными, похожими на больших вареных крабов иероглифами. «КОММЕРСАНТ ХИН: ПРОДАЖА ТЕКСТИЛЯ», — прочитал Патрик. Он остановился, купил стакан кокосового молока и, медленно потягивая его, стал наблюдать за тем, что происходит на другой стороне улицы.

Над прилавками висели яркие лампочки без абажуров, и лица хорошо различались. Торговец фруктами в белой майке со скучающим видом стоял у дверей. В нем не чувствовалось никакой агрессивности. Наоборот, физиономия излучала неподдельное добродушие. «С этим я,

пожалуй, сумею договориться», — подумал Ло.

К дому подкатил полицейский «джип». Торговец с беспокойством взглянул на вышедшего из машины Ко Ина. Сержант подошел к прилавку, пошевелил губами, и торговец успокоился. Он что-то сказал сидевшему рядом на ящике мальчонке, и тот нырнул в узкий проем дверей. Оттуда тотчас же вышел приземистый китаец с лицом, изрытым оспой, взял из «джипа» сумку и снова исчез в прямоугольной дыре. Сержант сел в «джип», и машина тронулась.

«Черт возьми, — выругался Патрик, выискивая глазами Аланга или кого-нибудь из тех, кто должен был его страховать, — такой вариант мы не предусмотрели!» До их появления оставалось еще минут пять. Медлить было нельзя. Ло быстро пересек улицу и сбоку вплотную подошел к торговцу. Тот удивленно вскинул глаза на инспектора.

— Дом окружен, — тихо произнес Патрик, приставляя к телу торговца пистолет. — Не вздумай поднимать шума. Веди меня к Белому Бумажному Вееру. Это твой единственный шанс.

Торговец безнадежно повел глазами вокруг, потом стал бочком выходить из-за прилавка. Ло сделал шаг в сторону, пропуская его, затем снова «прилип» к китайцу. Они вошли в дверь и оказались в длинном темном коридоре-колодце с множеством дверей по обеим сторонам. Метров через двадцать он сворачивал направо, и за углом угадывалась слабая лампочка, очевидно, единственная на весь коридор. «Действительно, кротовая нора», — вспомнил Патрик слова Аланга. Глаза инспектора освоились в темноте, и он стал различать обшарпанные, давно не крашенные стены.

Они шли мимо каких-то ящиков, старой рухляди. Одна из дверей была открыта, и Ло мельком увидел пожилую, выцветшую женщину и нескольких детей. Все они сидели на грязной циновке, расстеленной на полу, и палочками ели рис из пиал.

У поворота торговец замедлил шаг.

— Не валяй дурака, — процедил сквозь зубы инспектор, подталкивая спутника дулом пистолета.

Они свернули за угол и оказались между двумя дверями, которые вдруг, словно по команде, распахнулись. Кто-то ударил Патрика по правой руке, сжимавшей пистолет, и с силой толкнул его в противоположную дверь. Ло схватился за косяк, пытаясь удержаться на ногах, но резкая боль в затылке заставила его разжать руки. Теряя сознание, он услышал какой-то странный скрежет, как будто закрывались ворота.

7

«Нет, нет, Патрик, я знаю, вы обманываете меня. Я вам совсем не нужна. У вас есть другая». «Как вы можете, Джун? Я в жизни не встречал девушки красивее вас. Клянусь вам, Джун. Вы для меня стали... Как бы это вам объяснить?.. Теон, ну скажите же ей. Почему вы смеетесь? Подождите еще немного. Я никак не могу навести на резкость. Странная система. Я никогда с такой не встречался. Да говорю же вам, Теон, я ничего не могу поделать с этим фотоаппаратом. Он не наводится на резкость. Я не вижу вас. Все расплывается. Минуту, кажется, получается! Нет, все равно нерезко. Теон, что за шутки? Почему у вас лицо другого человека? Что с вами произошло? Джун, ну прекратите же смеяться надо мной! Это не вы...» Патрик сознавал, что лежит с открытыми глазами. Только что здесь были Аланг и Джун. Куда же они делись? Ведь он только что фотографировал их и никак не мог навести на резкость. Наверное, им надоело ждать, и они ушли. А кто это появился вместо них? Какие-то незнакомые люди. Патрику показалось, что он прищурился, чтобы получше рассмотреть этих людей. Нет,

он их не знает. А может, он просто забыл? Ну, конечно, забыл! Вон какое-то знакомое лицо. Где он видел этого человека? Вероятно, спутал с кем-то. Мало ли похожих людей! Нет, он видел его. Но где? А что это за звездочка? На ней что-то написано. Странно. А-а, на ней написано, где Патрик видел этого человека. Но он никак не может разобрать иероглифы. Вот она приближается. Сейчас он прочитает. Нет, снова отодвинулась. Что за черт? Что она прыгает туда-сюда? Ага, опять приближается. Ну, еще немного, ну!

Звездочка вдруг стремительно поплыла на Патрика. Она стала быстро увеличиваться в размерах, пока не превратилась в огромный камень, застывший у самых его глаз. На камне было написано красными, снова похожими на больших вареных крабов иероглифами: «Торговец фруктами».

Сознание вернулось к инспектору. Перед ним стоял китаец в белой майке, который вел Патрика по коридору. Рябая физиономия его соседа тоже была знакома Ло: тот брал сумку из «джипа». Кроме них, в помещении находились еще мужчина и девица. Инспектор попытался шевельнуть рукой, но безуспешно. Руки были сложены вместе, и Патрик понял: они связаны.

— Очнулся, — сказал рябой, повернувшись к мужчине, сидевшему в кресле у противоположной стены.

— Как вы себя чувствуете? — участливо спросил тот. — Надеюсь, вас не очень ушибли мои люди?

Ло ничего не ответил, а стал осматриваться, медленно поворачивая голову. Он попробовал приподняться, но тут же почувствовал резкую боль в затылке. Пришлось снова положить голову на топчан.

Инспектор находился в небольшом помещении с каменными стенами, без дверей и окон. «Как же они сюда входят? — удивился Ло и тут же догадался: — Подземелье!» Он перевел глаза на каменный потолок и увидел небольшой квадратный люк. «Почему же не пришли Аланг и остальные?» — подумал Патрик и в тот же момент услышал где-то наверху свистки и слабый шум.

Как глупо все получилось! Нужно было подождать три-четыре минуты. Максимум пять. И все было бы в порядке. А теперь Теон совсем рядом, в нескольких метрах отсюда, но Ло не может сообщить ему, где он находится. Его крик наверняка не прорвется сквозь толщу камней над головой. Ну, ничего. Аланг отыщет этот чертов люк. Он перевернет здесь все вверх дном, но доберется до этой норы.

— Они не найдут вас, — со вздохом произнес мужчина в кресле, угадывая мысли инспектора. — Это надежное место.

Ло снова попытался подняться с деревянного топчана, на котором лежал, но у него ничего не вышло.

— Помогите господину полицейскому, — участливо произнес мужчина.

Он закурил сигарету и с подчеркнутым удовольствием выпустил облако дыма.

Торговец и рябой подошли к инспектору и грубо усадили его.

— Осторожнее! Вы совершенно не умеете обращаться с интеллигентными людьми. Развяжите ему руки.

Те выполнили приказание. Ло подвигал затекшими пальцами и еще раз осмотрелся У кресла, на котором сидел мужчина с сигаретой, валялся небольшой деревянный ящик. На нем лежали сумка, привезенная Ко Ином, и пистолет Патрика. Рябой перехватил взгляд инспектора и подошел к ящику.

Рассчитывать на что-то было бесполезно. Оставалось лишь ждать Аланга. Патрик все еще не хотел верить в случившееся и прислушивался к слабому шуму наверху, стараясь угадать, не приближается ли он.

— Вполне вас понимаю, — посочувствовал мужчина в кресле, — но ничем помочь не могу. С вашими друзьями вам уже, очевидно, не придется встретиться. Во всяком случае, в этом ужасном мире. Хотите сигарету?

Ло кивнул. Его собеседник сделал знак торговцу, и тот подал Патрику пачку «Данхилла». Здесь, в подземелье, название сигарет прозвучало в голове Патрика, как горькая ирония судьбы. Ло закурил и поднял глаза на сидящего в кресле.

— Белый Бумажный Веер? — спросил он с таким видом, будто стоял на улице и обращался к человеку, с которым должен был встретиться, но не знал его в лицо.

— О! — искренне удивился мужчина. — Ничего не могу сказать: завидная осведомленность. В другое время я предпочел бы скромно промолчать, но, поскольку разговор останется между нами, не скрою: вы угадали. Ну, а теперь позвольте и мне полюбопытствовать: с кем имею честь?

— Инспектор Патрик Ло из «Криминэл интеллидженс юнит». Впрочем, вы, очевидно, уже успели ознакомиться с содержимым моих карманов.

— Вы о нас дурно думаете, господин Ло. Но я не обижаюсь: ваша работа наложила на ваш образ мышления соответствующий отпечаток. Мы только забрали у вас пистолет, чтобы он не вводил вас в искушение. Итак, вам нужен был я. Я вас слушаю.

— Нам нужна вся ваша банда, — хмуро произнес Патрик.

— К чему такие слова, господин Ло? — поморщился Белый Бумажный Веер. — Не забывайте, что вы у меня в гостях, а не наоборот.

— Надеюсь на ответный визит. — Инспектор продолжал сохранять присутствие духа, понимая, однако, сложность своего положения.

Белый Бумажный Веер засмеялся.

— Ценю ваш юмор, а главное, оптимизм, господин Ло. Но вынужден вас огорчить: воспользоваться вашим в высшей степени любезным приглашением я вряд ли смогу. О причинах, полагаю, вы догадываетесь.

— Как знать... — бросил Патрик, не желая признать свое бессилие.

Белый Бумажный Веер пропустил эту реплику мимо ушей.

— У нас с вами впереди еще много времени, — сказал он, — ведь ваши друзья не скоро уберутся. Но вы сами прекрасно понимаете, что люк они не найдут. Если бы я хоть на минуту сомневался в этом, я не признал бы, что меня зовут Белым Бумажным Веером. В конце концов

они будут вынуждены уйти. Тогда и нам придется расстаться. Кстати, мы не будем вас убивать, господин Ло. Я принципиально против расправ над безоружными людьми. Мы оставим вас здесь. Навсегда... если не сможем с вами договориться. Но я хочу надеяться, что имею дело с умным и деловым человеком. Взаимная выгода очевидна.

Патрик почувствовал неприятное покалывание по всему телу, представив себя одного в этом каменном мешке. Над ним будут ходить люди, смеяться, покупать бананы, ездить на машинах... А он будет медленно умирать. Очевидно, этот гангстер с любезной улыбкой на лице говорит правду: люк никто не сможет обнаружить. Разумеется, Аланг будет искать инспектора. Но в конце концов решит, что его забрали с собой в качестве заложника. Какой ужасный финал ожидает его! Всего несколько минут отделяли его от такого поворота событий... Но теперь об этом уже поздно думать. Нужно соображать, как выбраться отсюда. Единственный шанс — принять предложение Белого Бумажного Веера. Но он же всегда презирал и ненавидел этих подонков. А теперь будет вынужден подчиниться им? Выполнять все, что ему скажут, и дрожать за свою жизнь? А как он будет смотреть в глаза Алангу, Джун? Нет, ни за что! Тогда смерть?

Невеселые мысли инспектора прервал нарочито любезный голос Белого Бумажного Веера.

— У вас еще будет время для размышлений, — сказал он. — А пока немного побеседуем. Когда нам наскучит разговаривать, мы сможем развлечься с крошкой Цян...

Присутствующие, в том числе и Цян, захохотали. «До чего же можно дойти?» — с отвращением подумал Патрик.

— Нам есть о чем поговорить, — продолжал Белый Бумажный Веер. — Вас наверняка интересует наша организация. Сразу должен извиниться: я не смогу полностью удовлетворить ваше любопытство. От вас мне скрывать уже нечего, но, к сожалению, мы здесь не одни. Эти твари, — он кивнул в сторону остальных, — схватывают все на лету. А зачем людям много знать? От этого у них нарушается кровообращение и портится аппетит. У меня к вам тоже найдется несколько вопросов. Скажу откровенно, меня настораживает ваша осведомленность и тоже разбирает любопытство. Кстати, о любопытстве. Мне страшно хочется узнать, как продвигаются ваши дела на Блаканг-Мати. Этот ужасный могильник всех взбудоражил. Но, говорят, полиция уже неделю топчется на одном месте... скелеты почему-то молчат!

— Не питайтесь слухами, — в тон собеседнику ответил Ло. — Тот малаец, которого вы запихнули вмес...

Он недоговорил. Белый Бумажный Веер рывком поднялся с кресла и сильным ударом в лицо свалил Патрика на пол. Ло стукнулся головой о стену, и затылок снова заныл от боли.

— Не очень-то вы гостеприимны, — глухо произнес инспектор, вытирая струйку крови на подбородке.

— Я же предупреждал, что мы не одни, господин Ло.

Белый Бумажный Веер сел в кресло. Он старался говорить по-прежнему вежливо, но улыбка сошла с его лица. Маленькие узкие глаза сверлили инспектора. Цян, скользнув по Патрику оценивающим взглядом, приняла какую-то таблетку и запила ее водой.

— Господин Ло, не будем терять времени. Вы готовы проявить благоразумие?

Ло поднялся с кресла, продолжая вытирать кровь с лица, и сел на топчан.

— Ответьте, пожалуйста, — ласково сказал Белый Бумажный Веер, и от его тона Патрику стало не по себе. — Иначе вам будет очень больно.

Инспектор искоса взглянул на физиономии стоящих у стены гангстеров. Белый Бумажный Веер перехватил его взгляд и ухмыльнулся.

— Смею вас уверить: они прекрасно знают свое дело. Но они слишком грубы. А вот красotka Цян — само изящество. Взгляните на ее ручки. Это руки виртуоза. Она заставляла говорить многих. Вы не станете исключением.

«Неужели девчонка способна на это?» — подумал Ло скорее с удивлением, чем с испугом.

— Цян!

Цян отделилась от стены и вынула руку из кармана. Между пальцами у нее сверкнула тонкая полоска лезвия.

Инспектор взглянул на ее лицо и невольно сделал шаг назад. Перед ним теперь стояла не смазливая девица, какой она показалась Патрику вначале. Змеиный взгляд немигающих глаз леденил душу. Ноздри ее раздувались, губы перекошились то ли в злобной усмешке, то ли в судороге. Бледное лицо в один миг преобразилось и стало уродливым. Цян сделала несколько глубоких, конвульсивных вдохов, словно ей не хватало воздуха, и начала медленно приближаться к Ло. Два гангстера схватили его за руки.

«Она же неменяема!» — ужаснулся Патрик, вспомнив про таблетку.

Цян сделала еще шаг и резко взмахнула рукой. Если бы мужчины, державшие Патрика, не дернули его за руки назад, бритва располосовала бы ему лицо. Цян, увидев, что жертва ускользнула от нее, издала какой-то гортанный, клокочущий крик и снова подняла руку с бритвой.

— Пока достаточно, — тихо произнес Белый Бумажный Веер.

Один из гангстеров, отпустив Ло, перехватил руку Цян и грубо толкнул ее к противоположной стене. Она хрипло выругалась и вновь двинулась к Патрику.

— Решайте побыстрее, господин Ло, — попросил инспектора Белый Бумажный Веер. — Если Цян войдет в азарт, нам будет трудно ее утихомирить. Скажите, что вы согласны работать на нас, и поговорим спокойно... Право, мне будет весьма неприятно смотреть, как Цян расправится с вами. Мне отвратительны подобные сцены.

Гангстеры, кажется, ослабили хватку. Патрик рывком высвободил руки, ребрами ладоней ударил обоих гангстеров — одного по горлу, другого по переносице — и, сбив Цян, рванулся к ящику, на котором лежал его пистолет. Однако дотянуться до оружия не успел. Белый Бумажный Веер, опершись руками на поручни кресла, приподнялся и ногой сильно ударил инспектора в плечо. Патрик отлетел в сторону, а Белый Бумажный Веер, схватив с ящика пистолет, направил его на инспектора...

— Зря вы это затеяли, господин Ло, — глухо сказал он. — Я рассчитывал, что вы будете умнее.

Он спустил предохранитель. Ло замер и не отрываясь смотрел в маленький черный зрачок дула.

— Связать его, — бросил Белый Бумажный Веер.

Наверху раздался шум. Люк резко распахнулся, и в отверстии показалось несколько автоматов.

— Не двигаться! — послышался голос Аланга. На мгновение все оцепенели. На пол спрыгнул Аланг, а за ним несколько человек из оперативной группы.

— Руки за голову!

Гангстеры нехотя повиновались. Цян билась на полу в истерике. Сверху спустили бамбуковую лестницу.

— Прошу вас, — обратился Ло к Белому Бумажному Вееру. — Вот у вас и появилась возможность нанести мне ответный визит.

Тот ничего не ответил, ошалело посмотрел на Аланга, все еще не веря в случившееся, и стал подниматься по лестнице. Патрик выбрался из подземелья вслед за Белым Бумажным Веером. Ему хотелось казаться спокойным, он даже попытался пошутить. Закурил сигарету и сделал несколько глубоких затяжек. Руки его дрожали. Ло переломил в пальцах сигарету, выбросил и тут же достал новую.

К нему подошел Аланг. Патрик издал короткий нервный смешок, и Аланг все понял.

— Идите в машину, — сказал он и, повернувшись к одному из детективов, добавил: — Инспектору не помешает двойная порция виски.

Через несколько минут на улицу вывели Белого Бумажного Веера и его людей в наручниках. Аланг подождал, пока их вталкивали в «джип», и, сев в свою машину, велел шоферу трогаться.

— Вы появились вовремя, — устало произнес Патрик. — Еще минута, и мне пришлось бы туго.

— Я вижу, — отозвался Аланг.

— Но как вы обнаружили люк? Белый Бумажный Веер был на сто процентов уверен, что вы его не найдете. И, признаюсь, убедил в этом и меня.

— Он был совершенно прав. С четырех сторон стены, и попробуй догадайся, что внутри пусто. Но это во-вторых. А во-первых, коридор, по которому вы шли, они успели перегородить стеной. Нам же открыли дверь, уводившую из этого дома в какие-то лачуги. Я уже начал думать, что они смотались и прихватили вас с собой. В общем, сами мы не смогли бы добраться до вас...

— И кто же вам помог?

— Какой-то мальчуган подошел к одному из наших и протянул листок бумаги. На нем было написано, как найти люк.

— Похоже на интригу, — заметил Ло.

— Я даже догадываюсь, от кого это послание.

— Красный Жезл.

Аланг кивнул.

— Очевидно, ему стало известно о ваших связях с Ко Ином, и он решил использовать сержанта в своих целях. Ведь Ко Ин сказал, что Красный Жезл в разговоре с ним дважды упомянул имя Белого Бумажного Веера. С чего бы такая откровенность? Видно, не очень он жаловал своего «брата».

— «Старшего брата», — усмехнувшись, уточнил Ло. И тут же нахмурился. — Тогда нам остается отправиться к Южному мосту, чтобы убедиться в том, что мы правы.

Аланг взглянул на часы.

— Половина второго. Не исключено, что мы еще застанем там полицию.

Шофер, не дожидаясь приказа, свернул направо. Выезжая на набережную, он увидел несколько полицейских машин. Неподалеку от них стоял «джип», вокруг которого, несмотря на поздний час, толпились люди...

8

До встречи с Гуном оставалось еще полчаса, и Красный Жезл медленно шел по улице, вспоминая подробности своего вчерашнего разговора с Желтым Драконом. Красный Жезл не сомневался, что Желтый Дракон захочет срочно встретиться с ним, и тщательно продумал возможные вопросы главы «триады» и свои ответы. И все же при появлении связного — Соломенной Сандалии — им овладело беспокойство. Оно усилилось, когда его заставили прождать в «зеленой гостиной» целых полчаса.

Желтый Дракон вошел в комнату бесшумно и неожиданно. Красный Жезл подобострастно смотрел на него, ожидая, когда тот заговорит. Он пытался угадать настроение шефа, но на лице вошедшего нельзя было прочесть ничего. Желтый Дракон обладал феноменальной способностью никак не выражать свои эмоции.

— Мое желание срочно увидеть вас вызвано печальной новостью, — бесцветно произнес Желтый Дракон, опускаясь в кресло. — Сегодня ночью арестован Белый Бумажный Веер.

Красный Жезл мысленно поблагодарил бога за то, что был артистом: изобразить на лице огорченное удивление не составило большого труда.

— С ним взяли еще троих. Это произошло после часа ночи. Соломенную Сандалию разыскал один из людей Белого Бумажного Веера, которому удалось уйти.

Все это было известно Красному Жезлу. Он недаром изучал ближайшее окружение Белого Бумажного Веера и однажды смог купить его человека. После встречи с Ко Ином Красный Жезл разыскал этого Чжоу, чтобы выяснить у него, что представляет собой дом на Кеонг Сайяк и можно ли оттуда скрыться в случае опасности. Чжоу рассказал про коридор, который в несколько минут перекрывается стеной, и про помещение под землей.

В половине первого Красный Жезл приехал туда с маленьким листком бумаги в кармане, на котором было написано, как добраться до подземелья. Поняв, что Белому Бумажному Вееру удалось скрыться там, он подозвал какого-то мальчишку, дал ему двадцать долларов и велел передать бумажку одному из детективов, дежуривших у входа. Минут через пятнадцать, наблюдая за домом уже из другого места. Красный Жезл увидел «старшего брата» в наручниках. Это зрелище доставило ему почти физическое наслаждение, и он едва удержался от того, чтобы не пройти мимо Белого Бумажного Веера и не встретиться с ним взглядом.

После того, как машины «Си-Ай-Ю» уехали. Красный Жезл отправился на соседнюю улицу. Там его ждал Чжоу, который по его приказу оставил Белого Бумажного Веера и остальных за несколько минут до появления Ко Ина. Красный Жезл велел Чжоу явиться утром к Соломенной Сандалии и рассказать о случившемся, но сказать между прочим, что «товар» привозил какой-то рикша.

Расставшись с Чжоу, Красный Жезл поехал к себе с единственным желанием побыстрее и покрепче заснуть, чтобы освободиться от сковавшего его напряжения. Но заснуть ему так и не удалось. А к полудню, как и предполагал Красный Жезл, к нему пришел Соломенная Сандалия с приказом немедленно явиться к главе «триады».

— Судьба нашего брата беспокоит меня, — продолжал Желтый Дракон, — так же, как и судьба героя, который вы ему передали. Десять килограммов — это не только улика. Это еще и четыре миллиона долларов. Правда, по словам Соломенной Сандалии, этот Чжоу утверждает, что «товар» был сразу же надежно спрятан. Но я не буду спокоен до тех пор, пока не увижу героин собственными глазами.

Еще одна мысль появилась у Красного Жезла после встречи с Ко Ином в субботний вечер. И он решил сыграть ва-банк. Героин он оставил у себя, а в сумку положил десять килограммов опиума, приобретенного незадолго до этого втайне от своих собратьев. Отдать двадцать тысяч за четыре миллиона не было жалко.

Красный Жезл не успел продумать этот вариант до конца, но жадность взяла верх над осторожностью, и он рискнул. Ночью он еще раз хорошенько все обдумал и пришел к выводу, что ему удалось найти достаточно правдоподобное объяснение таинственному превращению героина в опиум. По логике вещей Белый Бумажный Веер тут же должен был спрятать героин, привезенный Ко Ином. Это подтверждали и слова Чжоу. Но когда нагрянули детективы из «Си-Ай-Ю», то при обыске обнаружили опиум. Чжоу подтвердит, что Белый Бумажный Веер недавно втихомолку достал десять килограммов опиума. А Красный Жезл аккуратно подтолкнет Желтого Дракона к выводу: Белый Бумажный Веер решил присвоить героин и надеялся сообщить из тюрьмы, что опиум, захваченный полицией, якобы подsunул ему вместо героина Красный Жезл. Но сообщить из тюрьмы Белый Бумажный Веер ничего не сможет, поскольку два надзирателя, являющиеся членами «триады», — люди Красного Жезла. Зато Чжоу, когда будет нужно, скажет, что Белый Бумажный Веер якобы открыл сумку, полученную от Красного Жезла, и заявил, что героин очень высокого качества.

Как и предполагал Красный Жезл, Желтый Дракон высказал подозрение, что «Си-Ай-Ю» привел с собой человек, передавший «товар». Красный Жезл осмелился предложить шефу оставить выяснение всех обстоятельств до побега Белого Бумажного Веера, который будет устроен в самое ближайшее время. Желтый Дракон едва заметно кивнул в знак согласия и отпустил собеседника. Они договорились встретиться через неделю, после возвращения Желтого Дракона из Бангкока, куда тот собирался по каким-то делам.

Красный Жезл посмотрел на часы. До встречи с Гуном оставалось еще пятнадцать минут, и он решил сделать небольшой крюк по другой улице, чтобы не прийти к Ботаническому саду первым.

Он еще никак не мог смириться с мыслью, что ему. Красному Жезлу, пришлось уступить нахальному молокососу. Но сейчас злоба против Гуна, которая переполняла его в субботу, уже выкипела. Двести тысяч, конечно, жалко. Зато у него теперь есть четыре миллиона, и он сможет купить даже личную охрану Желтого Дракона. Красный Жезл так испугался

мелькнувшей в голове мысли, что оглянулся по сторонам. Нет, не стоит зарываться, даже мысленно... Такие рассуждения до добра не доведут. Желтый Дракон сотрет Красного Жезла в порошок вместе с его четырьмя миллионами. Достаточно того, что покончено с Белым Бумажным Веером. Вспомнить об этом было приятно. «Конечно, я вам устрою побег, „старший брат“, но не моя вина, что, пытаясь улизнуть, вы получите пулю в спину». Красный Жезл пожалел о том, что не сможет увидеть, как будет умирать Белый Бумажный Веер. А как приятно было бы посмотреть на его предсмертные судороги. Просто стоять и смотреть, как он будет корчиться, хватать руками воздух. Еще лучше было бы устроить над ним суд во время ритуала... Красный Жезл попытался представить себе, как стоит он с мечом в руке, а рядом — бледный, трясущийся Белый Бумажный Веер со связанными руками... В полной тишине слушают «братья» приговор...

Распаленный нарисованной воображением картиной, Красный Жезл не заметил, как подошел к входу в Ботанический сад. Гун уже был здесь. Он широко улыбался Красному Жезлу, как своему старому приятелю. Когда они подошли друг к другу, молодой человек сделал вежливый полупоклон. Красный Жезл стиснул зубы и молча кивнул Гуну. Они вошли в сад медленной походкой людей, которые решили под вечер немного прогуляться и мирно поболтать о том о сем.

— Итак? — вопросительно вскинул брови Гун.

— Согласен, — глухо ответил Красный Жезл.

— Я не сомневался в ваших сыновних и отцовских чувствах.

— Хватит болтать, — оборвал Красный Жезл. — Когда я увижу мать и дочь?

— Если вас устраивает, то через неделю в Бангкоке.

— А почему бы вам не привезти их сюда? — Красный Жезл почувствовал, как в нем начинает klokотать злоба.

— Видите ли, — засмеялся Гун, — билеты стоят очень дорого. Мы не можем позволить себе роскошь бросать деньги на ветер. В следующий четверг мы встречаемся в Бангкоке... ну, скажем, у отеля «Виктория». В семь часов вечера. Я буду там вместе с вашими родственниками. А вы — с документами и остальными пятьюдесятью процентами. Если почему-либо вы не сможете приехать в назначенный срок, позвоните по телефону 241367 и попросите передать мне, какой день и час будет для вас удобен. А сейчас я хотел бы получить деньги и откланяться.

Они подошли к скамейке. Вокруг никого не было, но Красный Жезл знал, что где-то рядом в темноте стоят три его охранника, которым он велел приехать сюда на всякий случай. Он не сомневался, что и Гун здесь не один. Он начал медленно отпирать свой кейс, а молодой человек сосредоточенно следил за его руками.

И вдруг Красному Жезлу стало жаль этих денег. Почему он должен отдавать их? Почему он должен расставаться с бумагами, которые может очень выгодно продать? Двести тысяч! За что? Красный Жезл забыл о письме, о фотографии... Кто смеет отбирать у него ЕГО ДЕНЬГИ?! ЕГО ДЕНЬГИ! ДЕНЬГИ!

Все произошло в какие-то доли секунды, и Гун не успел даже среагировать. Красный Жезл молниеносно ударил его носком правой ноги по голени. Молодой человек со стоном согнулся, и в тот же момент Красный Жезл ударил его по голове рукояткой пистолета. Гун упал на траву.

Красный Жезл ударил его еще раз рукояткой, а затем начал бить ногами. Он не видел, как на аллею выскочили два человека, как наперерез им метнулись три тени. Он не слышал глухих ударов и тяжелого дыхания дерущихся. Он продолжал исступленно бить человека, который покушался на ЕГО ДЕНЬГИ.

Красный Жезл очнулся, когда услышал голос одного из своих охранников: «Босс, нужно сматываться». Он схватил кейс и почти бегом направился к выходу. Один из охранников последовал за ним, двое других пошли в противоположную сторону.

Красный Жезл с размаху плюхнулся на заднее сиденье поджидавшей его у входа машины и облегченно вздохнул, когда она рванулась с места. Ничто больше не связывало его с прошлым. Он был свободен. Завтра утром он заберет из банков свои деньги и положит их на новые счета, закроет театр и поменяет имя. Хозяевам Гуна больше не удастся разыскать его.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

«ТУМАСИК»

1

— Добрый день. Могу я видеть господина Чэна? Патрик слегка наклонил голову и улыбнулся, ни минуты не сомневаясь, что производит неотразимое впечатление на секретаршу.

Он знал, что инспектору «Си-Ай-Ю» никогда не бросят в ответ дежурное «шеф занят» или еще что-то в этом роде. Но Ло, как, впрочем, и каждый уважающий себя мужчина, не был лишен тщеславия, и его интересовало, какое впечатление он производит своей внешностью на окружающих и особенно на молоденьких секретарш. Другими словами, Патрику хотелось знать, может ли он рассчитывать на благосклонность этих очаровательных и вместе с тем чрезвычайно строгих созданий до того, как представится и сообщит о цели своего визита. В подавляющем большинстве случаев оказывалось, что может. И сейчас Патрик в очередной раз имел удовольствие убедиться в этом.

— Господин Чэн принимает только по предварительной договоренности. Но я попробую спросить у него. Как о вас доложить?

— Попробуйте, — подбодрил секретаршу Патрик и протянул ей свою визитную карточку. — Инспектор Ло из «Криминал интеллидженс юнит».

Девушка никак не реагировала на его слова. Как будто агенты секретной службы появлялись здесь каждый день. Взяла визитную карточку и упорхнула за дверь с надписью «Генеральный директор».

«Счастливая, — позавидовал инспектор, — ей неизвестно, что такое „Си-Ай-Ю“, и уж тем более, что существуют тайные общества. Слышала, естественно, что иногда людей грабят и даже убивают, а хорошеньких дурочек крадут, чтобы продать в публичный дом. Но считает, что с ней такого случиться, конечно же, не может».

Он подошел к окну. Шестнадцать этажами ниже торопились друг другу навстречу похожие на кукол люди, сновали, словно маленькие быстроногие жучки, машины, медленно проползали червяки-автобусы. Шум сквозь плотно закрытые окна не доносился, и все происходило, как в немом кино. Ло отрешенно смотрел на улицу и думал о своем.

С арестом Белого Бумажного Веера все снова встало на мертвую точку. Он и его люди упорно

отрицали свою принадлежность к «Анг Сун Тонг». Никаких улик против них не было, а разговор в подземелье доказательством служить не мог. Белый Бумажный Веер делал большие глаза и говорил, что у инспектора болезненное воображение.

В сумке, которую привез Ко Ин, оказалось десять килограммов опиума. Такое количество не позволяло приговорить Белого Бумажного Веера и четырех его сообщников к смертной казни. Им была обеспечена тюрьма, но такой вариант ни в коей мере не устраивал Аланга: ему нужна была вся организация.

Ло допрашивал Белого Бумажного Веера каждый день, он пытался загнать его в угол осведомленностью о Блаканг-Мати и как бы между прочим обронил, что с помощью Ко Ина «Си-Ай-Ю» все равно доберется до «Анг Сун Тонг». Об убийстве сержанта Белый Бумажный Веер знать не мог, и Патрик надеялся, что эта информация вызовет какое-то действие.

Однако все было напрасно. Лицо гангстера во время допросов оставалось непроницаемым. Один раз в его глазах промелькнуло легкое удивление: когда инспектор достал из сумки опиум. Но Ло решил, что тот просто играет. На четвертый день Белый Бумажный Веер заявил, что он признается в контрабанде десяти килограммов опиума, и потребовал, чтобы суд состоялся как можно быстрее.

Патрик понимал, что дальнейшие попытки заставить Белого Бумажного Веера заговорить бесполезны и в конце концов дело придется передать в суд.

Чтобы двигаться дальше, нужно было искать какие-то иные пути, и Ло решил основательно заняться выяснением личности человека, чей труп был украден с острова. Он забрал из уголовной полиции все данные о пропавших за последний месяц людях. Среди них было три женщины, четыре ребенка и трое мужчин. Патрик исключил из списка детей и женщин, поскольку на Блаканг-Мати, по словам Ко Ина, был привезен мужской труп.

Экспертиза обнаруженной во второй яме крови еще не была завершена, и все же Ло не стал дожидаться результатов. Он принялся за изучение материалов на трех мужчин, но, взглянув на фотографию, был вынужден отложить в сторону еще одно досье — на иностранца со светлыми волосами, поскольку цвет найденных на острове волос был черным. Оставались двое — кассир из Китайского банка и сын крупного бизнесмена — генерального директора компании по реэкспорту каучука, студент. Оба исчезли в последней декаде декабря.

После исчезновения кассира был вскрыт его сейф, и обнаружилась солидная недостача: около ста тысяч долларов. В уголовной полиции тонко подметили «вероятность существования прямой связи между этими двумя фактами» и занялись безуспешными поисками кассира.

Студент исчез без видимых на то причин. Предполагали похищение с целью получения выкупа. Но отцу до сих пор никто не звонил, и никто не присылал писем. Тогда выдвинули новую версию: сына генерального директора убили неизвестные грабители, а тело спрятали. На том в уголовной полиции и успокоились.

— Господин генеральный директор просит вас зайти, — отвлекла Патрика от размышлений секретарша.

Ло вошел в кабинет. За столом сидел седой худощавый мужчина в преклонном возрасте. На лацкане пиджака стального цвета была приколата черная матерчатая полоска — знак траура.

— Прошу вас, господин Ло, — произнес хозяин кабинета, указывая инспектору на низкое кресло у своего стола.

Он не поднялся навстречу Патрику и даже не ответил на приветствие, словно Ло был его агентом по реэкспорту и сегодня уже посещал этот кабинет.

— Чем обязан визиту? — Генеральный директор устало разглядывал Патрика. — Ваш приход не был запланирован заранее, а у меня не так много времени.

— Я понимаю, — ответил Ло, — и постараюсь быть кратким. Заранее прошу простить меня за то, что затрону печальную для вас тему. Но — служба... Патрик сделал небольшую паузу, затем продолжил:

— Господин Чэн, в списках уголовной полиции ваш сын числится пропавшим без вести. По...

— У вас устаревшие сведения, господин Ло, — сухо перебил его генеральный директор. — Мой сын не пропал без вести. Он погиб.

— Простите, — смущенно пробормотал Патрик. — Значит, меня просто ввели в заблуждение.

— Всякое напоминание о сыне причиняет мне сильную боль, — будто не слыша слов инспектора, продолжал Чэн, — и я мог бы попросить вас оставить меня в покое. Считайте, что я это сделал. Не берусь судить, где больше беспорядка: у вас, в уголовной, или в береговой полиции. Но, дабы оградить себя в дальнейшем от подобных бестактных визитов, объясню, в чем дело. Мой сын Сенг действительно пропал в конце декабря. Это случилось двадцать второго числа. Мы с женой обратились в уголовную полицию. Но через три дня из Бангкока он прислал короткое письмо, в котором извинялся за доставленные нам волнения, обещал на следующей неделе вернуться и все объяснить. Насколько я знаю, у него был там какой-то роман. Мы успокоились: я сообщил о письме в уголовную полицию и попросил их прекратить поиски. Но, очевидно, моя просьба по небрежности не была зафиксирована. Мы ждали приезда Сенга, но вместо встречи с сыном получили уведомление — из береговой полиции.

Генеральный директор умолк, чтобы проглотить подступивший к горлу комок.

— В уведомлении говорилось, что Сенг находился в числе пассажиров судна, которое не дошло до Сингапура, потерпев кораблекрушение.

— «Тумасик»? — В голосе Патрика прозвучало больше заинтересованности, чем следовало.

— Да, — со вздохом кивнул генеральный директор. — А почему вас это удивляет?

Инспектор мысленно ругнул себя за несдержанность — не следовало бы постороннему человеку знать, что «Си-Ай-Ю» интересуется «Тумасиком», — но тут же нашелся:

— На этом же судне плыл мой друг... В какой-то степени я вас понимаю.

Чэн взглянул на часы, потом развел руками, давая понять, что время беседы истекло. Инспектор поднялся с кресла.

— Все же я прошу вас подумать над тем, не было ли у вашего сына каких-нибудь подозрительных знакомых, — сказал он. — Не исключено, что я буду вынужден побеспокоить вас еще раз. Вторично прошу прощения за доставленную вам неприятность.

— Хорошо, что вы не догадались явиться к нам домой. С женой произошла бы истерика, — ответил генеральный директор.

— Понимаю, — сочувственно кивнул Ло.

Чэн сухо наклонил голову в ответ, и Патрик направился к двери.

«Снова „Тумасик“, — думал он по пути в офис, — прямо наваждение какое-то! Придется еще раз побеседовать с этим Чэном. Ему это, конечно, не понравится, но ничего не поделаешь. Не все понятно с его сыном. Таинственно исчез из дома. Потом письмо. „Тумасик“. А может быть, я ошибаюсь? Мальчишка без памяти влюбился. В восемнадцать лет это случается. Понесся очертя голову к девчонке и забыл предупредить родителей. А может, они были против его увлечения и поэтому он ничего не сказал им о своем отъезде? А на обратном пути решил прогуляться морем... Почему бы нет? Интересно, а я мог бы так же влюбиться? Скажем, в Джун?» Патрик усмехнулся: поздно в тридцать пять лет изображать из себя пылкого воздыхателя, искать в своей душе то, что не сумел найти в восемнадцать!

— Инспектор, — окликнул дежурный Патрика, когда тот проходил мимо него, — шеф просил вас зайти.

Патрик молча направился к кабинету Аланга.

— Вы никогда не увлекались решением кроссвордов? — любопытно спросил глава «Си-Ай-Ю», увидев своего подчиненного.

— Последние десять лет только этим и занимаюсь, — буркнул в ответ Патрик.

— Я имею в виду не нашу работу, а обычные кроссворды.

— Нет. А что?

— У вас такой вид, словно вы все утро просидели над журналом и для того, чтобы получить премию за правильные ответы, не смогли угадать только одно слово, которое уже вертелось у вас на языке.

— Что-то вроде этого, — отозвался Ло.

— Вот как? Любопытно.

Инспектор пересказал Алангу свой разговор с генеральным директором.

— Призрак затонувшего судна преследует вас на каждом шагу, — с шутливым сочувствием произнес тот, — но не стоит переживать из-за чисто символической премии. Именем студента вы все равно не заполните пустующие клетки вашего кроссворда.

— Почему?

— Вас не было на месте, и результаты экспертизы крови принесли мне. Давность следов — больше тридцати дней.

— Сегодня двадцать второе января, — наморщил лоб Патрик, — а сын генерального директора сел на «Тумасик» двадцать восьмого декабря.

— У вас потрясающие способности к анализу, — заметил Аланг. — Я допускаю ошибку экспертов на один-два, ну, максимум на три дня. Но не на неделю же. Так что не ищите потаенного смысла в опрометчивом поступке молодого Чэна. Очевидно, им руководили возвышенные чувства, которых нам, увы, не понять. И предоставьте его папаше возможность

спокойно реэкспортировать свой каучук.

Ло тяжело вздохнул.

— Я чувствую, что в списке пропавших без вести не так много кандидатур, — сказал Аланг, — если вы с таким сожалением расстаетесь с этим Сенгом.

— Осталась еще одна, — невесело отозвался инспектор.

— Н-да, не густо, — согласился Аланг. — Если еще и эта отпадет, наши дела будут совсем швах. Кто этот человек?

— Кассир из Китайского банка. Пропал девятнадцатого марта. В его сейфе обнаружена недостача в сто тысяч долларов.

— Ну-у, на вашем месте я плясал бы от радости. — Аланг воздел руки к потолку. — Прекрасный, прекрасный кандидат в трупы! Ста тысячами даже «Анг Сун Тонг» не побрезгует.

— А я радуюсь, — хмуро ответил Ло. — Разве по мне не видно?

— Ну ладно, — уже серьезно сказал шеф «Си-Ай-Ю», — занимайтесь кассиром. И найдите время заскочить в береговую полицию. Нужно ведь как-то подбираться к «Тумасику».

2

В воскоосень Патрик проснулся рано. Он энергично соскочил с кровати и раздвинул шторы на окнах.

Поставил варить кофе и пошел умываться. Наконец-то он проведет с Джун целый день. Они договорились поехать сегодня на Сентозу — райский островок с изумительными пляжами и аппетитными сатэ, которые повара-малайцы жарили под открытым небом на больших каменных мангалах.

Патрик не считал, что с Джун у него получится серьезный роман. Вернее, он просто не думал об этом. Джун ему нравилась, и все. Но это ровным счетом ничего не значило. А то, что жена Аланга преподнесла его в первый вечер как потенциального жениха, ни к чему не обязывало Патрика. Это было воспринято всеми как шутка.

«Нет, госпожа Лау, ваш номер не пройдет, — подумал Ло, плескаясь и фыркая под душем, — Джун явно не создана для кухни и пеленок, а на экономку и кормилицу у меня нет денег».

Когда он кончил завтракать, было уже восемь часов. Джун ждала его в девять, и Патрик решил прогуляться пешком, что в последние дни удавалось ему крайне редко.

Обогнув со стороны Пенанг роуд храм Шивы, он вышел на Орчард роуд и невольно замедлил шаг. Из-за противоположного угла на нее выкатывалась пышная процессия индусов. Она двигалась в ту же сторону, что и Ло. Во главе шествия чинно вышагивали несколько полуголых мужчин. Их лица и тела были разрисованы белой краской. На плечах у каждого на мягких оранжевых подушечках лежали стальные перемычки, скреплявшие четыре вертикально расположенных стержня — два спереди и два сзади. На стержнях держались развесистые дуги, а в просверленные в них дырки было вставлено около тридцати деревянных стрел с острыми металлическими наконечниками, которые упирались в тела несущих их мужчин. Следом за мужчинами шли люди в ярких одеждах, увешанные разноцветной фольгой, гирляндами,

золотой и серебряной мишурой. В руках они несли кокосовые орехи, колокольчики, огромные морские раковины.

«Тайпусам!» — догадался Ло, вспомнив услышанное когда-то название индуистского религиозного праздника. Кто-то из знакомых рассказывал, что ежегодно, в день «Тайпусама», верующие индусы собираются большими колоннами и направляются в пагоду Четтиар, Там перед статуей. Субраманьи, старшего сына Шивы, они совершают ритуальные жертвоприношения, разламывая и сжигая кокосовые орехи. Это считается выражением преданности Субраманье, который в глазах набожных индусов является воплощением силы, мужества и красоты. Тех, кто приходит в Четтиар, Субраманья, по поверью, хранит от невзгод.

Ло полюбился красочным зрелищем, но потом решил отстать, потому что надрывный звон колокольчиков и трубные звуки, которые почитатели Субраманьи во всю мощь своих легких извлекали из раковин, оглушали Патрика, и это начало его раздражать.

— Здравствуйте, господин инспектор, — раздался вдруг зычный голос над самым ухом Ло, и Патрику показалось, что его приветствует сам старший сын Шивы.

Он повернул голову и увидел знакомого индуса. Когда-то тот работал в береговой полиции. Ло вспомнил, что на этой неделе он так и не успел выбраться в «лягушатник», и хорошее настроение как рукой сняло.

Громадный индус не шел, а плыл в толпе верующих с блаженным видом, вероятно, полагая, что и ему перепадет кое-что от щедрого божества, если он расколет кокосовый орех в пагоде Четтиар. Ло усмехнулся, подумав, что если тот идет к Субраманье за красотой, то зря. Сын Шивы, хоть он и бог, вряд ли сможет чем-нибудь помочь ему: слишком долго пришлось бы колдовать над лошадиным лицом индуса.

— Добрый день! — ответил Патрик, выискивая глазами переулок, куда можно было бы свернуть.

Инспектору однажды пришлось иметь дело с бывшим полицейским, и он хорошо запомнил, что отвязаться от этого парня трудно. Индус был разговорчив, как сто торговков на рынке в воскресный день. Очевидно, за болтливость его и выгнали из береговой полиции.

— Вы кого-нибудь ищете, господин инспектор?

— Да, — коротко бросил Ло, обнаружив впереди спасительный перекресток.

— Как ваше здоровье? — поинтересовался набожный индус.

Он, видимо, рассчитывал на ответную любезность, которая даст ему возможность вволю выговориться.

— Спасибо, хорошо, — лаконично ответил Патрик.

Несколько секунд они молча шли рядом.

— Вот иду в Четтиар, — счел необходимым сообщить индус, потрясая кокосовым орехом. — Просить у Субраманьи счастья.

— Помогает? — поинтересовался Ло.

— Еще как! Я одного парня знаю — чудом остался жив.

— Неужто Субраманья помог? — Патрик не смог удержаться от улыбки.

— Да, — убежденно ответил индус.

— Кто бы мог подумать? Ну что ж, да осчастливит Субраманья и тебя!

— Ло свернул за угол.

— Точно, Субраманья помог! — крикнул вслед индус, вероятно, испугавшись, что не смог убедить инспектора в могуществе старшего сына Шивы. — А то кто же? Судно-то потонуло, а он жив остался!

Патрик резко обернулся, моментально вспомнив, что за последние три месяца только «Тумасик» потерпел кораблекрушение.

— Какое судно?

— Как какое? «Тумасик»! Не слышали разве? — обрадовано ответил поклонник Субраманьи, уловив заинтересованность в голосе инспектора.

— Ло вернулся на тротуар.

— Вот ведь как бывает, — с удовольствием начал рассуждать индус. — Суденышко ко дну пошло, а парень жив остался. А все Субраманья. Он все может. Только уважать его надо. Вот если ходить все время в Четтиар...

— А что за парень? — небрежно спросил Ло, перебивая собеседника.

— Механик. Сунгаем зовут. И веры-то был не нашей. Индонезиец. А стал в Четтиар ходить — он веру нашу решил принять, — так сразу ему и повезло. Все утонули, а он жив остался. А какая ему разница, в какого бога верить? Главное, чтоб помогал...

— Так он спасся, что ли?

— Зачем спасся? Не поплыл он в этот проклятый рейс. Уволили его перед самым отплытием в Таиланд. Пил он здорово. А если б не уволили, кормил бы рыб, как все остальные. А так — без работы, зато жив. Все Субраманья. Кто Субраманью уважает, того он всегда убережет. Это уж точно, — заключил индус с таким гордым видом, будто это он был старшим сыном Шивы и сам посоветовал Сунгаю больше пить, чтобы остаться в живых.

Ло напряг память, стараясь вспомнить фамилии в списке экипажа, который ему принесли вместе с материалами расследования кораблекрушения.

— А ты видел этого... Сунгая?

— Да, да, Сунгаем его зовут, — закивал индус. — Я-то не видел, другие видели.

— Давно?

— То ли позавчера, то ли два дня назад.

Полицейский даже не обратил внимания на то, что Ло так заинтересовался механиком. Казалось, он готов был отвечать без конца на любые вопросы.

— А где его видели? — спросил на всякий случай Ло.

— Да в порту. Кто же видел-то его? И-а, никак не могу вспомнить. И видели-то пьяным. Не иначе, как от радости напился. Вот ведь как бывает. Все утонули, а он жив остался. Да кто ж его видел?

Индус расстроено зацокал языком.

— Да я к слову... до свиданья.

— А вы разве... не пойдете с нами в Четтиар? — разочарованно спросил полицейский.

— В следующий раз, — улыбнулся Ло.

«Завтра нужно будет постараться разыскать этого Сунгая, — подумал инспектор. — Хоть он и не был в последнем рейсе, может быть, что-нибудь да расскажет интересное об экипаже».

Ло сделал несколько шагов и остановился. Что-то мелькнувшее в подсознании заставило его взглянуть на часы. До встречи с Джун оставалось еще больше получаса. Не глядя на проезжую часть улицы, Ло выбросил вперед руку, чтобы остановить такси.

Этот жест был лишним. Около Патрика, слегка повернутый передком к тротуару, уже стоял изрядно обшарпанный «пежо» с шашечками. Обладающий явно безошибочным нюхом на пассажиров пожилой водитель-малаец терпеливо ожидал, когда Ло поймет, что ему просто необходимо взять такси.

Приехав в офис, инспектор поднялся в свой кабинет и вынул из сейфа документы, полученные от береговой полиции. Он быстро перелистал их, нашел список членов экипажа «Тумасика» и начал его просматривать.

— Черт возьми, — пробормотал он через несколько секунд. — Что за ерунда?

Под номером десять в списке фигурировал механик Сунгай. Патрик сел на стул, продолжая держать лист бумаги в руках. Так вот что остановило его на улице! Зрительная память невидимым фотоаппаратом отщелкала написанное и отправила куда-то в резервные клетки мозга.

«Где ошибка? — стал размышлять Ло. — В списке или в словах полицейского? Забыли вычеркнуть? Ведь индус сказал, что механика уволили перед самым отплытием. А может, этот болтун напутал и индонезийца не увольняли? Но в таком случае как он мог оказаться в порту после кораблекрушения? Все-таки сто миль! Шторм...» Ло убрал документы в сейф, позвонил дежурному, чтобы взять машину, и вышел из офиса. Когда он подъехал к кинотеатру «Лидо», было семь минут десятого. Джун неторопливо прохаживалась по кромке тротуара.

— Патрик, мы ведь договаривались на девять часов, — обиженно проговорила Джун.

— Извините, Джун, но мне пришлось заехать на работу.

— В воскресенье?!

Ло развел руками.

— Поехали, быстрее. Иначе я пропущу утреннее солнце, а для загара оно самое полезное.

Джун поправила сумку на плече и направилась к стоявшему в нескольких метрах такси. Тут она заметила, что «мазда», на которой подъехал Патрик, продолжает стоять на месте.

— Мы что... поедем на этой машине?

— Понимаете, Джун... — нерешительно начал Ло, — обстоятельства...

— Понимаю! — резко перебила его Джун и прищурила свои треугольные, чуть раскосые глаза. — Счастливо провести выходной... с обстоятельствами!

Она тряхнула густыми черными волосами, круто повернулась и зашагала прочь. Патрик с грустью посмотрел вслед девушке, вздохнул и забрался в свою служебную «мазду».

— В порт, — негромко сказал он водителю.

Порт лязгал кранами, сипло кричал «майна», со смаком ругался на доброй дюжине языков. Ло выяснил, у какого причала обычно швартовался «Тумасик», и направился туда.

У самого края причала сидел на корточках небритый малаец в линялой рваной рубашке и латаных шортах. Вернее, это были просто трусы, заменявшие ему шорты. Он держал в руке потухшую сигарету и задумчиво смотрел на воду.

— Эй, приятель! — окликнул малайца Ло.

— Да, туан, — отозвался тот, поднимаясь.

— Послушай, приятель, я ищу на свое судно механика. Ты, должно быть, всех здесь знаешь. Не посоветуешь кого-нибудь?

Голова малайца закачалась на кадыке-шарнире. То ли он соглашался, что действительно всех здесь знает, то ли собирался кого-то предложить.

— Механиков много... — охрипшим голосом произнес он.

— Мне нужен хороший механик.

— Хороших мало, — пессимистично заключил малаец. — Хороший механик без работы сидеть не будет.

Он пожевал оставшиеся во рту крошки табака и шумно выплюнул их.

— Я тоже был когда-то механиком. Но это было давно...

Зрачки малайца медленно поплыли кверху. Он явно собирался предаться воспоминаниям. Патрика это совершенно не устраивало.

— Послушай, приятель. Я слышал, что с «Тумасика» вроде бы уволили неплохого механика. То ли японца, то ли филиппинца. Не слышал?

— Почему не слышал? Слышал.

Малаец с грустью посмотрел на бычок, который держал в руках, давая понять инспектору, что

нелишне было бы угостить его хорошей сигаретой, без которой вспомнить, кого уволили с «Тумасика», будет нелегко. Ло усмехнулся и вытащил из кармана пачку «Мальборо». Глаза малайца оживились. Он потер правую руку о рубашку, полагая, что от этого она станет чище. Потом взял сигарету и вставил ее в свой беззубый рот. Бычок он аккуратно сунул в нагрудный карман. Патрик щелкнул зажигалкой. И без того ввалившиеся щеки малайца еще больше втянулись, чуть ли не соприкасаясь друг с другом. Он затянулся, благодарно затряс головой, затем стал выкашливать дым. Ло терпеливо ждал.

— Почему не слышал? — повторил наконец малаец, накашлявшись вволю. — Был такой на «Тумасике». Только не японец он. Индонезиец. Сунгаем звали.

— Так где его можно найти?

— А нигде не найти. Утонул он вместе со всеми.

— Как утонул? Его же уволили перед отплытием.

— Уволить-то уволили. Это верно. Пил он здорово. А как «Тумасику» в море выходить, хватились: нет механика. Ну и взяли его снова. Прямо в тот же день.

— А ты не путаешь?

Малаец засмеялся:

— Глаза-то мои еще видят!

— Жалко. Говорят, хороший механик был.

— Хороший, — согласился малаец и добавил: — Да вы походите, туан, по порту, может, и найдете кого.

— А спастись он не мог? — быстро спросил Патрик, внимательно наблюдая за выражением лица собеседника.

Тот покачал головой.

— Сюда бы пришел. Или в доки. Он ведь там ночевал. Не было у него дома.

Ло протянул малайцу еще одну сигарету.

— Да хранит вас аллах, туан.

«Зря не поехал на Сентозу, — огорченно подумал Патрик, вспоминая обиженное лицо Джун. — Наверное, индус напутал».

Но день был уже потерян, и Ло решил довести дело до конца. Он отправился в доки.

В доках Патрик часа полтора потратил на поиски одного знакомого — грузчика. Тот работал здесь уже лет пятнадцать, знал всех и вся и нередко оказывался полезным инспектору. У штабелей с каучуком несколько докеров о чем-то спорили между собой. Спор был в самом разгаре и обещал затянуться надолго: никто никого не слушал, все только говорили и размахивали руками.

— Эй, Султан! — крикнул Ло.

Грузчики продолжали свои бесплодные попытки завладеть вниманием друг друга.

— Султан! — громче крикнул Патрик.

Один из докеров обернулся, широко улыбнулся скуластым лицом, отделился от компании. Спорившие даже не заметили этого.

Малайцу было лет пятьдесят, но выглядел он, как это сплошь и рядом бывает на Востоке, лет на десять моложе. У него было странное и несовременное имя: Ван Ахмад. Кто-то сказал ему, что так звали одного из правителей Малакки в прошлом веке. Польщенный таким совпадением, Ван Ахмад говорил об этом на каждом перекрестке, пока, наконец, к нему накрепко не прилипла кличка «Султан». Он не обижался и со временем так привык к прозвищу, что собственное имя стало казаться Ван Ахмаду чужим.

— Да хранит вас Аллах, туан инспектор, — сказал малаец, приближаясь к Патрику. — Как вы поживаете?

— Спасибо, Султан, хорошо. А ты?

— Аллах справедлив, — произнес Ван Ахмад, воздевая руки к небу. — Есть работа, есть здоровье. Жить можно.

— Послушай, Султан, мне нужна твоя помощь.

— Туан смеется надо мной, — ответил явно польщенный Ван Ахмад. — Туан инспектор — большой человек, Султан — маленький человек. Султан ничтожен, как рисовое зерно. Чем маленький человек может помочь большому?

— Ладно, ладно, не прикидывайся, — поморщился Ло, угощая Ван Ахмада сигаретой. — Мне нужно разыскать одного человека. Говорят, его видели здесь. Султан отвел глаза в сторону.

— Не знаю, кого разыскивает туан инспектор. Не индонезийца ли с того судна, что потонуло недавно?

— Ты видел его?!

— Нет, туан инспектор, — спокойно ответил Ван Ахмад. — Просто почему-то подумал, что вам нужен этот индонезиец.

— Врешь, что не видел! — вскричал Ло. — Откуда ты знаешь, что я разыскиваю его?

— Султан никогда не врет, — обиделся Ван Ахмад. — Султан — честный человек.

— Хорошо, хорошо, — уже мягче сказал Ло. — Выкладывай, что тебе известно.

Ван Ахмад с удовольствием поскреб бок через рубаху.

— «Тумасик» — то утонул, все знают. А индонезийца спрашивали. Султан — человек маленький, и мозги у него маленькие, как у рыбы. Но он понимает: когда люди спрашивают, знают, зачем спрашивают. Не будут просто так спрашивать человека, если он и вправду утонул.

— Кто спрашивал его?

— Приходили двое. Сначала все молча по докам бродили, высматривали. Я их сразу заметил: чужие. А что чужим в доках ходить? Если по делу, так сразу видно. А они ходили, высматривали. Потом спросили.

— У тебя?

— У Пуна. Мне любопытно стало. Я к нему подхожу позже, чего, спрашиваю, тем двоим нужно было? А он отвечает, индонезийца какого-то ищут, вроде бы с «Тумасика». Сказали, что из полиции. Ну, я и смекнул: полиция-то знает, что «Тумасик» потонул, чего ей Сунгая искать? Нет, думаю, вы не из полиции...

— Давно приходили?

— С неделю. И позавчера я их видел. Потому и понял, что, может, туан инспектор Сунгая разыскивает. Тут что-то не так...

— Ты сам-то знал этого индонезийца?

— Сунгая-то? Немного. Ночевал он здесь иногда. А бывало, и подрабатывал. За пятнадцать-то лет кого только не узнаешь!

— Что он из себя представляет?

— Тихий такой. Слова не вытянешь. Забитый вроде. Бездетный он был. Вот и ночевал здесь. Ни дома, ни семьи...

— Говорят, пил?

Малаец присвистнул.

— Ой-ой, туан инспектор, бывало, так налижется — думаешь: поднеси ему спичку ко рту — взорвется! Счастье его, что веры не нашей. Уж Магомет покарал бы...

И непьющий, как истинные мусульмане, Ван Ахмад зажмурился так испуганно, словно Аллах уже карал Сунгая за пьянство, а он, Ван Ахмад, случайно оказался рядом.

— А с «Тумасика» его не увольняли? — спросил Ло.

— Чего не знаю, говорить не буду. Султан всегда правду...

— И где найти его, тоже не знаешь? — перебил Ван Ахмада Патрик.

— Аллах свидетель, туан инспектор! Разве Султан когда-нибудь вас обманывал? Султан — честный человек.

— А если поискать?

Ван Ахмад прищелкнул языком.

— Доки-то большие. Он то в одном месте ночевал, то в другом. А сейчас, небось, сидит тихо, как мышка. Знает, что его ищут... А где сидит — одному Аллаху известно. Поискать — почему же не поискать? Да работать кто будет? Хозяин просто так платить не станет. Жену кормить надо. Детей кормить надо...

Ло вытащил из кармана двадцать долларов. Ван Ахмад с жадностью уставился на деньги. За такую сумму ему пришлось бы несколько дней таскать мешки.

— Походи, понюхай, — сказал Патрик. — Чуть что — звони. Телефон знаешь. Найдешь — получишь еще.

Султан двумя руками взял деньги и начал кланяться.

— Я всегда говорил: туан инспектор — добрый человек, — забормотал он. — Султан — маленький человек, но он всегда готов помочь туану инспектору. Почему не помочь хорошему человеку? Аллах вас вознаградит, туан!

— Все, — сказал Патрик. — И не забудь сразу же позвонить. Понял?

— Как можно забыть, туан инспектор. Султан всегда все помнит. Туан инспектор — хороший человек, значит. Султан всегда готов помочь туану инспектору.

Малаец попятился, скороговоркой бормоча слова благодарности, Ло повернулся и медленно пошел к выходу.

3

Аланг появился в офисе только во второй половине дня.

— Ну как вчера были сатэ на Сентозе? — поинтересовался он, заглянув в кабинет к инспектору.

— Вероятно, как всегда, прекрасные, — не поддерживав шутливого тона шефа, ответил Патрик.

— О, я вижу, вы чем-то озабочены. Уж не Джун ли — причина вашего плохого настроения? Эта девица с норовом. Не удивлюсь, если она чем-нибудь вас обидела, — продолжал шутить Аланг.

— Не успела. Я задержался в доках и не попал на Сентозу.

Стоявший до сих пор в дверях Аланг прошел в кабинет, сел в кресло и приготовился слушать. Инспектор рассказал ему о своей встрече с индусом, о разговорах с малайцем в порту и ван Ахмадом в доках. Глава «Си-Ай-Ю» начал молча пощипывать нижнюю губу.

— Сейчас главное — найти индонезийца раньше, чем они, — закончил свой короткий рассказ Ло.

— Справедливо замечено. — Аланг оперся подбородком на руки. — И вы полагаете, что, сидя здесь, сможете опередить их?

— Теон, прочесывать доки бесполезно. Если «Анг Сун Тонг» ищет Сунгая уже неделю и не может найти...

— Ну, против такого аргумента мне нечего возразить, — развел руками Аланг и снова подложил их под свой узкий подбородок.

— Серьезно, Теон. Ван Ахмад справится с этим делом лучше, чем два десятка полицейских.

— Что ж, дай бог. Но ведь звонка «его высочества» можно ждать очень долго. Не упустим ли мы время? Раз «Анг Сун Тонг» тоже ищет механика, мы рискуем оказаться на втором месте.

— Давайте подождем один день.

— Давайте, — согласился Аланг.

Султан позвонил к концу дня. В трубке раздался хриловатый голос:

— Туан инспектор, это я, Ван Ахмад.

Малаец, очевидно, испытывал глубокое уважение к сложным для своего восприятия явлениям и предметам. А поскольку телефон в его глазах явно выглядел таковым, Ван Ахмад счел неуместным произносить в трубку свою кличку.

— Туан инспектор, приезжайте скорей. Я его разыскал.

— Сейчас буду, — ответил Ло. — Жди меня там, где мы разговаривали вчера.

— Хорошо, туан инспектор, я буду ждать.

Ло положил трубку, взял со стола сигареты и вышел из кабинета. По пути он заскочил к Алангу.

— Теон, звонил Султан. Кажется, он нашел индонезийца. Я еду в доки. А оттуда прямо в Четтиар — расколоть кокосовый орех для старшего сына Шивы! И вообще я начинаю питать уважение к Субраманье.

— Сначала зацепите вашего механика, — не отрываясь от бумаг, произнес Аланг. Кончив писать, он поднял голову: — Может быть, вам взять одного-двух человек с собой? Мало ли что...

— Не стоит, Теон, — отказался Ло. — Зачем привлекать лишнее внимание?

— Ну, ладно, желаю удачи.

Инспектор молча кивнул и помчался вниз. Машина уже стояла у подъезда.

Через пятнадцать минут Ло был в доках. Ван Ахмад сидел на корточках в условленном месте. Увидев инспектора, он поднялся и засеменил навстречу.

— Я знаю, где он, — залопотал малаец вполголоса, хотя кругом никого не было. — Как только вы ушли, я сразу пошел искать его. Вчера весь день ходил, сегодня с утра — не могу найти, и все тут. Аллах его знает, думаю, где он прячется... А к обеду пошел на старые склады. Там всегда пусто. Редко люди заходят...

— Пошли, — перебил его Патрик.

— Сюда, туан инспектор, — Ван Ахмад показал в узкий проход между штабелями каучука.

— Ну вот, — продолжал он, обгоняя Ло, — пошел я к складам — там пустых ящиков мно-ого валяется. Дай, думаю, посмотрю. Иду потихоньку и вдруг слышу, кто-то тихо так зовет: «Сунгай, Сунгай». Ну, он отозвался. А потом они на своем языке заговорили. Я чуть-чуть по-ихнему разбираю — моряки научили. Но все равно трудно разобрать было. Понял только, вроде бы про пароход говорили. Уж это-то слово я хорошо знаю, сколько раз слышал. И цифру разобрал: семь. Они чего-то еще болтали. Только я слушать не стал, сразу побежал вам звонить. А эти-то, что Сунгая ищут, чего им нужно от него, а, туан инспектор?

Ло не ответил. «Значит, Сунгай собирается бежать на каком-то судне, — подумал он. — Вовремя его Султан разыскал. Судя по всему, механик кое-что знает...»

— Далеко еще? — спросил он малайца.

— Немного осталось, туан инспектор, — ответил тот. — Вон за теми ящиками...

На порт медленно напоззали сумерки, и кое-где уже вспыхивали дрожание синеватые огни неоновых фонарей.

— Здесь, — остановившись, прошептал Ван Ахмад. Кивком головы он указал в сторону двух разбитых ржавых грузовиков. Ло подошел к одному из них, заглянул в кабину. Внутри было пусто.

— Нет, нет, туан инспектор. За грузовиками, между ящиками. Оттуда он с ним говорил.

Патрик обогнул машины. Там тоже никого не было. Он обернулся и вопросительно посмотрел на Ван Ахмада. Тот подошел и стал удивленно озираться.

— Клянусь Аллахом, на этом самом месте они разговаривали, — забубнил он. — Может, ушел куда? Или в другое место спрятался? Час назад здесь был. Кля...

Султан осекся и начал жалобно подвывать.

— Ты чего? — удивился Ло.

— А-ы-а, — продолжал тупо мычать Ван Ахмад, указывая пальцем через плечо инспектора.

Лицо его искривилось, нижняя губа отвисла, зрачкам сделалось тесно в узких глазах. Ван Ахмад стал медленно приседать, не опуская вытянутой вперед руки.

Ло резко повернулся назад. Перед ним стоял ящик метра в два высотой, забитый со всех сторон. Только одна широкая доска была отодвинута влево. Вероятно, то, что находилось в ящике, давно уже вытащили через эту дыру.

В глубине, у задней стенки, сидел человек, весь залитый кровью. Волос на голове у него не было — его оскальпировали. Патрика передернуло от ужасного зрелища.

«Опоздал», — мелькнуло в голове.

Он посмотрел на Ван Ахмада. Тот весь трясся, зубы его стучали.

— Иди взгляни поближе, — приказал Ло, — это он?

Собственно говоря, не могло быть никакого сомнения в том, что в ящике находится тело механика с «Тумасика». Инспектором просто руководила профессиональная привычка.

Султан испуганно замотал головой.

— Я н-не м-могу, ту-ан инсп-пектор. Я боюсь.

— Ну! — прикрикнул Патрик.

Ван Ахмад поднялся с земли, подошел к ящику, заглянул в него и тут же отпрянул в сторону.

Потом сел на корточки и закрыл лицо руками.

— Он?

Голова Ван Ахмада несколько раз качнулась.

— Та-татуировка... У Сунгая бы-была такая, — выдавил из себя малаец с каким-то прихлебом.

«Опоздал! — снова подумал Ло. — Единственного свидетеля убрали. Теперь все. Что ж, сам виноват. Не нужно было надеяться только на Султана. Оставил бы одного-двух человек в порту, все могло быть иначе».

Он подошел к Ван Ахмаду.

— Иди и нигде ничего не болтай. Я сам вызову полицию. Понадобисься — разыщу. Деньги, что я обещал, получишь.

Малаец словно ждал этих слов. Он вскочил на ноги и, бессвязно причитая, бросился прочь, даже не спросив, когда и где он сможет получить причитающиеся ему деньги.

Вдалеке забасил гудок уходящего из порта парохода. Сначала отрывисто, потом протяжно. «Пароход... семь...» — вспомнил Патрик слава Ван Ахмада. Он посмотрел на часы. Было две минуты восьмого. Ло ринулся в проход между ящиками. Инспектор был хорошо тренирован и бежал легко. Минут-через пять он был уже около своей машины.

— Гони в порт, — отрывисто приказал он шоферу, падая на переднее сиденье. — Въезжай прямо на территорию. У ворот не останавливайся, потом все объясним. Административное здание знаешь? Желтое, у четвертого причала?

Водитель кивнул. «Мазда» разогналась и, не снижая скорости, проскочила мимо охранявшего ворота в порт полицейского. Пронзительно заверещал свисток. Машина заскрежетала тормозами у административного здания, и Патрик пулей бросился туда.

— Кто отходит? — спросил он, ворвавшись в помещение пограничной службы.

— Индонезиец, — удивленно ответил офицер с зелеными погонами капитана. — А вы кто?

Ло предъявил удостоверение.

— Мне нужно срочно попасть на судно.

— К сожалению, ничем не могу помочь. Все формальности уже закончены. Катер с пограничниками и таможенниками возвратился. Я не имею права задерживать судно.

— Мне нужно на судно! — упрямо повторил Ло. — Я все беру на себя. Дайте мне катер.

Офицер пожал плечами.

— Попробую. Но индонезиец может заявить протест. Кто заплатит за задержку судна?

— Я буду там не больше получаса. Из-за этого никто не станет устраивать скандала.

— Вы не знаете этих людей. Они за каждую лишнюю минуту требуют деньги.

— Я уже сказал, что все беру на себя!

Офицер вышел из-за стола.

— Пойдемте.

У причала стоял небольшой катер. Рядом разговаривали два пограничника и таможенник.

— Возвращайтесь на судно, — сказал офицер, подойдя к ним. — Этот господин поедет с вами. Он из «Си-Ай-Ю».

— Капитан, мы не имеем права... — начал один из пограничников.

— За все последствия будет отвечать он, — перебил его офицер, кивнув головой в сторону Патрика. — К тому же индонезиец еще не покинул акваторию порта.

— Знаем мы эту ответственность, — проворчал другой пограничник. — Он пришел и ушел, а расхлебывать все равно придется нам.

Пограничник шагнул к краю причала и, не глядя на инспектора, буркнул:

— Садитесь.

Ло легко соскочил вниз. Затарахтел мотор. Катер отвалил от причала и стал быстро набирать скорость, оставляя позади белые дорожки бурунов. Когда они подошли к индонезийцу метров на пятьдесят, матрос просигналил на судно: «Неотложное дело. Вынужден еще раз подняться на борт». На обшарпанном сухогрузе замелькали флажки.

«Вы задерживаете судно. Я заявляю протест», — перевел матрос.

Катер подошел к левому борту. Сверху сбросили трап. Один из пограничников взялся за него, натянул. Ло стал карабкаться вверх. Несмотря на свою природную ловкость, Патрик поднимался с трудом. Трап все время уходил из-под ног вперед. Над головой инспектора зазвучали смешки. Чертыхаясь, Ло перелез через перила и увидел недовольное лицо капитана.

— Что случается? — с далеко не оксфордским произношением спросил тот по-английски.

Ло, подбирая самые простые слова, начал втолковывать капитану, кто он и зачем поднялся на борт.

— Преступники есть на мой корабль? — расхохотался капитан и вынул трубку изо рта.

Потом он вставил трубку обратно и вместе с дымом зло выдохнул:

— Чушь!

— Нет, капитан, — миролюбиво сказал Патрик, — на вашем судне нет преступников. Но я надеюсь, что кто-то из ваших людей поможет мне найти их. Преступники остались там, на берегу... Понимаете?

Капитан переварил сказанное Патриком, потом визгливо закричал:

— Я нет время! Вы брать мое время! Почему я вам помогать ловить ваш преступник?! Я писать протест! Мой торговый судно! Мой человек не пойти на берег!

— Послушайте, капитан, — начал уговаривать его инспектор. — Мы ведем борьбу против «триад». Вы же знаете о них. «Триады» мешают судоходству, торговле. Мешают таким честным морякам, как вы. Мы действуем и в ваших интересах. Мне не нужно, чтобы ваши люди сходили на берег. Мы поговорим здесь, и это займет не больше пятнадцати минут...

Ло говорил медленно, повторяя каждую фразу. Лицо индонезийца несколько смягчилось.

— О, «триада», — презрительно проговорил он. — Да, да, я знаю. — Затем с отвращением добавил: — Паршивый собаки. Они ограбить мой судно прошлый год.

— О'кей. Я помогать вам. Если это не брать много время. Что вы хотите спросить мой люди?

— Благодарю вас, капитан, — улыбнулся Ло, — это не займет много времени, уверяю вас... Кто-то из ваших людей намеревался взять на судно своего земляка.

— Что есть «земляк»?

— Ну, соотечественник, тоже индонезиец.

— Это есть преступник?! — закричал капитан, побагровев. — Кто позволять брать преступник на борт?! Кто осмелиться?! Я вышвыривать его с судна!

Инспектору с трудом удалось успокоить рассвирепевшего капитана.

— Он не преступник, — сказал Патрик. — Наоборот, ваши люди хотели спасти его от убийц. К сожалению, это не удалось. Его уже нет в живых.

— Тогда... я ничего не понимал. Что вы хотел? — удивленно спросил индонезиец.

— Я думаю, что тот парень — убитый, понимаете? — мог что-нибудь рассказать вашим людям о преступниках.

— О'кей. Вы знаете, кто мой человек?

— Нет, — ответил Ло, — но я думаю, если спросить, он не будет скрывать, что хотел помочь.

Патрик поймал себя на мысли, что начал говорить так же безграмотно, как капитан, подсознательно рассчитывая, что индонезиец лучше поймет его.

— Если вы, конечно, не пообещаете списать его с судна посреди Яванского моря, — добавил Ло, усмехнувшись.

— О'кей, — произнес капитан, не поняв шутки.

Он что-то сказал по-индонезийски стоявшему рядом с ним человеку, вероятно, одному из помощников, затем повернулся к инспектору:

— Мы идем моя каюта. Есть холодное пиво. Мы будем знать десять минут.

Индонезиец уже не казался Патрику таким свирепым, как вначале. Угощая инспектора пивом, он рассказывал какую-то историю и при этом после каждой фразы добродушно гоготал. Ло с удовольствием посмеялся бы вместе с хозяином, если бы понимал, что тот говорит. Но Патрик особенно не вслушивался в бессодержательную болтовню капитана, сосредоточенно думая, даст ли что-нибудь его визит на судно.

Вскоре в каюте появился парень лет двадцати пяти в выцветшей матросской робе. Он остановился у входа и испуганно уставился на капитана. Тот прострекотал несколько слов на своем языке, и матрос перевел взгляд на инспектора.

— Он понимает по-английски? — осведомился Ло у капитана.

Хозяин каюты презрительно оттопырил нижнюю губу и протяжно фыркнул.

— Хорошо, — слегка улыбнулся Патрик, — тогда спросите у него, пожалуйста, как зовут человека, которого он хотел взять на судно.

Капитан перевел.

— Сунгай, — тихо ответил матрос, шепелявя и преданно глядя на инспектора.

Он, очевидно, понял, что если бы не присутствие в каюте незнакомца, не миновать бы ему хорошей взбучки.

— Ты давно его знаешь? — спросил Ло, глядя на матроса, Парень выслушал перевод и отрицательно помотал головой. Потом он быстро-быстро затараторил. Минут через пять он закончил свой монолог, ежесекундно прерывавшийся репликами капитана. Судя по выражению лица последнего, тот с трудом ухватывал нить нехитрого повествования, очевидно, в силу сомнительных способностей своего подчиненного к связной речи. Затем капитан попытался изложить суть услышанного, а точнее, понятого, Патрику. Теперь настала очередь инспектора напрячь свое внимание.

То, что произошло на «Тумасике», было настолько неожиданным и невероятным, что Ло поначалу усомнился: не ошибся ли матрос, не напутал ли чего-нибудь? Ло попросил капитана еще раз уточнить, правильно ли понял матрос Сунгай. Парень в робе так убедительно закивал головой, что-то при этом лопоча, что Патрику не понадобилось перевода.

Он поднялся и, поблагодарив капитана, вышел из каюты,

4

«Боинг-707» сверлил серую толщу облаков, набирая высоту. Патрик откинул спинку своего кресла и сидел с закрытыми глазами, ожидая, когда кончится подъем. Он не любил летать, потому что не выносил специфического запаха в самолетных салонах. Этот запах въедался в одежду, в чемоданы и преследовал Патрика еще день-два после перелета.

Наконец, самолет выбрался из серого облачного плена в лазурную пустоту, и еще минут через десять световые табло над дверями и иллюминаторами погасли. Ло тут же схватился за сигареты: этот двадцатиминутный перерыв в курении действовал на него угнетающе.

С удовольствием затянувшись, инспектор начал задумчиво крутить пачку в руках и неожиданно вспомнил, что такими же сигаретами были усыплены полицейские на Блаканг-Мати. Глядя на вишневую картонную коробку «Данхилла», Патрик думал о том, какой трудной была для него прошедшая неделя.

Даже выдавший виды Аланг был поражен, когда Патрик рассказал ему, что он узнал на индонезийском судне. По словам матроса, Сунгай смертельно боялся кого-то и прятался в доках. Случайно увидев своего соотечественника, он попросил помочь ему уехать из Сингапура как можно быстрее. Они встречались несколько раз, и механик рассказал своему новому

знакомому, что произошло на «Тумасике»...

...Когда к судну подошли моторные сампаны пиратов, Сунгай не особенно испугался, потому что брать у него было нечего. К тому же он знал, что пираты обычно грабят пассажиров и сматываются. Но на всякий случай он спрятался на корме под брезентом. А потом механик услышал такое, что у него онемели руки. У брезента остановились двое. Один из них тихим голосом приказал утопить всех, но так, чтобы не осталось никаких следов насилия, а судно пустить на рифы, предварительно дав сигнал бедствия. На счастье Сунгая, уже стемнело, и, как только те двое отошли, он перемахнул через борт и бесшумно скользнул в море. Примерно час спустя его подобрала рыбацкая шхуна. Добравшись до Сингапура, Сунгай собрался пойти в полицию, но в доках встретил одного из тех, кто нападал на «Тумасик». Оказывается, тот работал в береговой полиции. Теперь уже и речи не могло быть о том, чтобы заявлять о нападении. Насмерть перепуганный механик спрятался в доках, где отсиживался дней десять. Потом он встретил своего соотечественника и решил уехать в Индонезию. Но не успел...

Как дальше действовать в сложившейся ситуации, Ло не знал. Не знал этого и Аланг. Обе загадки — подмена трупа на Блаканг-Мати и инсценировка кораблекрушения — имели полную перспективу отправиться в архив неразгаданными.

Единственное, что смогли подметить Аланг и Ло, — схожесть ситуаций на Блаканг-Мати и «Тумасике». В обоих случаях могущественная и обычно действовавшая нагло «Анг Сун Тонг» проявила несвойственную ей сверхосторожность.

На следующий день после того, как инспектору стало известно об имитации катастрофы, он вызвал Белого Бумажного Веера на допрос. Тот, как всегда, держался вызывающе. Но когда Патрик завел разговор о «Тумасике», тень сильного беспокойства промелькнула в глазах Белого Бумажного Веера. Правда, он моментально взял себя в руки, но от инспектора не ускользнула первоначальная реакция гангстера. В течение нескольких дней после этого инспектор наблюдал за его поведением в камере: Белый Бумажный Веер продолжал нервничать.

Зная, что он прекрасно владеет своими эмоциями, Ло понял: есть в стене тайны «Тумасика» какая-то потайная незапертая дверь, в которую можно войти. «Анг Сун Тонг», очевидно, не сумела ее закрыть, но и не охраняла, рассчитывая, что «Си-Ай-Ю» не набредет на нее.

Патрик занялся поисками этой потайной двери. Целыми днями он ходил бледный, невыспавшийся и злой. Он перестал встречаться с Джун, и воскресная размолвка между ними превратилась в серьезную ссору.

Инспектор перелопатил палку с документами по расследованию причин «кораблекрушения» «Тумасика», несколько раз разговаривал с водолазами, собрал в районных полицейских участках сведения о команде и пассажирах «Тумасика». Он поставил перед собой единственную цель: найти любую, пусть даже мелкую, но подозрительную деталь, любой незначительный, но странный факт. Однако все было напрасно.

К концу недели Ло пришел к Алангу.

— Теон, я хочу съездить в Бангкок, — сказал он.

— Зачем? — полюбопытствовал Аланг.

— Попытаться проследить путь «Тумасика» с самого начала. Поговорить с таможенниками, пограничниками. Со всеми, кто имел дело с «Тумасиком» во время его стоянки там.

— А почему вы предполагаете, что в Бангкоке сможете получить какую-то информацию?

— Я не уверен в этом. Но посудите сами: здесь мне не за что уцепиться. А если с «Тумасиком» они сработали чисто, почему нервничает Белый Бумажный Веер?

— Логично, — согласился Аланг, — попробуйте. Когда вы намерены вылететь в Бангкок?

— Завтра.

— Что ж, желаю успеха.

Ло дал телеграмму своему знакомому из криминальной полиции Таиланда инспектору Накону. Они знали друг друга давно: несколько раз им приходилось вместе заниматься контрабандистами, которые переправляли опиум из Золотого треугольника [11] через Таиланд и Сингапур на Запад.

Утром перед отлетом Патрик позвонил Джун. Но разговора не получилось. Джун сухо ответила, что не сможет проводить его на аэродром: у нее тоже «обстоятельства». Она явно не могла простить Патрику то, что он не поехал с ней на Сентозу.

...Размышляя, Ло не заметил, как прошли полтора часа полета. Когда самолет замер на взлетно-посадочной полосе, инспектор сразу же увидел Накона. Тот стоял в белом сафари, небрежно облокотясь на дверцу желтого «воксхолла», и Ло невольно залюбовался приятным сочетанием тонов.

— Обойдемся без формальностей, — сказал Након, широко улыбаясь и пожимая руку Патрику. — Надеюсь, ты не везешь с собой наркотиков?

вернуться

11

Район между Таиландом, Лаосом и Бирмой, где местные жители выращивают опиумный мак.

— Я знал, куда еду, — ответил Ло, — ведь вы наверняка не ощущаете в них недостатка.

— Насчет этого будь спокоен. После революции в Лаосе из Золотого треугольника остался один путь. И теперь забот у нас прибавилось вдвое. Говоря откровенно, я им немного завидую. По ту сторону Меконга борьба с контрабандой налажена гораздо лучше. Ну, давай паспорт. Пока мы освежимся пивом, его проштампуют.

Након взял паспорт инспектора и протянул его пограничнику, стоявшему у трапа.

— Мы будем в баре, — сказал он.

— Хорошо, — кивнул тот, — через пятнадцать минут все будет сделано.

Након усадил Патрика в машину и сам сел за руль.

— Я вижу, ты тут свой человек.

— Приходится часто бывать на аэродроме. Я же говорил, что работы у нас прибавилось.

Особенно много хлопот с американскими военнослужащими. Уезжая в Штаты, они не могут не поддаваться искушению заработать на перевозке наркотиков. Месяца четыре назад у одного летчика-офицера мы нашли пятьдесят килограммов героина.

— Ого! И как же он собирался его провезти!

— В мебели, которую вывозил отсюда. Всего на двадцать один миллион долларов! Как тебе это нравится? А недавно, когда проверяли багаж другого американца, таможенники обратили внимание, что сувенирный деревянный слон, лежавший у него в чемодане, слишком тяжел. Выяснилось, что он тяжелее обычного сувенира ровно на два килограмма марихуаны.

— Такты что, занимаешься сейчас исключительно контрабандой наркотиков? — спросил Ло.

— Нет, этим занимается наша «триада», — смеясь, ответил Након. — А я выступаю в качестве оппонента.

— Ну и как, успешно?

— А у тебя? — ответил вопросом на вопрос Након, останавливая машину у служебного входа.

Ло вздохнул и махнул рукой.

— Тогда чего же ты спрашиваешь у меня? У вас-то все государство — один островок. А здесь ищи их по всем городам.

Они поднялись в бар.

— Какое пиво ты предпочитаешь?

— Мне всё равно, — сказал Патрик.

— Два «Туборга», — бросил Након бармену.

Тот засуетился у холодильника.

— Что привело тебя в Бангкок? — поинтересовался Након у Патрика, когда они сели на диван у низкого квадратного столика.

— Хочу ухватиться за веревочку, которая вывела бы меня к «моей» «триаде», — ответил Патрик.

— Вот как? Любопытно.

Ло засмеялся.

Бармен принес две запотевшие железные банки и два высоких стакана. Поставив стаканы на столик, он рванул одно за другим маленькие кольца на крышках банок. Раздались два сухих щелчка, и над появившимися дырками поплыл легкий дымок.

— Почему ты смеешься? — спросил Након, отхлебывая холодное пиво.

— Это любимые слова моего шефа.

— Но это действительно любопытно. С чего ты собираешься начать?

— С порта.

Патрик в нескольких словах рассказал про «Тумасик», про последний допрос Белого Бумажного веера, про свои безуспешные месячные поиски.

— Занятная история, — согласился Након. — И ты думаешь, что здесь удастся за что-то ухватиться?

— Не знаю, — откровенно сознался Ло. Након сочувственно покачал головой.

— Скажи, Патрик, а как там дела с Блаканг-Мати? Наши газеты столько писали об этом могильнике. Удалось выяснить, чьих это рук дело?

— «Анг Сун Тонг».

— Я так и думал... Ты знаешь, порой мне кажется, что мы занимаемся бессмысленным делом: пытаемся вычерпать воду из колодца. А ее не убавляется, сколько ни старайся.

— Откуда такой пессимизм, Након? — улыбнулся Патрик.

— Это не пессимизм. Это трезвый взгляд на вещи. Сколько времени существуют тайные общества? Сколько времени против них ведется борьба? А результат? Ноль.

— Ты неправ, Након. Посчитай, сколько гангстеров ты посадил за решетку за время твоей работы в криминальной полиции...

— Гангстеров, говоришь? — Након скривил губы. — А я уже не знаю, кто хуже. Профессиональные убийцы или те сосунки, которые осенью устраивали погромы по всему городу?

— Ты имеешь в виду то, что происходило у вас после переворота? — уточнил Патрик.

— Да. Не знаю, как в других городах, но в Бангкоке творилось что-то дикое. Несчастных студентов вешали, сжигали, линчевали. На моих глазах буквально растерзали какого-то молодого парня, а останки таскали по улицам. Потом повесили на дереве и стали бить по голове стулом — первым, что подвернулось под руку. Я много повидал за свою жизнь, но такого... — Након покачал головой. — Я далек от того, чтобы сочувствовать левым. Но нельзя так звереть... Вот и посуди сам: можно ли успешно бороться с «триадами», если насилие не только не возбраняется, но, наоборот...

— Тебя не пугают твои взгляды? — осведомился Ло.

Након дернул щекой.

— Ты первый, с кем я так откровенен. Своим коллегам я, разумеется, не рискнул бы говорить такие вещи. Не те у нас теперь времена.

— И все же мы приносим какую-то пользу, — снова вернулся к началу разговора Патрик.

— Конечно, — вяло согласился Након, — если бы не мы, было бы еще хуже. Но в целом проблему...

— Э-э, — засмеялся Ло, — пусть об этом думает правительство. У меня своих забот хватает.

В бар вошел пограничник и, поискав глазами Накона, приблизился к столику.

— Все в порядке, инспектор.

Након поблагодарил его, расплатился с барменом и вместе с Патриком вышел на улицу.

— Ты не обращай внимания на мои слова, — сказал он, поворачивая ключ зажигания. — Просто я устал в последнее время: работы много.

— Я понимаю, — отозвался Ло.

— Долго собираешься пробыть в Бангкоке? — поинтересовался Након.

— Все будет зависеть от того, как скоро я выясню, что мне здесь нечего делать.

— Вот видишь, ты тоже трезво смотришь на вещи. Только не хочешь в этом себе признаться.

— Куда ты меня устроишь?

— В «Ферст». Не возражаешь? Там есть бассейн и кафетерий с русским названием «Собрание».

— Что это означает?

— Что-то вроде конференции или ассамблеи в небольших масштабах. Там продаются сигареты с таким же названием. По вечерам ты тоже будешь занят?

Патрик пожал плечами.

— Во всяком случае, сегодня ты ужинаешь у меня. Я думаю, что до вечера ты не успеешь выйти на «триаду».

— Договорились.

— Ну, а остальные вечера — как хочешь. Сам знаешь: развлечений здесь больше чем достаточно. В отличие от Сингапура у нас более свободные нравы.

— Я не любитель развлечений.

— В таком случае я предложу тебе самое невинное из них: отвезу на «Тимлэнд».

— А это что такое?

— Таиланд в миниатюре. За каких-нибудь пару часов увидишь тайский бокс, слонов на работе, бой петухов, кормление змей и классические танцы. Хочешь?

— Не очень.

— Ну, как знаешь.

Машина остановилась у девятиэтажного здания цвета морской волны с белыми бетонными перемычками на фасаде.

— Приехали, — сказал Након.

Они вошли в холл отеля. Ло заполнил карточку, обменял доллары на баты. Потом он взял ключ

от номера, и они с Наконем направились в «Собрание» выпить по чашечке кофе.

— Я тебя сейчас покину, — сказал Након. — Сам понимаешь: дела. Ты сегодня же, естественно, отправишься в порт?

— Да.

— Минут через тридцать я пришлю тебе машину и одного из своих людей. Они будут в твоём распоряжении весь день. С моим человеком тебе будет легче. В порту не все говорят по-английски, так что он заодно будет и переводчиком. А вечером шофер привезет тебя ко мне домой. Идет?

— Спасибо, — ответил Ло.

Они допили кофе и распрощались.

5

Патрик позвонил Накону через три дня.

— Ну, как твои дела? — поинтересовался тот. — Удалось что-нибудь выяснить?

— Пока нет. Слушай, Након, у вас в управлении есть человек по имени Прадерм?

— Да. Он работает в моем отделе. А что?

— Я хотел бы его увидеть.

— Пожалуйста. Ты хочешь приехать прямо сейчас?

— Да.

— Хорошо. Я жду.

Ло вышел из отеля и сел в «воксхолл». Через пятнадцать минут он уже открывал дверь в кабинет Накона.

— Привет. Садись.

Након нажал кнопку селектора.

— Да, — послышался голос.

— Прадерм, зайди ко мне.

Не прошло и нескольких секунд, как в кабинете появился приземистый таец с коротко подстриженными волосами.

— Инспектор Ло из сингапурской «Криминал интеллидженс юнит» — младший инспектор Прадерм, — познакомил их Након.

Они обменялись приветствиями и сели. Ло перешел прямо к делу.

— Господин Прадерм, — сказал он, — у меня к вам один вопрос: в какой связи вы интересовались «Тумасиком» недели три назад?

— Прадерм, отвечай честно, — смеясь, сказал Након, — у инспектора Ло железная хватка, и он тебя все равно раскрутит. Видишь, как он быстро вышел на тебя? Говори: ты член «триады»?

— Подожди, Након, — остановил его Патрик и, обращаясь к Прадерму, пояснил: — Я занимаюсь «Тумасиком» потому, что, по нашим сведениям, кораблекрушение было имитировано. Вы, вероятно, слышали, что судно затонуло?

— Да, — кивнул Прадерм, — в газетах писали. А «Тумасиком» я интересовался вот почему. Три недели назад мне в руки попало дело об убийстве. Вы знаете, уголовная полиция всегда подсовывает нам дела, в которых не а силах разобраться сама...

— Знакомое дело, — усмехнулся Патрик.

— Убийство было действительно необычное. Но не в этом дело. Я начал разыскивать родственников убитой. И узнал, что ее дочь незадолго до того уехала в Сингапур. Она вышла замуж, а муж ее был вашим соотечественником.

— Почему был? — спросил Ло.

— Они уехали в Сингапур на «Тумасике». Это я выяснил уже в судоходной компании.

— Вот оно что, — задумчиво протянул Ло и вытащил из пачки сигарету. — Странно...

— Что именно? — поинтересовался Након.

— На судне находилась молодая женщина. Но, по данным компании, она занимала каюту одна. — Ло повернулся к Прадерму: — Это точно, что она села на «Тумасик» вместе с мужем?

— Так мне сказала сестра убитой, когда я ее разыскал.

— А почему вы сказали, что убийство было необычное? — спросил Патрик.

— Жертвой оказалась помешанная, полуслепая женщина. Это во-первых. Во-вторых, убийцы ничего не тронули в ее доме. Просто пришли, убили и исчезли. Я не смог обнаружить никаких причин убийства.

— Ну, что скажешь? — поинтересовался Након у Патрика. — Если сложить ваши информации, то есть над чем подумать. Молодые люди не афишируют свои отношения, занимая отдельные каюты, а ненормальную и незрячую мамашу ни с того ни с сего через некоторое время убивают.

— Причем она помешалась через день после отъезда дочери, — вставил Прадерм.

— Вот видишь, — сказал Након, подняв кверху указательный палец, — сколько загадочных обстоятельств. Это, кажется, то, что ты искал.

— Пока трудно сказать, то ли, — ответил Ло. — Но покопаться стоит.

— Брось изображать из себя невозмутимого детектива. Я же вижу, как у тебя загорелись глаза. Прадерм, папка с материалами по этому делу у тебя?

— Нет. Я ее уже сдал. Сейчас распоряжусь, чтобы принесли.

Он связался по селектору с отделом хранения документов.

— Говорит младший инспектор Прадерм. Мне нужны материалы расследования по делу об убийстве некой Лей Чжи. Что? Кажется, номер двести девяносто. Спасибо. Я в кабинете инспектора Накона.

Через несколько минут дверь в кабинет открылась, и на пороге появился молодой парень в форме сержанта, с папкой в руках.

— Спасибо, — сказал Прадерм, забирая у вошедшего палку.

Сержант удалился.

— Кстати, эта женщина. Лей Чжи, переехала сюда из Сингапура, — заметил Прадерм, передавая досье Патрику.

— Ну-у! — засмеялся Након. — Считай, что «триада» у тебя в руках. Чувствует мое сердце, что это убийство выведет тебя на «Анг Сун Тонг».

— Понимаешь, — ответил Ло, — там, вероятно, была какая-то крупная интрига. Иначе к чему вся эта комедия, а точнее, трагедия с имитацией кораблекрушения?

— Извините, господин Ло, — перебил Патрика Прадерм, — я зайцу минут через двадцать на тот случай, если у вас возникнут какие-то вопросы.

— Иди, иди, — с многозначительным видом произнес Након, — но учти: если Патрик раскроет это убийство, я его беру к себе, а тебя выгоню.

— Чтобы работать с вами, нужно иметь незаурядное терпение, — с притворной грустью сказал Прадерм. — Боюсь, что через день-два господин Ло сбежит и вам придется упрашивать меня вернуться. А я подумаю: стоит ли?..

С этими словами он юркнул за дверь, лишив шефа возможности парировать нанесенный удар.

Ло сел за стол и раскрыл папку. Зазвонил телефон, видимо, звонило «начальство». Вежливо пообещав сделать «все возможное». Након швырнул трубку на рычаг.

— Черт! — выругался он. — Все-таки я уйду с этой дурацкой работы!

— Почему? — рассеянно поинтересовался Ло, уже углубившийся в чтение.

— Застрелен какой-то крупный коммерсант. Из министерства звонят уже пятый раз: требуют срочно найти убийц. А то, что осенью на улицах валялись десятки трупов, абсолютно никого не волновало...

— Ты все о том же. — Патрик поднял голову и посмотрел на своего приятеля. — Не доведет это тебя до добра.

Након ничего не ответил, и Ло снова занялся материалом об убийстве Лей Чжи.

Убитой было сорок пять лет. В Таиланде перебралась из Сингапура в двадцать. Вскоре после ее приезда у нее был похищен четырехлетний сын, и его поиски ни к чему не привели. Муж Лей Чжи умер несколько лет тому назад. Последние годы она держала небольшую галантерейную лавку и жила вместе с дочерью. Года четыре назад из Индонезии в Бангкок перебралась ее сестра...

Закончив читать куцые биографические сведения о Лей Чжи, Патрик перевернул страницу. Дальше шли протоколы опроса свидетелей. По словам соседки, 30 апреля в лавку Лей Чжи около двенадцати часов дня зашли двое мужчин. Через пятнадцать минут они вышли оттуда. Соседка приняла их за обычных покупателей. Девушка, которая работала у Лей Чжи и после ее помешательства практически вела все дела, в это время куда-то уходила. Она вернулась в лавку, но через минуту выскочила с криком, что ее госпожа убита. Соседка бросилась туда и увидела Лей Чжи лежащей на полу в задней комнате. Вызвали полицию. Приехавший позже врач из уголовного управления констатировал смерть от удушения. Девушка, работавшая у Лей Чжи, ничего вразумительного по этому поводу сказать не могла. Сестра Лей Чжи — тоже. Следствие зашло в тупик, и дело передали в криминальную полицию. Здесь тоже не смогли ничего понять. Водимые мотивы убийства отсутствовали, свидетельских показаний было недостаточно. Дело пришлось закрыть.

Последней в тощей папке была подколота медицинская справка. В заключении психиатра говорилось что Лей Чжи потеряла рассудок в результате сильного нервного потрясения.

Ло закончил читать и закурил.

— Ну что? — спросил Након, оторвавшись от бумаг.

— На такой информации далеко не уедешь, — отозвался Патрик. — Нужно еще раз поговорить с сестрой Лей Чжи, попытаться выяснить, почему дочь Лей Чжи и ее новоиспеченный зять взяли билеты в разные каюты.

Он захлопнул папку и встал.

— Скажи, улица Сомдет Тяо Пхайя далеко отсюда? — Ло с трудом выговорил сложное тайское название.

— Какое это имеет значение, если ты поедешь на моей машине?

— Тоже верно.

В кабинет вошел Прадерм. Узнав, куда собирается ехать Ло, он вызвался сопровождать его.

6

— Вы давно знакомы с Наконом? — спросил Прадерм, когда они ехали в машине.

— Лет пять. Наши «триады» предоставили нам возможность довольно хорошо узнать друг друга.

— Я удивляюсь, как все детективы Юго-Восточной Азии еще не успели подружиться...

— Все еще впереди, — пообещал Ло.

— Не сомневаюсь. Эти подонки всюду считают себя хозяевами и с каждым днем становятся все наглее. А самое обидное: до них не добраться. Они готовы перегрызть глотку друг другу, но когда попадают к нам, молчат, как камни. Страх перед своими собратьями делает их немymi.

— Иногда бывает наоборот, — заметил Ло, вспомнив Ко Ина.

— Что вы имеете в виду? — не понял Прадерм.

Патрик рассказал ему о том, как он завербовал Ко Ина.

— Неплохо, — согласился тот, — но для этого нужна информация. А это как раз то, чего нам не хватает.

«Воксхолл» затормозил у китайского кафе. Ло и Прадерм вошли в широкий проем, заменяющий двери и закрывающийся на ночь железными жалюзи. Вдоль обеих стен длинного прямоугольного помещения стояло несколько складных столиков без скатертей. Немногочисленные посетители были такими же потрепанными, как и столы.

Едва Патрик со своим спутником уселись, к ним подошел мальчик лет десяти, в коротких штанишках и майке. С деловым видом он поставил на стол небольшой круглый поднос с соусами, перцем и солью, положил два замусоленных меню и застыл в ожидании заказа.

— Два пива, — бросил Прадерм по-тайски.

Мальчонка невозмутимо забрал поднос, карточки и молча направился к стойке.

— Эй, — окликнул его Прадерм, — твоя мать дома?

Мальчишка вернулся к столику и, подняв на Прадерма свои черные глаза, заморгал. Очевидно, залапанное меню было его единственным учебником тайского языка. Ло догадался, о чем спрашивает Прадерм, и повторил вопрос по-китайски. Мальчик кивнул и юркнул в заднюю комнату. Оттуда вышла полная седая женщина в черных сатиновых брюках и синей цветастой кофточке. Она увидела Прадерма, и на ее лице промелькнуло что-то похожее на улыбку.

— Что угодно господам?

— Извините, — ответил Ло, — но мы хотели бы еще раз побеседовать с вами о том печальном происшествии...

— Ее зовут Сюэ, — подсказал Прадерм по-английски.

— Да, да, пожалуйста, — ответила хозяйка кафе.

Она смущенно теребила воротник кофточки, не зная, что ей делать: то ли сесть, то ли остаться стоять.

— Посидите с нами немного, — помог ей Патрик.

Женщина пробормотала слова благодарности и опустилась на стул.

— Вы давно живете в Таиланде? — поинтересовался Ло.

— Года три. Мы переехали сюда с мужем т Индонезии.

Госпожа Сюэ явно чувствовала себя неловко, в ее голосе ощущалось напряжение. Ло решил разрядить обстановку.

— Ну и как вам здесь нравится? — спросил он с улыбкой.

— Здесь лучше. В Индонезии у нас дела шли не очень хорошо.

Она перестала нервничать, скованность постепенно начала проходить.

— А в Индонезии вы жили долго?

— О, я уехала туда, когда была еще молодая. Вышла замуж и уехала.

— Скажите, госпожа Сюэ, в каких отношениях вы были с сестрой?

Женщина наморщила лоб, не понимая вопроса.

— Ну... рассказывала ли она достаточно откровенно о своей жизни за то время, что вы не виделись?

— Мы столько времени не виделись, — грустно улыбнулась госпожа Сюэ. — Разве все расскажешь?

— Не все, может быть, какие-то эпизоды...

Она пожала плечами.

— Больше всего она говорила о Леунге. И каждый раз плакала.

— О ком?

— О своем сыне, которого украли у Лей. Она столько пережила из-за того подлеца.

Госпожа Сюэ смахнула слезу.

— А разве ваша сестра знала, кто украл у нее сына?

— Да. Она говорила, что Леунга украл тот мерзавец, который преследовал ее еще в Сингапуре.

— Вы не могли бы вспомнить поподробнее, что рассказывала об этом человеке ваша сестра...

— Лей рассказывала об этом много раз... — Госпожа Сюэ вздохнула. — Я помню почти все, что она говорила. В молодости Лей была очень красивой девушкой. И ее любви домогался один человек. Это был нехороший человек. Он занимался темными делами, состоял в какой-то шайке. У него было много денег. Он упорно ухаживал за Лей, делал ей дорогие подарки. Но она его боялась и ненавидела. Однажды — она уже и сама не помнила, при каких обстоятельствах, — Лей ответила отказом на его предложение выйти за него замуж. Он пришел в бешенство, тем более что при разговоре присутствовали его друзья. И сказал Лей, что она пожалеет об этом. Лей очень испугалась, потому что знала: он способен на все. Когда она познакомилась с каким-то коммивояжером из Бангкока, и он предложил ей выйти за него замуж, она сразу же согласилась, хотя и не любила его. Они уехали в Бангкок, и здесь у них родился сынишка — Леунг. Лей забыла о том человеке. Но он-то не забыл о своей угрозе. Однажды Леунг исчез. Тогда ему было четыре или пять лет... Полиция не смогла найти его. А через некоторое время Лей получила письмо от того бандита. Он писал, что это расплата за ее непокорность.

— А почему она не пошла в полицию с этим письмом? — спросил Патрик.

— Он написал, что если Лей обратится в полицию, он убьет ее сына. Она даже мужу ничего не сказала: боялась, что тот пойдет в полицию. Она рассказывала, что ей пришлось пережить. Это ужасно. А потом у нее родилась Сукхит, и постепенно все улеглось.

— Он больше не преследовал ее?

— Нет. Наверное, он удовлетворился своей мезтью.

Прадерм не понимал, о чем разговаривают Ло и гозпожа Сюэ, но по виду Патрика и по интонациям его голоса почувствовал, что инспектора что-то заинтересовало. Он не стал отвлекать его вопросами, а молча пил пиво, изредка поглядывая на говорящих. Посетители кафе постепенно разошлись. Новые клиенты не приходили. Госпожа. Сюэ знаком приказала сыну закрыть стальные жалюзи у входа.

— Лей не называла его имени? — поинтересовался Ло.

Госпожа Сюэ отрицательно покачала головой.

— Скажите, гозпожа Сюэ, что явилось, по-вашему, причиной помешательства Лей?

— Даже не знаю, что сказать. Ведь я не была в тот момент рядом с ней. Но мне кажется, что она потеряла рассудок, когда узнала о кораблекрушении.

— Ей кто-нибудь сказал о катастрофе или она прочитала о ней в газете?

— Не знаю. Но газет она, по-моему, не читала. Наверное, кто-то сказал.

«На медицинском заключении о ее помешательстве стоит дата 3 января, — вспомнил Патрик. — Неужели бангкокские газеты к этому времени уже опубликовали сообщение о кораблекрушении? Рановато. Даже в наших газетах первая информация появилась только второго».

Он повернулся к Прадерму.

— Вы не помните, когда ваши газеты писали о том, что «Тумасик» затонул?

— Не помню, — ответил Прадерм, — но это несложно проверить... Впрочем, стоп! — воскликнул вдруг он. — Я читал об этом на побережье. Там я провел два дня — воскресенье и понедельник... Я прочел о кораблекрушении перед возвращением в Бангкок. — Он прищурился, прикидывая даты. — Да, заметка была напечатана третьего января.

«Значит, все сходится. Кто-то прочитал газету и сказал о катастрофе Лей Чжи». — Ло пожалел, что возникшая у него догадка не подтвердилась. Но на всякий случай решил еще раз уточнить.

— В какой день случилось несчастье с вашей сестрой? — спросил он у гозпожи Сюэ.

— В воскресенье. Ее соседка только к вечеру разыскала меня и сказала, что с Лей творится что-то неладное. Когда я приехала, она бегала по дому вся растрепанная, что-то кричала, чуть не ударила меня... Потом упала на пол и заплакала...

Госпожа Сюэ тряхнула головой, словно старалась отогнать от себя мрачное воспоминание о том вечере.

Сомнений у Патрика больше не оставалось: кто-то сообщил Лей Чжи о кораблекрушении до того, как известие о нем появилось в тайских газетах. Значит, тот гангстер, который преследовал Лей Чжи в молодости, не забыл о ней. Нет, он не удовлетворился тем, что украл Леунга, как сказала гозпожа Сюэ и как, очевидно, полагала ее сестра. Все эти годы он накапливал в себе злобу против несчастной женщины, чтобы однажды извергнуть ее. Ло удивился не жестокости этого гангстера, а его невероятной, нечеловеческой способности

хранить в себе слепую ненависть столько времени. Ведь даже змея, говорят, выбрасывает яд на землю, если долго не может найти жертву, чтобы вонзить в нее свои смертоносные зубы. Зачем этому человеку нужно было ждать так долго, чтобы нанести еще один удар отвергнувшей его женщине? Почему, если он решил отнять у Лей Чжи еще и дочь, он не сделал этого раньше? Не знал о существовании Сукхит? Забыл о Лей Чжи и вспомнил о ней только сейчас? Или?.. Еще одна догадка мелькнула в голове Патрика, поразив его своей непостижимостью.

— Вы, конечно, видели мужа Сукхит? — снова обратился он к госпоже Сюэ.

— Разумеется. Очень приятный молодой человек.

— Как его звали?

— Шан. Шан Чу.

В списке пассажиров «Тумасика» такой фамилии не было.

— Вы уверены, что они вместе сели на судно?

— Конечно! Я вместе с Лей провожала их. Правда, у Шана были какие-то срочные дела перед отъездом. Он сказал, чтобы Сукхит не ждала его, а проходила все формальности и занимала каюту. Он пришел к самому отплытию. Сукхит очень волновалась. И мы тоже. Когда он примчался, запыхавшись, уже все пассажиры были на корабле. Пограничники еще ругались, что он опаздывает.

— Как он выглядел?

— Но... зачем это вам? — удивилась госпожа Сюэ. — Бедный мальчик утонул... И Сукхит... тоже...

Она не смогла сдержать слез.

— Успокойтесь, госпожа Сюэ, — мягко произнес Патрик. — Для нас это очень важно. Я потом вам все объясню...

Женщина вытерла слезы и велела своему сыну принести ей воды: Отпив несколько глотков, она тяжело вздохнула.

— Ну... такой... высокий, худощавый. Очень симпатичный. Я даже не знаю, что еще сказать. Да, на лбу, между бровями, у него был небольшой шрам. Он говорил, что в детстве он то ли рассек лоб, то ли ему делали какую-то операцию. Он и сам точно не помнил.

— А свадебных фотографий у вас не осталось?

— Нет. Снимал какой-то знакомый Шана. Они уезжали на следующий день, и этот знакомый обещал прислать фотографии.

— У него тоже был билет на «Тумасик»?

— Нет. Он проводил Шана и Сукхит, а сам собирался лететь на самолете.

— Они давно познакомились?

— Кто?

— Шан и Сукхит.

— Месяца три назад. Шан приезжал в Бангкок по каким-то делам. Но Сукхит познакомила его с нами только за несколько дней до свадьбы. Для Лей Чжи это было так неожиданно...

— Госпожа Сюэ, я слышал, что у вашей сестры было очень плохое зрение... Это правда?

— Да, последние два года она мучилась глаукомой.

— А вы знали ее мужа?

— Только по фотографиям. Как-то Лей Чжи показывала мне его снимки. Он умер незадолго до нашего приезда в Таиланд.

— Вы не могли бы показать мне его фотографии? У вас, наверное, остался семейный альбом Лей.

— Да, конечно. Я сейчас принесу.

— Ну, что? — поинтересовался Прадерм у Патрика.

— Я все объясню вам по дороге в порт, — ответил Ло. — Мне туда нужно обязательно заехать. Кажется, я ухватился за какую-то ниточку, хотя прямой связи между убийством Лей и имитацией кораблекрушения все же не улавливаю... Но могу сказать точно: убили ее неспроста и это — дело рук нашей «триады».

«А может быть. Белый Бумажный Веер все-таки сумел из тюрьмы каким-то образом предупредить своих сообщников о том, что нам известно об инсценировке кораблекрушения? — мелькнула у Патрика мысль. — И Лей Чжи убита как человек, который мог пролить свет на это загадочное происшествие?» Госпожа Сюэ вернулась к столику с ветхим, выцветшим альбомом в руках. Как и в большинстве семейных альбомов, фотографии были наклеены в нем лишь до половины. Между остальными страницами пожелтевшие от времени снимки лежали в полном беспорядке.

— Вы знаете, я сейчас вспомнила, — сказала она. — Когда я пришла к Лей в тот вечер... ну, когда она сошла с ума, на столе лежал этот альбом. Он был раскрыт, а кругом валялись фотографии — и на столе и на полу. И... какое-то письмо.

— Вы не обратили внимания, на какой странице был открыт альбом? — спросил Патрик, понимая, однако, бессмысленность своего вопроса.

— Нет. Потом я подумала, что она рассматривала фотографии Сукхит... после того, как узнала о кораблекрушении.

Госпожа Сюэ разыскала среди общей кучи фотографию мужа Лей Чжи и подала Патрику. Со снимка на инспектора смотрело одутловатое лицо пожилого человека с родинкой между бровями. Родинка была величиной с рисовое зерно.

— Более ранних фотографий нет?

— Я не знаю. Я никогда не смотрела этот альбом. Госпожа Сюэ захлопнула его и начала листать сначала.

— Это наши родители... Это я и Лей, когда мы ходили еще в школу...

Женщина задумчиво и подолгу рассматривала каждую фотографию, словно возвращалась в молодость. По ее лицу порой пробежала грустная тень воспоминаний. Ло терпеливо ждал.

— Вот, наверное, он... Такая же родинка на лбу... Как он сильно изменился в пожилом возрасте! Ничего общего! Только родинка...

— Госпожа Сюэ, посмотрите внимательно на эту фотографию. Она вам никого не напоминает?

Но женщина уже и без слов Патрика напряженно вглядывалась в снимок. Ее дрожащая рука потянулась к приоткрытому рту. Она медленно перевела недоумевающий, потерянный взгляд на Ло, на Прадерма, словно искала объяснения и поддержки. Опять опустила глаза на фотографию и вдруг закрыла лицо руками, издав kloчочущий, захлебывающийся звук.

— Брат? — тихо спросил начавший понимать, в чем дело, Прадерм.

Патрик молча кивнул.

— Нет, не может быть, — почти беззвучно шептала госпожа Сюэ, не отнимая рук от лица. — Это слишком жестоко. Это...

Она не договорила, схватила стакан с водой и стала пить большими судорожными глотками. Поставила стакан и снова закрыла лицо руками.

— О ужас! — прошептала женщина, горестно раскачивая головой. — Бедная, бедная Лей! Как мне тебя жаль! Пережить такое! Лучше бы ты этого не знала! Она повернула заплаканное лицо к Патрику.

— Но зачем, зачем ему понадобилось, чтобы Леунг женился на собственной сестре?!

— Очевидно, эта шайка занимается кражей девушек и продажей их в публичные дома, — сказал Патрик.

— Н-не понимаю, — сквозь слезы проговорила госпожа Сюэ.

— Есть банды, которые занимаются такой торговлей, — объяснил Ло. — Но поскольку нелегально перевезти человека через границу не так-то просто, банды вербуют молодых людей, или, как они называют их на своем жаргоне, «охотников». «Охотники» приезжают в какую-нибудь страну, соблазняют девушек, женятся на них и увозят якобы к себе на родину. Ну, а дальше...

Патрик сделал выразительный жест рукой.

— Какой ужас! — прошептала госпожа Сюэ, глядя на инспектора широко раскрытыми глазами. — Этот подлец погубил Леунга! Заставил его заниматься таким грязным делом! Подстроил так, чтобы брат продал родную сестру в публичный дом! Изверг!

Ло молча смотрел на несчастную женщину, испытывая чувство неловкости, словно он был виноват в случившемся.

— Нет, это лучше, что они оба погибли — и Леунг и Сукхит! — воскликнула госпожа Сюэ. — Лучше умереть, чем быть подлецом и проституткой!

«А я уже не уверен в том, что они утонули», — подумал Патрик, но промолчал.

— Вы найдете этого мерзавца?! — Госпожа Сюэ умоляюще смотрела то на Патрика, то на Прадерма. — Скажите, вы найдете его?

— Это моя работа, — угрюмо ответил Ло, — и за этим я приехал сюда из Сингапура.

Он поднялся.

— Извините за причиненное вам беспокойство, госпожа Сюэ. И спасибо за то, что вы нам помогли. Бы не могли бы отдать мне это фото?

Патрик указал на снимок мужа Лей, наклеенный на второй странице.

— Да, да, пожалуйста. Раз оно вам нужно... — Госпожа Сюэ повернулась к сыну, сидевшему за стойкой, и кратко попросила: — Принеси ножницы.

— Благодарю вас, — сказал Ло.

Он аккуратно вырезал снимок и спрятал его в карман пиджака.

По дороге в порт Патрик в подробностях пересказал своему спутнику разговор с Сюэ.

— Сейчас меня интересует фамилия человека, стоявшая в списке пассажиров «Тумасика» последней, — закончил он.

— Н-да, — только и произнес в ответ Прадерм, покачав головой.

...В порту чиновник пограничной службы долго копался в бумагах, перелистывал многочисленные списки и, наконец, изрек равнодушным тоном:

— Мистер Сенг Чэн из Сингапура.

— Вот как? Любопытно. — Незаметно для себя Ло пробормотал сакраментальную фразу Аланга.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

РИТУАЛ

1

В бангкокском аэропорту Желтого Дракона встречал расторопный и вежливый молодой человек в бордовом костюме. Он протянул руку, помогая Желтому Дракону сойти с трапа, и любезно осведомился, как прошло путешествие.

— Благодарю вас, — небрежно роняя слова, ответил Желтый Дракон, — все было прекрасно.

— Господин Тук просил передать свои извинения по поводу того, что он не мог вас встретить, — проговорил молодой человек, с поклоном принимая от Желтого Дракона его паспорт. — У него появилось неожиданное и крайне важное дело. Он весьма сожалел...

Желтый Дракон молча кивнул.

— Прощу вас. — Бордовый юноша передал паспорт выросшему за его спиной пограничнику и распахнул перед Желтым Драконом заднюю дверцу стоящего неподалеку от трапа черного

«Мерседеса». — Вам забронирован номер в отеле «Индра».

Желтый Дракон снова ничего не ответил и сел в машину. Молодой человек устроился на переднем сиденье, и «Мерседес» чинно поплыл по безупречно гладкому асфальту аэропорта.

У ворот, перекрытых шлагбаумом, машина остановилась. К ней приблизился солдат с автоматической винтовкой наперевес.

— Документы! — на плохом английском языке отрывисто потребовал он.

Молодой человек вытащил из бокового кармана голубую картонку со своей фотографией и какими-то тайскими закорючками и, не поворачивая головы, небрежно взмахнул рукой перед носом охранника. Тот вытянулся по стойке «смирно» и отдал честь. «Мерседес» двинулся дальше.

— Ничего не поделаешь, военное положение, — извиняющимся тоном произнес молодой человек, полуобернувшись к Желтому Дракону и преданно глядя ему в глаза.

При въезде в город машина снова остановилась, пропуская колонну грузовиков, до отказа забитых солдатами. Метров через пятьдесят, на перекрестке, Желтый Дракон увидел двух полицейских, которые вели какого-то человека со связанными руками, грубо толкая его в спину прикладами коротеньких автоматов.

Человек медленно волочил ноги, спотыкаясь на каждом шагу. В свете неоновых фонарей его лицо казалось мертвенно-зеленым. Эту неестественность усиливала бежавшая со лба по правой щеке кровь. Арестованный на минуту замешкался, и один из полицейских, забежав вперед, ударил его кулаком в подбородок. Человек вскрикнул и упал на тротуар. Другой полицейский начал бить его ногами. Немногочисленные прохожие старались быстрее пройти мимо полицейских.

Машина завернула за угол, и через несколько минут они подъехали к высокому помпезному отелю, в архитектуре которого неудачно сочетались мотивы в тайской интерпретации.

Молодой человек проворно выскочил из машины и помог выйти Желтому Дракону. Затем он побежал вперед, и, когда Желтый Дракон вошел в просторный холл, молодой человек уже ждал его вместе с одетым в бархатную ливрею служителем отеля.

— Господин Тук надеется видеть вас завтра в половине десятого. Вы не возражаете?

— Нет.

— Я буду ждать вас здесь четверть десятого. Желтый Дракон не ответил на почтительный поклон молодого человека и вслед за служителем двинулся к эскалатору.

В трехкомнатном номере суетился коридорный, проверяя, все ли готово к въезду клиента. Закончив это пустое занятие, он с нагловато-заискивающим видом посмотрел на Желтого Дракона, ожидая чаевых. Желтый Дракон вытащил из кармана пятидолларовую бумажку и протянул ему. Коридорный с поклоном взял деньги и осведомился, не будет ли каких приказаний. Приказаний не последовало.

На следующее утро отдохнувший и посвежевший Желтый Дракон подъезжал к старинному особняку, спрятавшемуся за высокими стенами в густой зелени смоковниц. Темно-синие створки ворот раздвинулись, пропуская машину, и мягко соединились снова. «Мерседес»

объехал вокруг клумбы с розмаринами и остановился у ступеней из шведского красного гранита. Навстречу Желтому Дракону вышел пожилой мужчина в больших роговых очках. Он был одет в голубой с золотистым орнаментом халат мандарина. Широкие рукава разлетались от быстрых движений.

— Как я рад вас видеть, дорогой Куан! — воскликнул он. — А вы совсем не изменились со времени нашей последней встречи и прекрасно выглядите.

— Здравствуйте. Тук. — Желтый Дракон пожал протянутую руку. — Я также не могу удержаться от комплимента в ваш адрес. Благодарю за любезное приглашение. Недельный отдых мне не мешает, хотя чувствую я себя вполне бодро.

— Право, Куан, мне очень приятно, что вы согласились приехать, — сказал хозяин, обнимая Желтого Дракона за талию и увлекая его к входу. — Если мне не изменяет память, мы не виделись почти четыре года?

— Да, — согласился Желтый Дракон, — последний раз вы приезжали в Сингапур года четыре назад.

— Как быстро бежит время! А мы стареем, стареем, — театрально произнес Тук.

— Ну, о вас этого не скажешь.

Они прошли в гостиную и погрузились в мягкие, просторные кресла, стоявшие вокруг низенького круглого столика из орехового дерева.

— Как поживает ваша семья? — поинтересовался Желтый Дракон.

— Прекрасно, прекрасно. — Тук залиvisto засмеялся. — Позавчера отправил дочь и супругу отдыхать на Гавайские острова...

Слуга в белой ливрее с вишневой окантовкой внес на подносе бочонок с шампанским и хрустальные бокалы. Наполнив их, он удалился.

Хозяин особняка поднялся.

— Дорогой Куан! Первый тост — за наши священные братства. За наши союзы Неба, Земли и Человека.

Они выпили и снова сели.

Тук был главой одной из самых крупных местных «триад». Вместе с «триадами» Гонконга и Макао концерн Тука долгое время держал в руках весь пиратский промысел в южных морях, охватив огромные районы от Малаккского пролива на западе до островов Гилберта и Самоа на востоке. Молодой в ту пору, но уже набравшей силы «Анг Сун Тонг» пришлось потратить немало усилий, чтобы добиться признания своих прав на морской разбой. Через некоторое время «Анг Сун Тонг» заключила с «триадами» Таиланда и Гонконга «соглашение о сотрудничестве», и довольно часто они совместно осуществляли наиболее крупные контрабандные операции с валютой, золотом, наркотиками.

— Ну, как ваши дела, дорогой Куан? Что нового?.. Я читал, что полиция наткнулась на могильник на Блаканг-Мати. Это не опасно для вас?

— Нет, — небрежно ответил Желтый Дракон, — тем более что мы не имеем к нему никакого отношения.

— Значит, существует еще какая-то солидная организация, кроме вашей?

— Вполне возможно. Зато у вас, я вижу, произошли большие изменения.

— О, да. — Тук довольно потер руки, — наконец-то у нас нашлись люди с твердым характером. Ведь последние три года мы просто катились в пропасть. Я был в ужасе. Этот эксперимент с демократией начал заходить слишком далеко. Студенты совершенно, совершенно распустились. Постоянные митинги, демонстрации. Они кричали о каких-то правах, требовали каких-то свобод. Бр-р! Дело дошло до того, что в полиции — подумайте только — в полиции! — Тук выразительно поднял обе руки и потряс ими в воздухе ста пи появляться весьма нежелательные для нас настроения. Разумеется это были единичные случаи, но тем не менее нам пришлось основательно повозиться, чтобы избавиться от слишком ретивых детективов.

— Сейчас, надеюсь, все поставлено на свои места? — заботливо осведомился Желтый Дракон.

— Можете не сомневаться! — Тук поднял ладонь. — И вообще при нынешнем режиме мы стали чувствовать себя намного спокойнее. Я всегда говорил, что «левые» во много раз опаснее нас. И я рад, что это наконец осознали здесь. Ну, хватит о политике. У нас с вами и без нее забот хватает, не правда ли?

— Вы, безусловно, правы, дорогой Тук, — с глубоким вздохом ответил Желтый Дракон и пригубил шампанское. — Проблем у нас больше чем достаточно. Взять хотя бы последнюю партию девиц на которых вы вывели моих людей. Нам с большим трудом удалось их пристроить. За них давали буквально гроши.

— Не может быть! — притворно изумился Тук. — Это был прекрасный товар. Мне бы ваши возможности и связи...

— Н-ну, не скромничайте, мой дорогой, вам грех жаловаться. А товар, если говорить честно, был второсортный. Я очень вас просил бы, милейший Тук, учесть в дальнейшем мои пожелания. Я понимаю, после того, как весь Индокитай стал «красным», вы оказались почти монопольным поставщиком. Я не возражал, когда вы подняли цены, но согласитесь, что пять тысяч долларов за девицу — это та сумма, за которую хотелось бы получить достойные образцы.

— Вы несправедливы ко мне, уважаемый Куан, — огорченно возразил Тук. — Мы ведь с вами давние друзья, и, смею вас уверить, я никогда не позволил бы себе...

— Уважаемый Тук, — Желтый Дракон смягчил тон, — не принимайте столь серьезно мои слова. Я сказал это так, между прочим. Я не таю никакой обиды и прекрасно понимаю, что вы сделали все, что было в ваших силах.

— Конечно, конечно, милейший Куан, — радостно закивал головой хозяин, — вы же знаете, как я к вам отношусь.

«Слишком хорошо знаю, — подумал Желтый Дракон, — знаю еще с тех пор, когда пришлось пулеметами доказывать тебе в Малаккском проливе, что я тоже имею право на место под солнцем. Старая, скупая жаба!» Он вспомнил историю тридцатилетней давности, когда со своими людьми напал на какое-то голландское судно. Не успели они перебить команду и перетащить к себе на борт грузы, как из сумерек вынырнула шхуна и подошла почти вплотную

к моторным сампанам Желтого Дракона. Оттуда послышались проклятия, и из рупора до Желтого Дракона донесся ультиматум: если он сейчас же не отдаст добычу и не уберется из чужой зоны «промысла», его сампаны разлетятся в щепки. Кричавшим и был Тук. Желтый Дракон решил не уступать. Между пиратами завязалась перестрелка, которая закончилась бы неизвестно чем, если бы их не спугнули малайские полицейские катера. Капитан потерпевшего судна, видимо, успел передать сигнал опасности на материк. Позже между Желтым Драконом и Туком произошло еще несколько стычек. И только потом они встретились в Куала-Лумпуре и договорились о «сотрудничестве».

— Мой дорогой Тук, — сказал Желтый Дракон после многократных заверений в том, что он не сомневается в дружеских чувствах хозяина, — я предполагаю, что после того, как у вас сменилось правительство, здесь должно появиться значительно больше американцев, чем в последние годы.

— Разумеется. Только полные идиоты вроде наших гражданских министров могли потребовать от американцев вывести войска из Таиланда, Еще немного, и нас проглотили бы «красные».

— Так вот, — продолжал Желтый Дракон, — я подумал, что американцы должны интересоваться золотом. Я знаю людей, которые перед падением Сайгона успели кое-что вывезти оттуда и готовы предложить значительное количество золота. Везти его в Европу и Америку сами они не решаются: очень далеко и опасно, — а продавать на местном рынке не хотят: слишком дешево. Я, как человек гуманный, сниму с их плеч столь непосильное бремя. По моим самым приблизительным подсчетам, вы сможете получить на этом около трехсот тысяч долларов чистой прибыли.

— Не так уж много, — с простодушной улыбкой заметил Тук.

— Вы сможете выручить больше, если сумеете его продать кому нужно.

— Все будет зависеть от вашей цены, уважаемый Куан.

— Дорогой Тук, — лицо Желтого Дракона чуть осветилось ответной улыбкой, — ведь мы старые друзья и наверняка сумеем договориться. Моя совесть не позволит мне взять с вас лишнее.

Тук снова радостно закивал головой, как бы давая понять, что абсолютно уверен в этом.

— Как только вы будете готовы принять первую партию золота, — продолжал Желтый Дракон, — вы дадите мне знать.

— Договорились, — ответил Тук и добавил: — А теперь-в сторону дела. У меня есть для вас приятный сюрприз.

— Вот как?

— Да, милейший Куан, — довольно засмеялся Тук. — Зная вашу неистовую любовь к старинным скульптурам, я хочу предложить вашему вниманию одну вещицу.

Тук позвонил в бронзовый колокольчик. В гостиную вошел слуга и молча поклонился. Тук, щелкнув пальцами, указал на стоящий в углу и закрытый материей предмет около метра высотой. Слуга снова поклонился, подошел к нему и сдернул покрывало. Взору Желтого Дракона открылась восхитительная фигура кхмерской мифической танцовщицы Апсары, выполненная из золота. Апсара грациозно изогнулась на золотой подставке в древнем ритуальном танце. Ее тонкие руки с красивыми длинными пальцами были подняты над

головой, которую украшал островерхий головной убор, инкрустированный бриллиантами, аметистами, сапфирами.

Восторженный возглас едва не сорвался с уст Желтого Дракона. Но, перехватив выжидающий цепкий взгляд хозяина особняка, он заставил себя сохранить на лице бесстрастное выражение.

— Гм, недурно.

— Недурно?! — воскликнул Тук. — По-моему, это восхитительно! Взгляните, какая работа! Эта фигура, эти изящные руки! Двенадцатый век. Эта славная негодяйка долгое время украшала один храм недалеко от Пномпеня. Я давно к ней присматривался и, когда понял, что «красные» вот-вот захватят власть в Камбодже, решил, что для них такое сокровище — непозволительная роскошь. Разве мужланы способны оценить настоящее искусство?

— И во сколько вы оцениваете эту... балерину? — небрежно поинтересовался Желтый Дракон.

— Вам, как старому другу, я могу предложить ее, скажем, за сто тысяч долларов.

— Сто тысяч? — Желтый Дракон поморщился. — Вы шутите, уважаемый Тук. В этой болванке не больше десяти килограммов золота — от силы тысяч на пятьдесят. Ну, и, конечно, работа. Шестидесят тысяч — это максимум, что я могу за нее отдать.

— Шестидесят тысяч! — обиженно вскричал Тук. — Шестидесят тысяч за такую прелесть?! Это не двадцатый век. Вы только вдумайтесь — двенадцатый век! Уникальная скульптура — второй такой вы не найдете, ручаюсь.

Тук подскочил к танцовщице и любовно погладил ее по золотой руке.

— Ну, хорошо, я согласен сбросить тысяч пять, но только ради вас. Ну как, берете?

Желтый Дракон вздохнул.

— Нет, дорогой Тук. При всем уважении к вам я не могу платить такие деньги за вещь, которая этого не стоит. Шестидесят тысяч — это хорошая цена.

— А бриллианты! — Тук ткнул пальцем в головной убор Апсары. — Вы забыли про бриллианты! Я не говорю об аметистах, сапфирах, но бриллианты... Три штуки, и каждый не меньше карата!

— Ну, хорошо. Семьдесят тысяч, и по рукам.

— Нет, — страдальчески прошептал Тук, — не могу. Девяносто тысяч, не меньше.

— Семьдесят пять.

— Восемьдесят пять.

«За восемьдесят отдаст, — подумал Желтый Дракон, но тут же одернул себя: — С какой стати я должен уступать?» — Нет, дорогой Тук, семьдесят пять тысяч — моя последняя цена.

Хозяин особняка развел руками.

— Мне очень жаль, милейший Куан, но я не могу больше сбросить ни цента. Право, я хотел доставить вам удовольствие, но... что поделаешь... Я и так шел на убыток.

Он снова позвонил в колокольчик и приказал вошедшему слуге унести фигуру Апсары. После того как слуга удалился, собеседники с холодной вежливостью обменялись несколькими ничего не значащими фразами и разошлись, договорившись встретиться на следующий день.

Недельное пребывание Желтого Дракона в Бангкоке подошло к концу. Накануне отъезда Тук пригласил его на прощальный ужин. Они сидели на маленьких скамеечках за квадратным столиком, уставленным яствами. В комнате, которую освещали лишь два шестигранных разрисованных фонарика, свисавших с потолка над самым столиком, царил приятный полумрак. Мягкий красноватый свет покоился на хрупком фарфоре двух изящных старинных ваз, создавая впечатление, что лампочки находятся внутри них, — делал бархатной шероховатую поверхность патины на бронзовой курильнице. Тук философствовал.

— Красноречие и вольнодумие порождают беспорядки, — вещал он не спеша, с наслаждением отправляя в рот дольки вываренного в бульоне ласточкиного гнезда. — Литература и музыка способствуют распушенности нравов, снисхождение — мать проступков. Если беспорядки и распушенность не пресекаются вовремя, они распространяются. Если же они распространяются широко, народ становится сильнее своих властей. А что делать, чтобы власти оказались сильнее народа? Наводить порядок еще до того, как вспыхнут беспорядки. А чтобы сохранить порядок, нужно управлять людьми не как добродетельными — именно от этого они и распушаются, а как порочными — тогда они полюбят порядок...

Тук отпил глоток подогретого рисового вина и продолжал:

— Если управлять людьми как добродетельными, они начинают излишне любить друг друга. И скрывать свои проступки. Если управлять людьми как порочными, они перестают доверять друг другу. И тогда проступки скрыть невозможно. Остается лишь жестоко карать за них. В этом случае наступает образцовый порядок. И его должно поддерживать наказаниями. Чем больший трепет вселяет кара, тем лучше для самих же людей. Они будут уважать тех, кто стоит над ними.

— Мне нравятся ваши рассуждения, Тук, — произнес Желтый Дракон. — Именно образцовый порядок способствует жизнестойкости и неуязвимости наших священных союзов.

Тук поднял бокал с рисовым вином.

— Я вас совсем замучил сентенциями древних философов, дорогой Куан. Давайте лучше выпьем на прощание. Завтра вы уедете, и бог знает, когда придется свидеться.

Поставив на столик бокал, Тук промокнул рот салфеткой.

— Да, чуть было не забыл. У меня есть к вам одна просьба.

— Я слушаю вас, Тук.

— Это просьба не столько моя, сколько моих друзей. Но все же я прошу отнестись к ней...

— К чему слова, Тук? Я сделаю для вас все, что в моих силах.

— О, в ваших силах я не сомневаюсь, — улыбнулся хозяин особняка.

Он разжег кальян, затянулся с громким бульканьем и отложил его.

— Речь идет о продаже весьма конфиденциальных документов. Точнее, об их похищении.

Бумаги вез один человек из Бангкока на небольшом суденышке под названием «Тумасик». Он купил их у секретаря одного очень влиятельного господина. Вы, конечно, знаете, что судно потерпело кораблекрушение месяца полтора назад.

«Вот почему ты в первый день поинтересовался Блаканг-Мати, — подумал Желтый Дракон, — уж не Лим ли вез документы? Странно, Красный Жезл ничего мне об этом не говорил».

Ни один мускул не дрогнул на лице Желтого Дракона. Он внимательно слушал собеседника.

— До катастрофы на судно было совершено нападение, а труп человека, у которого находились бумаги, оказался почему-то на Блаканг-Мати. Того, кто забрал бумаги, удалось разыскать. Это некто Фонг — бывший артист из Шанхая. По-видимому, сейчас он возглавляет какую-то солидную организацию, которая в будущем может стать для вас конкурентом.

— У ваших друзей неплохо поставлена информация, — заметил Желтый Дракон, — если они смогли узнать такие подробности, несмотря на катастрофу и отсутствие свидетелей.

— Случайность, — бросил Тук. — Шхуну, которая должна была напасть на «Тумасик», чтобы перехватить документы, опередил этот самый Фонг. Но люди со шхуны подобрали в море матроса с «Тумасика». Он рассказал о нападении и о том, что у одного из пиратов с языка сорвалось название какого-то отеля «Синлеон». Разыскать отель и затем выйти на этого Фонта оказалось делом нетрудным. Фонг согласился отдать документы, были оговорены все условия. Но он убил человека, который пришел за ними, распустил свой театр и исчез из поля зрения моих друзей. Я был бы вам весьма обязан, дорогой Куан, если бы вы попытались разыскать этого Фонга. У меня есть его фотография. Я понимаю, сделать это нелегко, но для моих друзей его поиски окажутся еще сложнее. И, смею вас уверить, они щедро оплатят за услугу.

«Ну что ж, Красный Жезл, — усмехнулся в душе Желтый Дракон, — эти бумаги тебе дорого обойдутся. От меня ты вряд ли уйдешь. Только нужно будет подумать, кто больше заплатит за них: друзья уважаемого Тука или кто-нибудь еще?» — Я попытаюсь, — сказал он, — хотя, как вы правильно заметили, задача не из легких.

— Попробуйте нащупать сначала организацию: ее найти проще, чем одного человека. Тем более, что это отвечает и вашим интересам.

— Да, но документов у него может уже и не быть...

— Сомневаюсь, — ответил Тук. — Это слишком ценный товар, чтобы предлагать его первому встречному.

— Да, ничего не скажешь, — покачал головой Аланг, выслушав Патрика, — шеф этого Шан Чу — садист-«гурман». Но связи между кражей Сукхит и инсценировкой кораблекрушения никакой. Чтобы умыкнуть девчонку, совсем не обязательно было имитировать катастрофу.

— Согласен, — ответил Ло. — Но нет ли связи между убийством Лей Чжи и этой инсценировкой?

— Что вы имеете в виду?

— Попытаюсь объяснить, хотя сам четко не могу пока сформулировать эту мысль. Ведь Шан Чу — это не настоящее имя «жениха» — назовем его так. Преступники сообщают Лей Чжи, кто «женится» на ее дочери, чтобы упиться мстостью. Они спокойны — полиция не сможет найти человека с фальшивыми документами. Но Шан Чу по каким-то причинам покидает Бангкок под

именем Сенг Чэна. Он задерживается и просит Сукхит занять каюту. Родственники Сукхит прощаются с ней на причале, а Шан Чу тем временем проходит формальности под новым именем. Вот этот момент, на мой взгляд, имеет отношение к имитации кораблекрушения. Какое — пока я не могу предположить. Идем дальше. Во время допроса Белого Бумажного Веера, рассчитывая загнать его в угол, я говорю ему о том, что нам известно об инсценировке катастрофы. С одной стороны, его реакция убедила нас в необходимости дальнейших поисков. С другой — он мог передать своим сообщникам на волю сигнал опасности. Кстати, нужно бы проверить охрану в тюрьме. В результате Лей Чжи убивают, потому что из разговора с ней мы могли бы выяснить, что на «Тумасик» садился Шан Чу, а не Сенг Чэн. Здесь преступники допустили ошибку: они забыли о сестре Лей Чжи — госпоже Сюэ. Таким образом, сейчас мы можем обратить пристальное внимание на личность Сенг Чэна и его окружение, что, по всей вероятности, не очень устраивает «Анг Сун Тонг»...

— Кстати, — заметил Аланг, — наши «друзья» допустили еще одну, более грубую ошибку.

— Какую?

— Им нужно было оставить в живых Лей Чжи, и вы вернулись бы из Бангкока ни с чем.

— Действительно, — усмехнулся Патрик, — перестарались. Но они, очевидно, не хотели, чтобы Лей Чжи шла в полицию и заявляла, что ее дочь украл некто Шан Чу, в то время как на «Тумасике» плыл Сенг Чэн.

— Никто не стал бы слушать сумасшедшую, — возразил Аланг, — тем более, что в Бангкоке не знают об инсценировке кораблекрушения.

— Может быть, — задумчиво согласился Патрик и добавил: — Если говорить об ошибках, то с отдельными каютами для Сукхит и Шан Чу они тоже переусердствовали. Ведь именно это сразу показалось мне странным в Бангкоке.

— Как раз здесь все нормально. Ведь Шан Чу заказал билеты на «Тумасик» для себя и своей «супруги». И вдруг в каюте с Сукхит плывет посторонний человек. Это вызвало бы удивление...

— Да, вы правы, — снова согласился Ло. — Теон, а нет ли связи между имитацией кораблекрушения и кражей трупа с Блаканг-Мати?

— Я думал об этом, — ответил шеф «Си-Ай-Ю», — тоже строил различные предположения, но не смог остановиться ни на одном варианте.

Аланг легонько хлопнул ладонью по столу.

— Ладно, — сказал он, — сегодня можете отдыхать с дороги, а завтра начинайте заниматься молодым Чэном. Да, совсем забыл. Несколько раз звонила Джун, интересовалась, когда вы приедете.

— Теон! — заорал Патрик. — Вы ужасный человек! Почему вы сразу ничего мне не сказали?

— Боялся, что не смогу потом услышать от вас ничего вразумительного, — улыбнулся тот.

Ло выскочил из кабинета шефа и помчался к себе. Он схватил телефонную трубку и начал накручивать диск, нетерпеливо возвращая его на место после каждой набранной цифры. Упрямый диск не хотел вертеться быстрее. Патрик сбился, с досадой ткнул на рычаг и начал снова. Наконец, раздались длинные гудки и в трубке послышался голос Джун.

— Джун, это я, Патрик!

Трубка молчала.

— Джун, ты слышишь меня?

— Да, — ответила она тихо.

— Я буду дома через полчаса. Ты приедешь?

Снова молчание.

— Джун, мне очень нужно, чтобы ты приехала. Понимаешь? Очень!

— Я приеду.

В коридоре Ло чуть не сшиб с ног Аланга.

— Джун вам обещала сообщить беспроектную систему игры в бридж? — любопытно спросил шеф «Си-Ай-Ю», посторонившись.

— Вы угадали, Теон! — весело крикнул Патрик на ходу и помчался вниз.

Дома он принялся наводить порядок. В шкаф полетели рубашки, которые он забыл отдать в стирку перед отъездом в Бангкок. Недопитая чашка кофе, жалобно звякнув, разлетелась на куски в мойке. Пыль с журнального столика Патрик смахнул вместе с пепельницей и, чертыхаясь, побежал на кухню за веником и совком. Вернувшись в комнату, он заодно подмел под тахту газеты и журналы.

Наконец его холостяцкая квартира приняла более или менее приличный вид. Запахнув в вазочку букет розовых лотосов и торопливо разложив на небольшом круглом подносе пирожные, купленные по дороге, Ло ринулся в ванную. Наскоро приняв душ, он поставил варить кофе и с сигаретой в зубах уселся в кресло.

Заверещал звонок. Патрик никогда не думал, что охрипший и дребезжащий звук может быть таким приятным. Он бросился в прихожую. Джун стояла на пороге, смущенно теребя свою сумочку. Патрик взял ее за руку, молча провел в комнату и усадил а кресло. Некоторое время они смотрели друг на друга, не произнося ни слова. Потом Джун спросила:

— Ну, что нового в Бангкоке? Говорят, очень красивый город...

Она произнесла это просто так, потому что нужно было что-то произнести.

— К черту Бангкок, Джун. К черту всех. Я люблю тебя.

Патрик проговорил эти слова на едином дыхании и только потом, уже сказав это, понял, что он действительно любит Джун. Он сделал для себя открытие, приятной дрожью пронизавшее тело, ощутил внезапно нахлынувшую неумемную радость, смешанную с каким-то щемящим чувством боязни. Эта девчонка с треугольными, чуть раскосыми глазами стала для Патрика словно частью его самого, и он вдруг почему-то подумал, что может потерять ее.

— Я люблю тебя.

В дрожащих ресницах Джун запутались две слезинки, похожие на капельки росы.

— Ну, что ты, Джун...

— Я... я боялась... что ты не произнесешь этих слов.

Он подошел к креслу и снял ресинки с ее ресниц. Джун взяла его руку и прижалась к ней щекой.

— И еще я очень волновалась за тебя, Патрик. Я так боялась, когда ты был в Бангкоке...

— Там не было ничего серьезного. И потом это моя работа. Такая же работа, как у... других.

— Нет. У тебя все иначе. Я, наверное, никогда не привыкну к твоей работе. Скажи, ты часто будешь забывать обо мне?

Патрик не ответил. Сказать «нет» — означало сказать неправду, а говорить «да» сегодня не хотелось. Он опустил на мягкий пушистый коврик у кресла и положил голову на колени Джун. Она молча гладила его волосы, а Патрик боялся пошелохнуться, словно все происходящее сейчас было лишь миражем и от малейшего движения он мог растаять...

Начало темнеть, и Патрик потянулся рукой к выключателю торшера. Джун остановила его:

— Не надо. Давай посидим в сумерках. Мне сейчас так хорошо. Ты просто не представляешь, как я счастливая.

— Джун, милая...

Через тонкую синтетику оранжевой кофточки он ощутил мелкую дрожь ее тела. Так дрожат птенцы, когда их гладят. Не умея защититься, не в силах убежать, не зная, как воспринимать ласку, они с трепетом вверяют себя судьбе. И эта незащищенность Джун, это доверчивое ожидание наполнили Патрика беспредельной нежностью к ней. Он поднял голову с ее колен, повернул к ней лицо. Губы Джун стали медленно приближаться к его губам...

Потом они пили кофе, не сводя глаз друг с друга.

— Патрик, мне пора идти, — сказала Джун, взглянув на часы, — уже поздно.

Ло не ответил. Он молча гладил Джун по руке.

— Ты слышишь, Патрик? Я ухожу.

Она поднялась из-за стола. Патрик взял ее за руку и нежно, но властно усадил на стул.

— Слушай меня, — тихо произнес он. — Сейчас ты позвонишь своим родителям и скажешь, что сегодня не сможешь вернуться домой. И завтра тоже.

— Ты сошел с ума! — Джун прикрыла ему рот рукой.

— Ты скажешь им, — невозмутимо продолжал Ло, отводя ее руку, — что ты решила выйти за меня замуж.

— Нет, Патрик, нет, — запротестовала Джун, — так нельзя. Я вовсе не хочу, чтобы отношения между тобой и моими родителями испортились. Нужно делать так, как все. Ты должен прийти к ним, попросить моей руки, получить их согласив...

— К черту всех! — загремел Ло. — К черту чье-либо согласие! Ты любишь меня?

— Но, Патрик...

— Ты любишь меня?!

Джун опустила глаза.

— Да, — прошептала она чуть слышно.

— И... ты останешься? — В голосе Ло зазвучали просительные нотки.

— Да, — после некоторого колебания ответила Джун, — только... я не могу вот так сразу позвонить домой... Попозже, ладно?

Патрик понимающе кивнул. И неожиданно для себя спросил:

— Джун, помнишь, ты рассказывала о своем студенческом увлечении? В тот первый вечер нашего знакомства. У Алангов. Мы ведь теперь... ничего не должны скрывать друг от друга, правда?

— Как склонны мужчины ревновать нас к прошлому! Собственные романы вас интересуют меньше. Какое значение имеет теперь это увлечение? Я люблю только тебя. Все остальное — ерунда. Сенг — хороший парень, но он совсем еще мальчик. К тому же мы перестали встречаться почти за месяц до того, как я познакомилась с тобой.

— Ты сказала Сенг?

— Да. А что? — удивилась Джун.

— А почему вы перестали с ним встречаться?

Патрик умел перестраиваться мгновенно. Он был сейчас уже не Патриком, а инспектором Ло.

— Боже мой, Патрик, — сказала со смехом Джун, — я никогда не подумала бы, что ты ревнив до такой степени. Просто он не пришел однажды на свидание, вот и все.

— Как его фамилия?

— Чэн, — машинально ответила Джун, — но...

— Прости, Джун, — перебил ее Патрик, — сейчас, конечно, не время, но ты мне должна рассказать все, что знаешь об этом парне. Это очень важно.

— Сенг и гангстеры? Какая чушь! — расхохоталась Джун и, перестав смеяться, добавила с грустью: — Значит, госпожа Аланг была права?

— В чем? — не понял Патрик.

— В том, что со своей работой вы забываете все.

— Но что я могу сделать, Джун, — Патрик ласково погладил ее по щеке, — если у меня такая работа?

- Ну, хорошо. Что ты хочешь услышать о Сенге? С ним что-нибудь случилось?
- Я как раз и хочу это выяснить. Его документами воспользовались гангстеры.
- Значит, его... — У Джун округлились глаза. — Поэтому он тогда не пришел?
- Пока я ничего не знаю. Вспомни поточнее, когда вы должны были увидеться.
- По-моему, в двадцатых числах.
- А он не собирался куда-нибудь уезжать?
- Нет. Он готовил диплом и сидел над ним целыми днями.
- И ты не пыталась узнать, почему он не пришел?
- Нет.
- Он тебе очень нравился?
- Дорогой инспектор, — засмеялась Джун, — вы, кажется, пытаетесь использовать служебное положение в личных интересах.

Патрик поцеловал ее.

- Что он из себя представлял как человек?
- Хороший, честный парень. Очень веселый... Не знаю, что еще можно сказать.
- Ты бывала у него дома? — спросил Патрик и тут же поспешно уточнил, видя, как Джун возмущенно подняла брови: — Меня интересует домашняя обстановка, родители...
- Они живут очень богато. Его отец, по-моему, какой-то бизнесмен. Такой безобидный старикашка... Даже пытался за мной ухаживать. И мать — симпатичная, приятная женщина. Она очень хотела, чтобы мы с Сенгом поженились.
- А ты?
- Что я?
- Ты хотела выйти за него замуж?
- Ты опять за свое?
- Ну хорошо. Не буду. Он тебя знакомил со своими друзьями?
- О, друзей у него было полно — в университете.
- А помимо университета?

Джун задумалась.

- Нет, не знаю.
- Скажи, а не было у него знакомого со шрамом на лбу? Вот здесь.

Патрик провел пальцем между бровями.

— Кажется... Да, да, он меня знакомил с этим человеком.

— Где?

— Не помню. Но я видела его раза три.

— А как его зовут, где он работает, не знаешь?

— Он называл себя, но я уже забыла...

Джун трянула пышными волосами и сердито сказала:

— Патрик, мне надоело.

— Последний вопрос, Джун: его возраст?

— Он немного старше Сенга. Может быть, ему лет двадцать пять.

Патрик снова поцеловал Джун, поднялся из-за стола и начал убирать посуду. Джун стала ему помогать.

— Уже поздно, — прошептал Патрик ей на ухо, когда они вытирали вилки с ножами.

— Во-первых, только девять часов, во-вторых, если бы ты продолжал задавать свои дурацкие вопросы, тебя не интересовало бы время, и, в-третьих, у меня нет пижамы...

Патрик снова ткнулся лбом в волосы Джун около уха:

— Больше всего мне нравится «в-третьих»!.. А теперь звони своим родителям.

Ло пулей влетел в кабинет Аланга.

— Теон, я нашел его! — заорал он с порога.

Аланг посмотрел на инспектора поверх очков и усмехнулся.

— Что это вы так разбушевались, Патрик? О ком вы говорите?

— Конечно же, о Шан Чу.

— А я подумал, что вы добрались до самого Желтого Дракона.

Аланг снял очки, положил их на стол и подпер голову руками. Ло оторопело стоял посреди кабинета, удивляясь пессимизму шефа.

— Садитесь, садитесь, — устало произнес тот. — Скромность вам не идет. Впрочем, как и чрезмерная эмоциональность. Если вы помните, мы очень быстро вышли на Ко Ина, смогли даже взять Белого Бумажного Веера, а это фигура. Правда, нам его подарил Красный Жезл, но это неважно. Ну и что? Смогли вы ухватить «Анг Сун Тонг»? Я имею в виду не отдельных членов банды, а организацию в целом. Нет, не смогли. Шан Чу будет молчать так же, как и Белый Бумажный Веер. В противном случае его постигнет участь сержанта.

Патрик погрустнел. Аланг был прав. Так же, как был прав Након, когда говорил, что они

пытаются вычерпать воду из колодца. Бесперспективное, а потому бессмысленное занятие. Но что делать? Окапывать колодец? А кто знает, как глубоко нужно копать? И кто может сказать, где находится источник с отравленной водой? А может быть, вся земля, по которой они ходят, пропитана ядом? Тогда какой смысл копать? Такой же отравленный ключ пробьется наружу в другом месте.

— Э-э, дорогой инспектор, — засмеялся Аланг, — такие рассуждения вас заведут слишком далеко.

Патрик не заметил, как начал размышлять вслух.

— Философия не наша с вами область. И если уж вам по душе отвлеченные категории, то могу сказать, что наше дело — косить сорняк. А прочие полевые работы пусть выполняют другие. Я все это сказал вам к тому, что арест Шан Чу нам мало что даст. Ваша идея с Ко Ином была неплохой, и я подумал: почему бы еще раз не попробовать тот же прием? Не копировать его, а несколько видоизменить.

Ло вопросительно посмотрел на шефа.

— Попробовать сыграть на его чувствах. Я имею в виду не гангстера Шан Чу, обманывающего доверчивых простушек, а человека по имени Леунг, который получил деньги за продажу собственной сестры и свел с ума свою мать.

— Вы полагаете, Шан Чу не знает, на ком он «женился»?

— Я в этом уверен. Человек, который отправил Шан Чу в Бангкок, — законченный подлец и вполне мог воспитать парня в своем духе — с атрофированным чувством человечности. Но он не мог допустить, чтобы его дьявольский план дал осечку, а потому не должен был ничего говорить Шан Чу.

— А где гарантия, что эта информация вызовет у Шан Чу какие-то эмоции? — спросил Ло.

— Не от меня ли вы хотите ее получить? — усмехнулся Аланг. — Мне трудно представить, что человек может остаться спокойным, узнав, какую боль он причинил своим близким. Но это я так считаю. А что думает по этому поводу Шан Чу, придется выяснять вам. Ясно одно: без своего человека в «Анг Сун Тонг» — не засланного со стороны, а одного из его членов — нам не справиться с этой организацией. А Шан Чу, судя по всему, воспитанник одного из его вождей. Он должен быть близок к элите, а следовательно, может оказаться весьма полезным для нас...

— О моих контактах с Ко Ином они узнали очень быстро, — сказал Патрик. — Сейчас существует такая же опасность...

— Это уж ваша забота. Подумайте, как установить с ним связь и как ее скрыть от «Анг Сун Тонг». Кстати, вы мне не сказали, как настоящее имя этого Шан Чу, кто он, где вы его нашли.

— С утра я отправился к отцу Сенг Чэна: как раз хотел спросить, не знает ли он этого Шан Чу. И в здании столкнулся... с Шан Чу! Он действительно похож на своего отца в молодости. Если бы Лей Чжи видела чуть лучше, она наверняка узнала бы его. Очевидно, на ее слепоту и рассчитывал этот негодяй. Патрик вдруг задумался.

— Ну, и дальше что? — нетерпеливо спросил Аланг.

— Дальше? — рассеянно переспросил Ло. — К Чэну я, естественно, уже не пошел.

— Надеюсь, вы попросили Шан Чу оставить свои координаты? — любопытно спросил шеф «Си-Ай-Ю».

— Шан Чу работает там. Не знаю, в компании ли по реэкспорту каучука, но в том здании — точно. Там ведь много всяких контор. Он нес какие-то бумаги... Без пиджака, в подтяжках.

— Может быть, и хорошо, что вы не пошли к генеральному директору. Он мог кому-нибудь случайно сболтнуть о том, что вы интересуетесь Шан Чу, и это пошло бы дальше.

— Теон, — инспектор виновато улыбнулся, — я, кажется, нашел способ установить контакт с Шан Чу. Джун...

— Что?!

— Джун знала Сенга. Она вчера говорила мне об этом. И Сенг ее знакомил с Шан Чу. Если Джун случайно встретит Шан Чу на улице, это не вызовет подозрений...

— Вы понимаете, что говорите?!

Аланг вскочил с места и начал ходить по кабинету.

— Кто вам позволит привлекать к такому серьезному делу постороннего человека?!

— Вы.

— Я?! Даже и не думайте об этом! Джун — девчонка, что она сможет? Убедить гангстера, что он должен работать на «Си-Ай-Ю»? Да он при первых же словах пырнет ее ножом. Нет, вы с ума сошли! О чем мы говорим? В любом случае я не позволю рисковать ее жизнью. Она дочь моего старого друга. Случись что, как я посмотрю ему в глаза? Нет, это вздор!

Аланг так разволновался, что начал искать свои очки, которые держал в руках.

— Где они, черт побери!

— Вы их держите в руках. Послушайте, Теон, — Патрик исподлобья взглянул на шефа, — Джун для меня... И я буду постоянно находиться рядом и при первой же опасности вмешаюсь. Я гарантирую...

— Оставьте! Никто не застрахован от случая. Тем более в нашей работе. Да и что вам Джун? Месяц-другой, и все. Я же хорошо знаю вас, Патрик. Поймите, это не упрек. Я как мужчина все понимаю...

— Вы меня недостаточно хорошо знаете, — тихо произнес Ло. — Джун и я приглашаем вас на свадьбу, которая состоится в следующее воскресенье.

Аланг остановился как вкопанный, изумленно посмотрел на инспектора и вдруг рассмеялся.

— Все-таки Лау добилась своего. Ну, Патрик, откровенно говоря, не ожидал от вас. Когда же вы это решили? Ведь только вчера вы вернулись из Бангкока.

— Вчера и решили.

— Сдаюсь, — поднял руки Аланг. И серьезно добавил: — И все-таки ваше предложение вызывает у меня сильные сомнения. Давайте подумаем еще... — Хорошо, — согласился Ло, —

давайте подумаем.

3

— Вам нужно будет на время уехать. Двойной Цветок.

— Почему, экселенц?

Плотно сжатые губы Желтого Дракона чуть заметно дрогнули.

— Я обязан объяснять?

— Простите, экселенц.

Молодой человек в белых брюках и такой же белой тенниске, сидящий напротив Желтого Дракона, опустил глаза. Имя, которым его только что назвали, не считалось титулом в «Анг Сун Тонг». Это было скорее почетное звание, и оно не давало никакой власти. Его получали любимцы Желтого Дракона. И члены тайного общества были обязаны относиться к человеку с таким титулом столь же почтительно, как и к остальным вождям «триады».

Знавшие Двойного Цветка члены «Анг Сун Тонг» считали, что Желтый Дракон подобрал его умирающим с голоду, когда тот был совсем маленьким. Так считал и сам Двойной Цветок, которого Желтый Дракон в детстве назвал Шаном. И лишь один-два человека знали, что настоящее имя Шана — Леунг и что в детстве его по приказу Желтого Дракона украли у родителей. Воспитанием Шана занимался один из его людей, а Желтый Дракон лишь изредка навещал своего питомца, чтобы проверить, насколько успешно внушаются мальчишке концепции «великого братства». Когда в четырнадцать лет Шан пожелал принять участие в казни своего наставника, к тому времени впавшего в немилость главы «Анг Сун Тонг», Желтый Дракон счел, что концепции «великого братства» усвоены мальчишкой неплохо.

В двадцать лет Шан стал Двойным Цветком и «охотником» за товаром для публичных домов. Свои обязанности он сразу же стал выполнять с легкостью профессионального соблазнителя. Шан был в восторге от этих, как он говорил, «прелестных интрижек», но еще больше ему нравилось, что, развлекаясь, он не платил, а получал деньги, и притом немалые. С окружающими он был дерзок и нагл и лишь в присутствии Желтого Дракона терялся.

— Простите, экселенц, — повторил чуть слышно Двойной Цветок, — я хотел спросить, надолго ли.

— Может быть, на год. А может, на более долгий срок. Не знаю.

— Экселенц, неужели я вам не угодил, что вы гоните меня? Я выполнял все ваши приказания, — в голосе молодого человека прозвучали просительные нотки; — вы сами говорили, что в Бангкоке я превзошел ваши ожидания.

— Вы говорите так, будто вас здесь что-то связывает. — Желтый Дракон вонзил в собеседника свои колючие глаза, словно пытаясь прочесть его мысли.

— Нет, но...

— Что «но»?

Двойной Цветок молчал.

— Мне кажется, вы забыли один из принципов нашего братства: «откровенность». И что-то не договариваете...

— Н-нет, экселенц, я не осмелился бы...

— Вы уверены, что вам нечего мне сказать?

Двойной Цветок совсем стушевался, напряженно думая, что имеет в виду Желтый Дракон. Не обнаружив в своем поведении ничего, что могло бы вызвать гнев патрона, молодой человек поднял голову и тихо произнес:

— Уверен, экселенц.

— Вы помните, что говорят «Каноны» о тех, кто обманет своих братьев?

— Но, экселенц...

— Отвечайте на мой вопрос, — не повышая голоса, произнес Желтый Дракон.

— Да, экселенц...

— Тогда почему вы умалчиваете о ваших шашнях?

Двойной Цветок облегченно вздохнул и даже ухмыльнулся.

— Но, экселенц, я считал это недостойным вашего внимания.

— Вот как? — Кожа на лбу у Желтого Дракона в том месте, где обычно бывают брови, поднялась. — С каких это пор вы приняли на себя смелость считать, что достойно, а что недостойно моего внимания? Я всегда предполагал, что это моя привилегия.

— Экселенц, я хотел сделать вам приятное. За эту девчонку можно будет получить неплохие деньги. Она весьма...

— Когда и где вы познакомились с ней и сколько раз встречались? — перебил своего любимца Желтый Дракон.

— Я знаю ее давно, экселенц. — Двойной Цветок удивленно выпятил нижнюю губу, не понимая, чем вызвано раздражение шефа. — А недавно мы случайно встретились на улице...

— Откуда вы ее знаете?

— Меня познакомил с ней Сенг прошлым летом.

— Сколько раз вы встречались?

— Раза четыре.

— Точнее...

— Четыре раза, экселенц.

Желтый Дракон закурил и задумался. «Си-Ай-Ю» решила подцепить на крючок Шана, подбросив ему аппетитную наживку. Но как мальчишка оказался в поле их зрения? Почему?

Где была допущена ошибка? Здесь или, что еще хуже, там, в Бангкоке?

Желтый Дракон мысленно представил себе все последние события. Полгода назад он вспомнил о Лей Чжи. В памяти всплыла застарелая обида, а к тому же он узнал, что у Лей Чжи есть симпатичная взрослая дочь. Поразмыслив, Желтый Дракон решил отправить в Бангкок Шана. Риска не было никакого: Желтому Дракону сказали, что Лей Чжи очень плохо видит. Да и прошло двадцать лет — вряд ли она смогла бы узнать своего сына. Мысль о том, что Лей Чжи потом узнает, кто похитил у нее дочь, доставила Желтому Дракону почти физическое наслаждение...

— Когда вы должны увидеться с этой...

— Сегодня вечером, экселенц, — поспешно ответил Двойной Цветок. — В семь часов.

— Вы допустили серьезный промах, Двойной Цветок.

На лице молодого человека отразилось удивление.

— Она работает на «Си-Ай-Ю». Ее видели с человеком оттуда.

— Экселенц! — Голос Двойного Цветка задрожал. — Клянусь нашим Великим братством, я не знал этого.

— Вам придется исправить ошибку, Двойной Цветок.

— Я готов, экселенц.

— Я не сомневался в этом, — Желтый Дракон покривился в усмешке. — А сейчас вы можете быть свободны.

— Слушаюсь, экселенц.

Двойной Цветок поклонился и вышел.

Желтый Дракон посидел немного с закрытыми глазами, потом нажал кнопку звонка, прикрепленного под ручкой кресла. В «зеленую гостиную» вошел низенький человек со скошенным кверху лбом.

— Этот чрезмерно любопытный инспектор зашел слишком далеко, — произнес Желтый Дракон, не открывая глаз. — Пора заканчивать комедию.

— Да, экселенц.

— Ту приманку, на которую они пытались поймать Двойного Цветка, нацепите на крючок и поверните под носом этого нахала. Его убрать, а девчонку... На девчонку наверняка отыщутся покупатели.

— Экселенц, он может оказаться не один.

— Сомневаюсь. Игра, которую он затеял, требует минимум участников.

— Все будет исполнено, экселенц.

Низенький человек не уходил.

— Что еще? — осведомился Желтый Дракон.

— Пришел Тан...

Тан сидел на краешке стула, ежесекундно облизывая пересохшие губы. Ужасно хотелось пить. Правая щека зудела, и он натер ее докрасна. Ему все время казалось, что сейчас откроется дверь и появится Красный Жезл, Но дверь не открывалась, и босс, перед которым Тан испытывал животный страх, не появлялся. Тан пытался успокоить себя: он не может встретить здесь Красного Жезла, это исключено. Раз Желтый Дракон что-то имеет против Красного Жезла, он не станет разговаривать с Таном в его присутствии. А в том, что Красный Жезл попал в немилость, Тан почти не сомневался. Он чувствовал это нутром. Иначе Желтый Дракон не стал бы присылать к Тану специального гонца, а вызвал бы его на встречу через Красного Жезла. И все же нервы отказывались слушаться. Дрожь неприятным покалыванием забиралась под самое сердце. Тан подумал, что ему гораздо легче было бы всадить нож кому-нибудь а спину, даже зная, что за углом стоят десять полицейских, чем сидеть здесь и ожидать встречи с Желтым Драконом. Если бы было можно, Тан с удовольствием покинул бы этот вселяющий в него трепет особняк...

— Экселенц ждет тебя, брат, — прервал его размышления негромкий голос, и Тан мог поклясться бы, что голос этот прозвучал из преисподней — таким жутким и замогильным он был.

Хозяин «Син Леона» вздрогнул и осмотрелся: кругом никого не было. Он поднялся со стула и нетвердыми шагами, словно вместо ног у него были протезы, двинулся к двери.

В помещении, куда вошел Тан, царил зеленоватый полумрак. Желтый Дракон, будто восковое изваяние, с закрытыми глазами неподвижно сидел в черном кресле. При виде его у Тана моментально выскочили из головы слова, с которыми он должен был по ритуалу обратиться к главе «Анг Сун Тонг». Он наклонился всем туловищем вперед, как того требовал обряд приветствия, и, уставившись в пол, замер, холодея от собственной забывчивости.

— Небо да покровительствует вам, вождю... Великого братства... рожденного... под знаком... Мин, — начал наконец Тан.

Последовала длинная тирада, от которой Желтый Дракон милостиво освобождал свое ближайшее окружение, отнюдь не считая тривиальной старую истину, утверждающую, что время — деньги. Тан замолчал в ожидании, когда Желтый Дракон разрешит ему разогнуться.

— Повинуйся Небу, служи Правде — наградой тебе будет право наслаждаться Великим спокойствием, — произнес Желтый Дракон и, разрешив взмахом руки хозяину «Син Леона» выпрямиться, спросил: — В чем главный твой долг?

— Забота о нашем Великом братстве, — чуть слышно ответил Тан. Потом, спохватившись добавил: — ...экселенц.

— Братство добром платит тем, кто бескорыстно предан ему и честен перед ним, — медленно проговорил Желтый Дракон. — В верности клятве — наша сила. Триста лет существует могущественный триединный союз Неба, Земли и Человека. И еще десять тысяч лет простоит он, потому что безжалостно будет карать отступников, завистников и непокорных. Если совесть твоя чиста, братство отблагодарит тебя. Но берегись, если черные помыслы руководят тобой. Отвечай: честен ли перед Великим братством твой старший брат — Красный Жезл?

От этих слов у Тана закружилась голова. Не слыша самого себя, в каком-то полубормочном

состоянии, путаясь и запинаясь, он рассказал главе «Анг Сун Тонг» о том, что видел в ночь ареста Белого Бумажного Веера. О том, что он сказал Красному Жезлу о предательстве Ко Ина. О том, что Красный Жезл, несмотря на это, отправил сержанта к Белому Бумажному Вееру. Что он, Тан, видел своего босса на Кеонг Сайяк. Что тот через мальчишку передал записку полицейским, что сразу же после облавы и ареста Белого Бумажного Веера он встречался с каким-то человеком. Закончив свой сумбурный монолог, Тан почувствовал, как от напряжения у него взмокли ладони. Он взглянул на Желтого Дракона, но лицо главы «Анг Сун Тонг» по-прежнему было непроницаемым. В полное тишине прошла минута, затем другая, но Тану показалось, что он стоит здесь уже несколько дней.

— Почему ты оказался на Кеонг Сайяк и почему поехал за Красным Жезлом? — медленно спросил Желтый Дракон. — Разве ты знал, что он собирался делать?

Ноги у Тана подкосились, и он рухнул на колени.

— Я... я... он...

— Не доверять старшему брату — значит не почитать его. А непочтительность — мать неповиновения. В «Канопах» сказано, что в древности правители ходили походами на непочтительных, рубили им головы, складывали из них холмы, и это было величайшим наказанием...

Тан хотел что-то произнести, но не мог. Из полуоткрытого рта, сведенного судорогой, доносилось лишь мычание. Желтый Дракон умолк, достал из черной коробки сигарету и закурил, с удовольствием разглядывая обезумевшего от страха Тана. Он любил подобные зрелища, любил, как он сам выражался, «созерцать людей в их естественном состоянии».

— Но наши предки говорили, — продолжал Желтый Дракон, дав возможность Тану немного помычать, — что старший брат, не почитающий родителей, заслуживает такого же отношения к себе со стороны младшего брата. Значит, ты поступил правильно. В тебе говорила кровь достойного члена нашего Великого братства.

Слова Желтого Дракона долетали до Тана откуда-то издалека. Поначалу он плохо понимал их смысл, уловив лишь, что Желтый Дракон доволен им. Причина же его гнева — Красный Жезл. И постепенно страх улегся, уступив место злорадству. Желтый Дракон говорил что-то еще, но Тан был не в состоянии его слушать. Ненавистный актеришка, неизвестно каким образом забравшийся так высоко, повержен, смят, раздавлен. В «Син Леоне» больше не будет появляться его наглая, самодовольная физиономия! Это ничтожество больше не будет заставлять Тана прислуживать себе как паршивого официанта и исполнять все его прихоти, не будет орать на него. Все! Занавес опущен, и юпитеры погасли. Так, кажется, любил выражаться этот комедиант.

— Я вас спрашиваю. Красный Жезл, — вдруг отчетливо услышал Тан голос Желтого Дракона.

Он затравленно посмотрел вокруг себя, но в комнате, кроме него и Желтого Дракона, больше никого не было. Тан ошалело уставился на главу «Анг Сун Тонг».

— Я вас спрашиваю, Красный Жезл, — повторил тот, глядя на Тана. — Вам известны тайники этого человека?

До Тана, наконец, дошел смысл сказанного: Красный Жезл — он, а «этот человек» — его босс. Точнее, бывший босс. Такого поворота Тан не ожидал. Даже в мечтах он не возносил себя на место Красного Жезла. И вдруг... Он все еще не решался поверить своим ушам. Неужели все

это происходит наяву? Неужели Желтый Дракон назвал его Красным Жезлом?

— Вы соизволите, наконец, ответить мне, Красный Жезл? — недовольно произнес Желтый Дракон. — Или на радостях вы потеряли дар речи?

Красный Жезл... Он Красный Жезл. Совершенно обезумевший Тан на коленях пополз к Желтому Дракону, схватил его худую, бледную руку и прижался к ней своими лоснящимися губами. Глава «Анг Сун Тонг» брезгливо поморщился.

— Да, экселенц, — забормотал новоиспеченный Красный Жезл, — я знаю, где его тайники, я смогу их найти... Если вы позволите, я сейчас же...

— Сейчас не нужно, — перебил Тана Желтый Дракон. — Вы отправитесь туда в семь часов, когда начнется ритуал. В первую очередь меня интересуют героин и документы. После этого придете на ритуал, чтобы взять в руки карающий меч Красного Жезла.

Желтый Дракон поднялся с кресла и, не обращая больше внимания на все еще валявшегося у журнального столика Тана, вышел из комнаты.

4

— Патрик, я не могу больше. Мне страшно. Мне почему-то кажется, что он обо всем догадывается.

Джун умоляюще посмотрела на шагающего рядом Ло.

— Джун, дорогая, ты должна продержаться еще немного. — Инспектор взял свою спутницу под локоть, тихонько сжал его. — Ведь ты у меня умница. Попытайся разобраться в нем, понять, что он из себя представляет. Нам очень нужен человек из этой банды. Иначе нам до нее не добраться. Если в нем осталась хоть капля человеческого, ты это увидишь. Не знаю, каким образом, но ты это поймешь. От тебя сейчас зависит многое. Тебе решать, состоится у меня с ним разговор или нет.

— Нет, у меня ничего не выходит. Наверное, я не умею разбираться в людях. Иногда кажется, что он способен чувствовать: в прошлый раз он с таким жаром говорил о своем одиночестве, о том, что не удовлетворен жизнью... Но я знаю, кто он, и у меня создается впечатление, что он просто играет.

— Тебе понадобилось совсем немного времени, чтобы разобраться во мне. — Патрик попытался шуткой подбодрить Джун.

Та слабо улыбнулась.

— Скажи, а если... если он такой же, как и все они, что тогда?

— Тогда мы оставим его в покое, чтобы не настораживать «Анг Сун Тонг», и будем искать другие пути.

— Ах, Патрик, я ужасно боюсь. Боюсь его, боюсь подвести вас. Вдруг мне покажется, что с ним можно говорить, а на самом деле это не так?

— Возьми себя в руки, Джун, — сказал Ло, — ты сегодня чересчур взволнована.

— Мне кажется, что он догадывается.

— Почему он должен что-то заподозрить? Ведь ты делаешь все как нужно. И не забывай: я все время рядом. Чуть что — я приду на помощь. Ну, все. Он ждет тебя за углом. Будь умницей. Помни: я рядом.

Патрик поцеловал Джун в щеку и пошел на другую сторону улицы. Она тряхнула своими пышными волосами, словно пытаясь перевоплотиться, отогнать от себя страх, на секунду замедлила шаг, потом с решительным видом свернула на Орчард роуд.

Шан уже стоял на том месте, где они договорились встретиться, и поглядывал на часы. Увидев Джун, он устремился к ней навстречу.

— Вы меня заставили мучиться целых десять минут, — объявил он шутливо-обиженным тоном. — Я даже начал думать, что вы не придете.

Джун кокетливо пожала плечиками.

— Ожидание еще никому не вредило. Скорее наоборот...

Шан посмотрел на свою спутницу, и в его взгляде Джун почувствовала что-то похожее на ехидное любопытство. «Как странно он на меня сегодня смотрит, — подумала она. — В прошлый раз его глаза не выражали ничего, кроме нетерпеливой похоти».

Ею вновь овладело беспокойство.

— Куда мы сегодня пойдем? — Джун постаралась задать вопрос как можно более беспечным тоном.

— Если вы не возражаете, прогуляемся немного. Я так люблю бродить пешком по вечернему Сингапуру. Джун смешно наморщила свой аккуратный носик.

— У-у, ходить пешком! Я с удовольствием выпила бы чего-нибудь прохладного. И потом — наверху в «Гонконге» можно потанцевать. Там прекрасный оркестр.

— Если вы хотите послушать действительно хорошую музыку, то нужно идти не в «Гонконг».

— А куда?

— Положитесь на меня, и вы останетесь довольны сегодняшним вечером.

— А я хочу в «Гонконг», — не допускающим возражений тоном заявила Джун.

— Ну что ж, — ответил Шан, — в «Гонконг» так в «Гонконг». Ваши желания для меня закон.

Он произнес это после короткой паузы, но Джун успела заметить по глазам Шана, что молодой человек что-то прикинул в уме. Они медленно двинулись по улице. «Он хочет меня куда-то затащить, — испуганно подумала Джун. — Значит, он все знает».

Девушка искоса посмотрела на Шана. Тот болтал какую-то чепуху, размахивая руками.

«Знает или нет? — билось в голове Джун. — Что же делать? Убежать? Нет, на улице он не посмеет... Да и Патрик рядом».

Она инстинктивно обернулась назад. Где-то метрах в пятидесяти в свете фонаря мелькнуло его лицо, и Джун немного успокоилась. Конечно, на улице Шан ничего ей не сделает. Кругом

столько народу. И в «Гонконге» тоже. А в другое место она не пойдет. Джун вдруг удивилась своим мыслям, почему она боится? Разве Шан должен обязательно ее убить? «Убить». Какое странное слово. «Убить». Джун никогда не думала, что оно звучит так зловеще. Даже когда его произносишь мысленно. Она много раз читала в газетах про убийства, но все это казалось ей таким абстрактным, нереальным. Наверное, потому, что убивали не ее. А ее не убивали. Какая чепуха! Разве может так случиться, что ее не будет? Как это не будет? Непонятно. Люди будут ходить по улицам, смеяться, играть в бридж, любить друг друга, а она, Джун, не будет знать об этом, не будет этого видеть? И Патрик никогда не обнимет ее, не поцелует? Ее не будет! НЕ БУДЕТ! Бежать! Бежать прочь от этого Шана, броситься к Патрику, почувствовать его сильные руки... Она не хочет, чтобы ее убивали. Этот Шан не имеет права отнимать у нее жизнь. Почему люди убивают друг друга? К чему эта бессмысленная жестокость? Почему, убивая, они не представляют себя в роли жертвы, которой не хочется умирать? Взвинченная до предела, Джун готова была сорваться с места, броситься назад. «Ты ведь у меня умница... От тебя сейчас зависит многое... Не забывай: я все время рядом», — вспомнились слова Патрика. Она постаралась взять себя в руки, успокоиться. В самом деле, почему Шан должен убить ее? Даже если он и знает, почему Джун встречается с ним, он просто попытается скрыться — и ничего больше. Патрик прав: она чересчур взволнована.

— Вы меня совсем не слушаете. — Джун почувствовала, как к ее локтю прикоснулась рука Шана, и вздрогнула. — Вам холодно?

— Н-нет... просто мне припомнился один случай из детства...

— А вы любите припоминать, что было в детстве? Джун показалось, что она очень изобретательна:

— Кстати, вы ничего не говорили мне о своих родителях...

— А вас они интересуют? — ответил Шан вопросом на вопрос, и девушка снова уловила, что слова эти были сказаны с какой-то особой интонацией.

«Боже, скорее бы кончилась эта пытка!» — подумала она и вслух произнесла:

— Некоторые сами любят о них рассказывать...

— Мои родители бросили меня, когда я был совсем маленьким, — с какой-то затаенной радостью сказал Шан. — Меня воспитывал человек, который заменил мне отца и мать.

— И... кто он, этот человек?

— Кто он? — переспросил Шан, замедлив шаги. Дальнейшее произошло так быстро, что Джун не успела даже сообразить, в чем дело. Рядом скрипнула тормозами какая-то машина. Дверца открылась, и Шан резко толкнул ее внутрь. Там ее цепко схватили чьи-то руки. Через мгновение машина уже катилась дальше, а Джун сидела на заднем сиденье, зажата с обеих сторон Шаном и пожилым лысым мужчиной, от которого исходил неприятный запах дешевых сигарет.

— Что вам нужно? Куда вы меня везете?!

— Поедем немного поразвлекаться! — захохотал Шан, просовывая руку под сиреневую кофточку Джун. — А потом познакомишься с тем, кто меня воспитывал. Ты ведь, кажется, хотела узнать, кто он?

— Оставь ее, — буркнул лысый. — Нашел время.

Шан нехотя убрал руку.

— А ты... ты... мерзавец! Ты такой же подлец, как и твой воспитатель! — с отчаянием воскликнула Джун. — Все вы подонки, убийцы! Ты думаешь, что тебя родители бросили? Ничего подобного! Он тебя украл у твоей матери за то, что она отвергла его ухаживания! И ты женился на собственной сестре и продал ее в публичный дом! А твоя мать сошла с ума! А потом они ее убили! А ты подонок, подонок!

Джун судорожно сжала кулаки и разрыдалась. Шан захохотал еще громче.

— Говори, говори! — И вдруг угрожающе произнес: — Скоро ты не так заговоришь. Разжалобить меня тебе не удастся. Мать, сестра! Плевать я хотел на твои сказки! Да если это и было бы так на самом деле, что из того? Думали, прибегу в вашу собачью полицию и все расскажу? Как бы не так! Не на того напали!

Джун снова вспомнила о Патрике и повернула свое заплаканное лицо назад.

— Дружка своего высматриваешь? — ухмыльнулся Шан. — Не волнуйся: едет следом. Нам он тоже нужен. Он, наверное, хотел узнать, что произошло с Сенгом? Узнает. Жаль, что на острове все перекопали. А то бы мы и его устроили в том же болоте. Ну, ничего, найдем ему другое место.

— Попридержи язык! — бросил лысый Шану.

— Ничего, — ответил тот, — теперь она уже никому ничего не расскажет.

И, обращаясь к шоферу, сказал:

— Поверни к Понгголу.

Тот молча кивнул. При последних словах Шана Джун охватил такой ужас, что она не могла ни говорить, ни двигаться.

Такого поворота событий Ло никак не ожидал: у противоположного тротуара остановилась кургузая кремовая «хонда», Шан втолкнул в нее Джун, прыгнул вслед за ней на заднее сиденье, и машина резко свернула за угол.

Проклиная себя за то, что убедил Аланга не давать ему помощников, Патрик перебежал на другую сторону улицы перед самыми колесами отчаянно сигналивших машин. Как назло, кругом не было ни одного полицейского.

В двух метрах от Патрика затормозило такси. Инспектор бросился к нему, рванул на себя переднюю дверцу.

— Направо! Быстро!

Таксист подозрительно посмотрел на него.

— Полиция! — Ло вытащил из кармана удостоверение.

Взревел мотор, машина сделала крутой вираж и устремилась по Бенкулен-стрит. Вдали замаячила кремовая «хонда», но тут же снова скрылась за поворотом.

— Налево! — бросил Патрик и громко потребовал: — Быстрее! Быстрее!

Таксист, почти не сбавляя скорости, резко повернул руль. Ло нервными движениями достал сигарету. Аланг был прав. Не стоило втягивать Джун в это дело. Сгоряча Патрик бросил на весы слишком много. Какое право он имел подвергать ее такому риску?! Он только обрел ее, и вот сейчас... Ло постарался отогнать от себя тяжелую мысль. Но как они догадались, что это игра?! Случайность? Или он действительно копнул так глубоко, что «Анг Сун Тонг» насторожилась? Зачем им понадобилась Джун? Узнать, что известно «Си-Ай-Ю»? Тогда они начали выяснять это уже сейчас. Патрика передернуло. Эти подонки ни перед чем не остановятся. Она не выдержит. Черт, да пусть они узнают все, что им нужно. Пусть они все скроются, пусть продолжают потом насиловать, грабить, убивать, но только бы они не тронули Джун!

Машины выскочили за черту города и понеслись по пустынному, закрытому с обеих сторон плотными рядами веерных пальм шоссе а направлении Понггола. Такси начало догонять «хонду». Теперь между машинами было не больше пятидесяти метров. Ло стиснул зубы и впился глазами в заднее окошко «хонды», пытаясь рассмотреть, что происходит внутри. Кроме Джун и Шана, в машине находилось еще два человека: один вел машину, другой сидел на заднем сиденье слева от Джун... Выстрелить по колесам «хонды»? Не стоит. Убегая, они могут убить Джун. Стрелять по бандитам тоже было опасно. Патрик прекрасно владел оружием, но они сидели слишком близко от Джун. Лучше подождать, пока «хонда» остановится. Они наверняка не подозревают, что кто-то едет следом, и можно застать их врасплох. Единственное его преимущество против трех вооруженных гангстеров — внезапность. Помощи ждать не от кого.

«Хонда» опять скрылась за поворотом. Такси проехало еще метров четыреста, и Патрик снова увидел ее. Теперь «хонда» стояла у обочины пустая.

— Тормози! — Инспектор выхватил из-под пиджака пистолет и на ходу приоткрыл дверцу такси. — Я выйду, а ты жми до полицейского пункта. Он должен быть через два-три километра. Скажи, здесь бандиты.

Шофер кивнул и остановил машину. Ло выскочил на шоссе и огляделся, пытаясь угадать, куда бандиты утащили Джун. Справа послышался приглушенный вскрик. Патрик перемахнул через канаву и бросился вперед, продираясь сквозь густой, колючий кустарник. Пробежав метров двадцать, он оказался на небольшой поляне. Выплывшая из-за облака луна осветила ее, и инспектор увидел Джун. Она стояла у голого, блестящего ствола кокосовой пальмы. Глаза ее были полны ужаса. Стоящий сзади пожилой лысый гангстер одной рукой держал Джун, другой приставил нож к ее шее.

— Брось пистолет! — хрипло сказал он Патрику. — Если хочешь, чтобы девчонка осталась жива.

Ло покосился направо, потом налево. С обеих сторон на него смотрели две хмурые физиономии. Сзади хрустнула ветка. Инспектор обернулся: на поляну вышел, держа руки в карманах, таксист, который вез его из города.

«Так им нужен был я! — Патрик невесело усмехнулся. — Чисто сработали, ничего не скажешь».

5

Желтый Дракон готовился к ритуалу. Эта церемония, носившая название «сжечь желтый

листок», проводилась раз в два месяца по трем вполне определенным случаям: повышение в ранге отличившихся, посвящение в члены «Анг Сун Тонг» новичков, суд над провинившимися. На ритуалах каждый раз присутствовали разные члены «Анг Сун Тонг»: все «монахи» время от времени должны были видеть обряд казни или другого наказания, чтобы постоянно чувствовать, сколь суровы законы «триады».

Пышно обставленные, окруженные ореолом таинственности, с жуткими сценами принятия новых членов и казни отступников, ритуалы внушали благоговейный ужас тем, кто принимал в них участие. Почти языческое поклонение алтарю и хоругвям «Анг Сун Тонг» было одним из краеугольных камней, на которых прочно покоилось старательно возводимое в течение многих лет и тщательно оберегаемое здание морального уклада «триады»: слепое повиновение вождям, «ножевая» дисциплина, жестокость, круговая порука, обет молчания. Правда, во время церемоний все это называлось несколько иначе: уважение к старшим, беспощадность к изменникам, вечное братство, верность идеалам «триады»...

До церемонии оставалось минут двадцать, и Желтый Дракон начал переодеваться. Ему помогали два охранника. Он облачился в шелковый ярко-желтый балахон до пят с нарисованной на груди черной паутиной. На широких, клиньями свисавших с плеч рукавах атели два пятна в форме огромных капель крови с нарисованными на них черными иероглифами. Голову Желтого Дракона украсила обтянутая черным шелком железная корона в форме паука. Нефритовые глаза гигантского насекомого смотрели с мертвой пронзительностью, согнутые в суставах лапы резко выделялись над белым, обильно напудренным лицом Желтого Дракона. Символика была недвусмысленной все, что попадало в сплетенную черным страшилищем сеть «триады», должно принадлежать немедленно и безраздельно Желтому Дракону — полновластному хозяину паутины.

Завершив свой туалет, Желтый Дракон вышел из комнаты в узкий и короткий коридор, который упирался в массивную железную дверь. Стоявший около нее охранник распахнул дверь перед Желтым Драконом, и тот вошел в помещение, где проводились ритуалы. Помещение называлось Зал Верности и Справедливости. Оно представляло собой большую прямоугольную комнату без окон, поскольку находилось в подвале. Стены и потолок закрывала черная материя, подсвеченная красными светильниками, и это создавало в помещении жутковатый полумрак. В том месте, где на квадратном возвышении располагался алтарь, висели хоругви и восседали вожди.

На алтаре — высоком квадратном столике, накрытом желтой материей, — стояла бронзовая курильница, утыканная палочками с недорогим фимиамом. Палочки медленно тлели, и вместе с сизыми тонкими струйками дыма к потолку поднимался резкий и приторный запах. Рядом с курильницей стояла обрядовая золотая чаша для принятия «клятвы крови» и лежал серебряный слиток — символ богатства. Над алтарем в обрамлении трех желтых полотен с черными иероглифами висела традиционная икона «триады» — икона бога богатства.

Когда Желтый Дракон вошел в ритуальное помещение, около ста присутствующих, сидевших плотными рядами на полу, низко склонили головы. Желтый Дракон поднялся на возвышение и подошел к краю. Красные фонари снизу высветили бескровное лицо мертвеца. Он постоял несколько секунд в полной тишине, затем выбросил вперед обе руки ладонями вниз с растопыренными пальцами. Медленно сжал пальцы в кулаки и скрестил руки на груди. Стоявший сзади Хранитель Алтаря в таком же, как у Желтого Дракона, одеянии, только лилового цвета, и без короны-паука, легонько ударил палочкой по полому деревянному сосуду: раздался короткий, тонкий звук. Желтый Дракон повернулся к алтарю и распластался ниц перед ним. Все, кроме Хранителя Алтаря, последовали его примеру. Тот продолжал с каменным видом ударять палочкой по сосуду. Сначала медленно, потом быстрее, быстрее,

пока, наконец, помещение не наполнилось мелкой, рассыпчатой дробью.

Дробь завершилась сильным, гулким ударом. Два человека внесли в помещение трепещущего белого петуха. Они приблизились к возвышению, и Хранитель Алтаря, взяв лежащий на полу кривой меч, резким ударом снес петуху голову. Бьющуюся в судорогах птицу перевернули шеей вниз над золотой чашей, и в нее начала стекать еще теплая кровь. Когда чаша наполнилась, мертвого петуха унесли.

Хранитель Алтаря нараспев начал читать молитву, которую он завершил громким возгласом:

— Да хранят наше священное братство царь Небо, царица Земля и светлые духи наших предков!

Затем он обмакнул два пальца в чашу с кровью и смазал ею уголки рта.

Желтый Дракон поднялся с пола и сел в кресло среди других вождей «Анг Сун Тонг». К нему поднесли бронзовый поднос, на котором лежала желтая бумажка, и горящую лучину. Желтый Дракон взял лучину и прикоснулся к бумажке. На подносе вспыхнуло небольшое пламя. В тот же момент Хранитель Алтаря ударил палочкой по сосуду и провозгласил:

— Посвящение!

С кресла поднялся Тонкий Бамбук и подошел к краю возвышения.

— Братья, — торжественно произнес он, — я обращаюсь к вам с просьбой приютить в нашей обители человека, достойного вашего милосердия.

— Согласны ли вы, братья? — спросил Хранитель Алтаря.

Присутствующие молча склонили головы.

— Ручаетесь ли вы за него, брат? — обратился Хранитель Алтаря к Тонкому Бамбуку.

— Да, брат, — ответил тот.

— Тогда пусть войдет.

Дверь открылась, и на пороге появился человек, одетый в черный балахон. За ним шел охранник с мечом. Дрожа от страха, новичок приблизился к алтарю.

— Зачем ты пришел? — замогильным голосом спросил Хранитель Алтаря.

— Я хо-хочу ра-азделить с в-вами трапезу, — заикаясь, пролепетал он заученные слова.

— У нас не хватит пищи для всех — Я принес свою пищу и готов поделиться с братьями.

— Наш рис содержит песок и камни, — произнес Хранитель Алтаря, — сможешь ли ты есть его?

— Я готов есть только песок и камни, а рис отдать братьям, — чуть слышно ответил новичок.

— Известно ли тебе, что ждет того, кто захочет покинуть приютивших его братьев?

— Смерть.

— Известно ли тебе, что ждет того, кто захочет предать приютивших его братьев?

— Смерть.

— Известно ли тебе, что ждет того, кто захочет присвоить себе рис приютивших его братьев?

— Смерть.

С каждым вопросом голос Хранителя Алтаря становился все более зловещим.

— Известно ли тебе, что ждет того, кто захочет обмануть приютивших его братьев?

— Смерть.

— Клянись! — с визгом выкрикнул Хранитель Алтаря.

Новичок рухнул на колени перед алтарем и расстегнул балахон до пояса.

— Пусть братья отрежут мне язык, если я нарушу закон молчания, — раздался в полной тишине дрожащий голос. — Пусть сердце мое пронзит острый металл, если я когда-нибудь предам Великое братство. Царь Небо, царица Земля и светлые духи моих предков, будьте свидетелями клятвы!

Вслед за этим Хранитель Алтаря длинным заостренным ножом резко провел по левой стороне груди посвящаемого. В подставленную охранником золотую чашу закапала кровь.

— Брат Тонкий Бамбук, — торжественно проговорил Хранитель Алтаря, — в ваших жилах течет кровь Великого братства. Дайте страждущему частицу нашей силы, нашей верности светлым духам предков и законам священного союза Неба, Земли и Человека.

Тонкий Бамбук поднялся со своего кресла, приблизился к Хранителю Алтаря и вытянул вперед левую руку. Правую он положил себе на грудь, согнув безымянный и большой пальцы. Хранитель Алтаря сделал надрезы на его двух пальцах, и Тонкий Бамбук медленно повел руку к алтарю, задержав ее на несколько секунд над чашей, в которой была уже смешана кровь птицы и кровь новичка. Затем Хранитель Алтаря протянул чашу Тонкому Бамбуку. Тот сделал несколько маленьких глотков и передал ее посвящаемому.

После того, как «клятва крови» была принята, новичок вытащил из кармана монету и опустил в чашу, в которой еще оставалось немного крови.

— Пусть удача во всем сопутствует тебе, брат, — произнес Хранитель Алтаря, положив ладонь на чашу, — пусть деньги без конца возвращаются к тебе, умножая общее могущество Великого братства.

Он трижды ударил палочкой по деревянному сосуду. Обряд посвящения закончился. Все посмотрели в сторону Желтого Дракона.

— Войди в нашу обитель, брат, — тихо проговорил он. — И помни: отныне сердце твое, помыслы и тело принадлежат священному союзу Неба, Земли и Человека, возникшему в далекие времена на земле наших предков. Нет ничего сильнее уз, которые связывают нас теперь, — только смерть может их разорвать. Отныне нет для тебя иных законов, кроме тех, по которым живет наше Великое братство: почтительность, повиновение, молчание. Немедленная смерть ждет того, кто нарушит их. Царь Небо, царица Земля и светлые духи наших предков,

будьте свидетелями наших слов!

Желтый Дракон умолк, и новичок присоединился к сидящим на полу членам «триады». Хранитель Алтаря снова сделал несколько ритуальных ударов и возвестил:

— Возмездие!

Гнетущая, тяжелая тишина воцарилась в помещении. Все опустили глаза, стараясь не смотреть на возвышение, где восседали вожди. Никто не был уверен в том, что после сегодняшнего ритуала он останется в живых. Панический, животный страх угадывался а напряженно опущенных головах, согбленных плечах, тихом, прерывистом дыхании.

Желтый Дракон поднялся с кресла, подошел к краю возвышения.

— Братья, — начал он, — я обращаюсь к вам с просьбой вынести свой приговор тому, кто осмелился нарушить «клятву крови». Я спрашиваю вас, братья: какого наказания заслуживает человек, который предал своего брата, чтобы присвоить себе рис, принадлежащий всем нам?

— Смерть! Смерть! — раздались приглушенные голоса.

Красный Жезл, сидевший в одном из кресел на возвышении в алом балахоне, бросил беспокойный взгляд в сторону Желтого Дракона. Желтый Дракон словно почувствовал этот взгляд и резко повернулся к нему.

— Ты! — выкрикнул он и протянул свою худую, бледную руку в направлении Красного Жезла. — Ты отдал Белого Бумажного Веера в руки полиции, чтобы занять его место! Ты пытался присвоить себе документы и героин, которые принадлежат братству!

Ты намеревался разбогатеть за счет своих братьев! Ты нарушил святые законы «триады»! Ты осквернил память наших предков! Ты обманул своих братьев!

По рядам сидящих на полу членов «триады» прокатился ропот, в котором сквозило не только возмущение, но угадывались облегчение и даже злорадство. Красный Жезл с трудом поднялся со своего кресла.

— Экселенц... братья... это неправда... Меня оклеветали... Клянусь, я чту «Каноны»... Я... Слово Красного Жезла...

— Ты больше не Красный Жезл! — Хранитель Алтаря выхватил у него из рук серебряную трость с инкрустацией из рубинов — символ ранга. — Ты отступник, нарушивший «клятву крови»!

— Я не... — хотел было возразить Красный Жезл и тут же осекся.

В помещение вошел Тан с небольшим чемоданом в руках. Глаза Красного Жезла потухли, руки бессильно повисли: в этот чемодан он положил героин и спрятал в надежное место. Тан поднялся на возвышение, поклонился вождям, положил чемодан на пол перед алтарем и открыл его. Красный Жезл рухнул на колени и пополз к креслу Желтого Дракона.

— Экселенц... Простите... Я искуплю... Молю вас... Братья...

— У тебя нет больше братьев, — сурово произнес Хранитель Алтаря.

Он сделал знак двум охранникам. Те схватили Красного Жезла за руки и оттащили его от

кресла Желтого Дракона.

— Приговор отступнику вынесен, — мрачно-торжественным тоном проговорил Хранитель Алтаря. — Кто исполнит его?

Тан сделал шаг вперед и поклонился.

— Братья! Позвольте мне покарать изменника. Прошу вас, окажите мне эту честь.

Сидящие на полу молча наклонили головы в знак согласия.

Хранитель Алтаря поднял кривой самурайский меч, лежавший у стены перед хоругвями. Красный Жезл, стоявший все это время на коленях с помутневшими, стеклянными глазами, ожил. Он издал истошный вопль, рванулся из рук державших его охранников.

— Нет! — заорал он. — Не-ет! Я хочу жить! Я хочу жить! Экселенц, я умоляю вас! Оставьте мне жизнь! Не убивайте меня! Экселенц!..

Красный Жезл начал захлебываться собственными криками. Желтый Дракон брезгливо поморщился.

— Пусть он замолчит, — тихо сказал глава «Анг Сун Тонг». — Если он неспособен достойно принять смерть, — помогите ему.

Кто-то сунул Красному Жезлу в рот кусок материи — крик сменился мычанием. Из глаз Красного Жезла, размывая пудру на его резко очерченных скулах и оставляя за собой узкие бороздки, потекли слезы. Он снова начал дергаться, но охранники крепко держали его.

Тан с низким поклоном принял меч от Хранителя Алтаря, прикоснулся к нему губами. Затем он рассек лезвием воздух, пробуя руку. Присутствующие разом подались вперед с приоткрытыми ртами, с жадно горящими глазами: они с нетерпением ожидали развязки. Охранники быстро скрутили веревкой ноги и руки Красного Жезла и отошли от него. Тан приблизился к осужденному, снова поклонился вождям «Анг Сун Тонг», сидящим на полу «монахам» и взмахнул мечом...

6

Патрик медлил, лихорадочно соображая, что ему предпринять.

— Брось пистолет, — угрожающе повторил лысый, надавливая острием ножа на шею Джун.

Она была близка к обмороку. Ло едва не бросился вперед и лишь усилием воли заставил себя остаться на месте. Безрассудство могло оказаться роковым: он не успел бы сделать и двух шагов. Мысли работали быстро и четко. Тянуть время бессмысленно, этим ничего не добьешься. Попытаться что-нибудь сделать на обратном пути в город? А, собственно, почему они должны везти его в город? Им нужно узнать, что известно «Си-Ай-Ю». Здесь это сделать гораздо проще: никто не помешает. Хорошо, пусть делают с ним что хотят, только бы они отпустили Джун. Но Ло тут же удивился собственной наивности. Он ведь прекрасно знает, с кем имеет дело. Эти подонки не отпустят Джун. Хотя бы потому, что ей кое-что известно. А кроме того, в их руках хорошенькая молодая женщина и вокруг ни души. Кровь застучала в висках Патрика. В глаза ему бросилась рука лысого, которая находилась в нескольких дюймах от головы Джун. Последний и единственный шанс! Он не имеет права промахнуться! А если все-таки промахнется? Патрик сжал рукоятку пистолета. Нет, они все равно не оставят ее в

живых. Но эти мерзавцы не смогут надругаться над его женой. Он должен попасть! Должен! Несколько секунд будет выиграно, а там... В любом случае это единственный шанс. Другого выхода нет.

Ло выстрелил навскидку и молниеносно метнулся к пальме, где стояли Джун и лысый. Пронзительно закричала Джун, зарычал от боли державший ее гангстер... Позади инспектора грохнул выстрел — справа. Видимо, Шан не успел сориентироваться и выстрелил в то место, где только что стоял Ло. «Попал! — бешеным, ликующим вихрем пронеслось в голове Патрика. — Попал!» Он выпустил назад из-под руки две пули в ответ, а третью всадил в лысого гангстера, который, схватившись за руку и согнувшись, шел почему-то по направлению к инспектору. Оттолкнув в сторону падающее на него тело, Ло схватил Джун за руку и рванул ее вслед за собой, увлекая за толстый ствол пальмы — единственное безопасное место на поляне. Но в это время раздался еще один выстрел, и Джун вдруг резко остановилась, ее рука ослабла...

— Джу-ун! — закричал Патрик, обернувшись и увидев останавливающиеся глаза жены.

В испуге он разрядил всю оставшуюся обойму в то место, откуда прозвучал выстрел, швырнул в сторону пистолет и схватил ее за плечи, словно забыв, что из темноты могут последовать новые выстрелы.

— Джу-ун! Что с тобой, Джун? Почему ты молчишь?!

На шоссе раздалось завывание полицейской сирены и визг тормозов. Оставшиеся в живых бандиты бросились в заросли. Но Патрик ничего этого не слышал.

— Джун... Ты слышишь меня? Джун! Скажи что-нибудь, Джун! — повторял он, не отдавая себе отчета в том, что происходит вокруг него.

— Патрик... Я... сказала ему... про мать... А Сенг на Бла...

Она не договорила и безжизненно прислонилась к Патрику.

Вечернюю тьму прошил свет нескольких прожекторов, и на поляне показались полицейские.

— Прочесать заросли! — отрывисто приказал худощавый мужчина в форме сержанта.

Часть полицейских бросилась в кусты. Сержант окинул взглядом поляну и подбежал к Патрику, который стоял у пальмы, держа Джун на руках.

— Жива?

Ло посмотрел на него невидящим взглядом, потом перевел глаза на жену. Сержант схватил Джун за руку, чтобы нащупать пульс.

— Кажется, бьется, — сказал он. — Но очень слабо. Несите ее в мою машину. Или нет, давайте лучше я возьму ее.

Инспектор молча отстранился от сержанта и с Джун на руках осторожно двинулся к шоссе. С помощью полицейских он уложил ее в «джип», глубоко, прерывисто вздохнул и медленно пошел по шоссе, отрешенно уставившись в темноту. Из-за поворота вынырнула машина и, заскрипев тормозами, замерла около Патрика. Из нее выскочил шеф «Си-Ай-Ю».

— Патрик! Все в порядке?

— Теон, — чуть слышно произнес Ло, даже не удивившись его неожиданному появлению. — Теон...

— Патрик, я вас спрашиваю...

— Джун!..

— Что с ней?! — Аланг рванулся к «джипу», заглянул внутрь и, повернувшись к Патрику, закричал: — Какого дьявола вы медлите?! Что вы стоите?! Немедленно в госпиталь! Я же говорил вам: не трогайте Джун. Я говорил вам! Мальчишка! Самонадеянный кретин! Как вы могли!

Слова Аланга вывели Патрика из оцепенения.

— Теон, Сенг Чена убили и закопали на Блаканг-Мати. Это сказала Джун.

— Какое это имеет значение?! — закричал Аланг на Патрика. — Немедленно в госпиталь! Слышите? Немедленно!

На шоссе вышли полицейские. Они вынесли, тело убитого гангстера. Еще двух вели со связанными руками.

— Инспектор, одному удалось уйти, — доложил сержант.

— Ушел Шан Чу, — с досадой произнес Патрик. — А ведь Джун успела ему сказать, что нам стало известно в Бангкоке.

— Вы еще здесь?! — снова взорвался Аланг. — И вы еще можете говорить о чем-то постороннем?! Кретин! Какого дьявола вы здесь делаете?!

Ло сел в «джип».

Разъяренный Аланг круто повернулся к гангстерам.

— Где ваш шеф?! — заорал он. — Где Желтый Дракон?! Где Красный Жезл? Отвечайте, паршивые собаки, или я прикажу подвесить вас кверху ногами на пальме!

Аланг был настолько взбешен, что, не задумываясь, выполнил бы свою угрозу, и бандиты поняли это.

— Мы... мы не знаем никакого дракона, — запинаясь, произнес один из них. — Самый главный, которого убили... Он босс. Он приказал нам...

— А того, который убежал, мы не знаем, — заговорил второй, — мы его увидели сегодня в первый раз... Поверьте нам, господин полицейский...

— Отправьте их к нам, — обратился Аланг к своим людям, поняв по испуганным лицам гангстеров, что те не врут.

Он сел в «плимут» и, приподняв обеими руками очки, закрыл лицо.

При въезде в город Аланг, мысли которого были целиком заняты случившимся несчастьем,

вдруг вспомнил, что ему сказал Патрик о разговоре между Джун и Шан Чу. Ведь Шан Чу проболтался Джун о Сенг Чэне, потому что был уверен: эта информация не дойдет до «Си-Ай-Ю». Значит, с Блаканг-Мати был выкраен труп сына генерального директора по реэкспорту каучука, и это упорно скрывалось. Почему? Почему «Анг Сун Тонг» была так заинтересована в том, чтобы убийство Сенга осталось тайной? Ведь инсценировка кораблекрушения была устроена для того, чтобы никто не смог проверить, что Сенга не было на борту «Тумасика»!

В Аланге заговорил профессиональный сыщик — эмоции отошли на задний план.

«Почему они так навязчиво старались доказать нам, что Сенг Чэн утонул во время кораблекрушения, а не был убит? Разве мы напали на след убийц и разве они были вынуждены создать себе алиби? Нет. Они не рассчитывали, что мы наткнемся на могильник. Значит... алиби они создавали не для нас. А для кого? Кого в таком случае опасалась „Анг Сун Тонг“? Чей гнев боялась она навлечь на себя? Более сильной „триады“? Исключено. В Сингапуре нет тайного общества более сильного, чем „Анг Сун Тонг“. Тогда убийство Сенга — это внутренняя распря? Допустим. Кто-то его убивает и при этом боится возмездия со стороны более сильного члена „Анг Сун Тонг“. К убийству Сенга причастен Белый Бумажный Веер: ведь он очень нервничал, когда Патрик сказал ему, что нам известно об имитации кораблекрушения. Сенг — мальчишка и не мог занимать в „триаде“ положения выше, чем Белый Бумажный Веер. Значит, он фаворит одного из „вождей“, которых боится Белый Бумажный Веер. Белый Бумажный Веер — третья фигура в „Анг Сун Тонг“. Над ним только Хранитель Алтаря и Желтый Дракон. И Сенг — любимец либо того, либо другого. Как и Шан Чу? Впрочем, Шан Чу — человек Белого Бумажного Веера. Ведь это он плыл на „Тумасике“ с документами Сенг Чэна. Но это неважно. А что важно? — спросил себя Аланг... — Что изменилось оттого, что я доказал сам себе принадлежность Сенга к „Анг Сун Тонг“? Ничего. Выяснил, что одним подонком стало меньше. Ну и что? Слава Аллаху, что родители этого мерзавца никогда не узнают, кто их сын. Для них он останется безвременно погибшим и любимым Сенгом».

Аланг снова повернулся к детективам.

— Свяжитесь с полицейскими, которые отвезли девушку в госпиталь, узнайте адрес. Поедем туда.

Когда «Плимут» остановился у госпиталя, Аланг быстрыми шагами направился внутрь здания.

— Сюда только что привезли тяжелораненую молодую женщину, — обратился он к девушке в голубом халате, сидевшей за столом, на котором стояла табличка «Информация». — Как она?

Девушка проворно набрала нужный номер.

— Раненая находится без сознания, — объявила она, — положение очень серьезное.

— Та-ак, — протянул Аланг и, вспомнив, что здесь должен находиться Патрик, поискал его глазами.

Не обнаружив в холле инспектора, он снова повернулся к медсестре.

— Скажите... тут должен был остаться мужчина... из полиции...

— Да, — подтвердила медсестра, — полицейские в форме уехали, а один мужчина остался. Такой... очень симпатичный. Ему не разрешили подняться наверх, и он сел здесь. Все курил... У меня даже голова разболелась... — Девушка говорила с видимым удовольствием, она словно была рождена для того, чтобы сидеть за этим столом и давать информацию желающим по

самым различным вопросам — все каждую минуту спрашивал, как та... раненая. А потом вдруг подскочил к телефону и начал звонить к себе в полицию...

— Почему вы думаете, что в полицию?

— Ну, а куда же? Шефа спрашивал. А потом велел срочно выслать ему машину и двух человек.

— Вот как? — Аланг удивленно поднял брови. — Да. И уехал минут за пять до вашего прихода.

«Странно, — подумал Аланг, — куда он мог отправиться? Может быть, Джун сказала ему еще что-то важное? Нет, она ведь была без сознания. А он сейчас в таком состоянии, что может наделать глупостей. Хорошо, что поехал не один».

Аланг поблагодарил сестру и вышел из госпиталя. Сев в машину, он включил рацию.

— Алло, пятый! Алло, пятый! Говорит восьмой. Куда отправился пятнадцатый?

— Машина пятнадцатого — на Кенгчин роуд, 2. Это особняк генерального директора фирмы по реэкспорту каучука Чэна.

Когда Ло подъехал к особняку фирмы по реэкспорту каучука, было уже девять часов. В сопровождении двух детективов он подошел к входной двери, позвонил. Дверь приоткрылась, и в ней появилась пара недовольных глаз.

— Что вам угодно? — раздался сиплый голос.

— Полиция, — сказал Ло, поднося к образовавшейся щели удостоверение.

Дверь открыл слуга в темно-синей ливрее.

— Могу я видеть господина Чэна?

— Его нет дома. — Всем своим видом слуга выражал явное неудовольствие визитом непрошенных гостей.

— А его супругу?

— Госпожа Чэн плохо себя чувствует и просила ее не беспокоить.

— И все же вам придется это сделать, — твердо сказал Ло и шагнул в раскрытую дверь.

Детективы последовали за ним.

— Подождите здесь. — В тоне слуги чувствовалось пренебрежение.

Он поднялся на второй этаж и через минуту был уже снова внизу. Сухим голосом он объявил, что госпожа Чэн, как он и предупреждал, не может никого принять. Ло досадливо прищелкнул языком.

— Попросите господина Чэна по возвращении немедленно позвонить в «Криминал интеллидженс юнит», — сказал он слуге, подавая ему свою визитную карточку. — Нам очень нужна его помощь.

Слуга с холодным высокомерием наклонил голову. Затем он быстро подошел к двери и

подчеркнуто вежливо распахнул ее. В этот момент сверху раздался женский голос:

— Го, кто-нибудь приходил или мне показалось?

Ло внимательно посмотрел на опешившего лакея.

— Почему ты соврал?

— Я не хотел... беспокоить госпожу, — растерянно произнес тот.

— Что случилось, Го? — снова слышалось сверху.

По лестнице спускалась пожилая китайка с седыми волосами. Ее большие черные глаза смотрели грустно и отрешенно. Увидев незнакомых людей, она удивленно спросила:

— Кто вы такие? Что вам нужно?

— Мы из полиции, — ответил Ло, — нам нужно было поговорить с господином Чэном.

Женщина медленно спустилась вниз.

Входная дверь резко распахнулась, и на пороге появился Аланг в сопровождении нескольких человек. Женщина повернула голову, и на ее губах мелькнула горестная, едва уловимая усмешка.

— Патрик, почему... — начал Аланг.

Ло, не обращая внимания на шефа, обратился к хозяйке особняка:

— Мы не хотели бы вновь причинять вам боль, но, увы, мы на службе. Речь идет о вашем сыне.

— Я... не понимаю вас.

— Видите ли, ваш сын... не погиб во время кораблекрушения. Его убили гораздо раньше.

— Что?! — вскричала госпожа Чэн. — Убили?!

— Чтобы скрыть от кого-то свое преступление, — продолжал Патрик, — убийцы имитировали кораблекрушение «Тумасика», на котором якобы находился ваш сын. На самом деле на судне плыл один из бандитов с документами Сенга, некто Шан Чу. Не знаю, говорит ли вам о чем-нибудь это имя. Тело Сенга было закопано на Блуканг-Мати примерно за неделю до мнимой катастрофы судна. Когда мы обнаружили могильник, убийцам удалось выкрасть труп, а на его место положить другой. Извините за такие подробности, но... В общем, вы и господин Чэн должны помочь нам разыскать убийц. Поэтому подумайте и постарайтесь...

Ло не договорил. Женщина вдруг начала громко смеяться, и в ее горький, язвительный смех все сильнее врывались клокочущие, захлебывающиеся звуки. Патрик и Аланг удивленно смотрели на нее.

— Чэн должен вам помочь! — продолжала истерически хохотать женщина. — Мы должны вам помочь!

Смех резко оборвался. Госпожа Чэн начала быстро бледнеть и оперлась на телефонный столик, чтобы не упасть. Аланг подхватил ее под руку, осторожно довел до стоявшего у стены кресла и

усадила. Детектив бросился наверх в поисках воды. Когда он вернулся со стаканом, хозяйка особняка уже взяла себя в руки. Знаком она отказалась от воды и глубоко вздохнула.

— Мерзавец! — тихо, но гневно произнесла она. — Тебе еще раз удалось обмануть меня. Я чувствовала, чувствовала... Я тебе многое прощала, но убийство Сенга... — Она вскинула голову. — Сенга убил Куан Чэн — мой муж и его отец.

— Госпожа Чэн!..

— Сенга убил мой муж, — внятно повторила седая женщина.

Она, казалось, совсем успокоилась, но дрожащие руки и нервно дергающиеся губы выдавали ее душевное состояние.

— Дайте воды, — повелительно сказала она детективу.

Тот схватил стакан с телефонного столика и протянул ей. Госпожа Чэн сделала несколько судорожных глотков.

— Мой муж — глава «Анг Сун Тонг», Желтый Дракон, — продолжала она. — Когда я вышла за него замуж двадцать лет назад, я не знала, что он член тайного общества. А когда узнала, было слишком поздно. Я не могла сообщить в полицию, потому что боялась тюрьмы. Потом страх за себя прошел, но у меня появился Сенг, и все эти годы я молчала только из-за него.

Она сделала паузу и снова прерывисто вздохнула.

— Я без памяти любила Сенга и всей душой желала, чтобы у него было обеспеченное будущее. Неважно — какой ценой. Вся цель моей жизни заключалась в том, чтобы Сенг ни в чем не испытывал недостатка. Я знала все про своего мужа, выполняла все его требования, помогала ему — из-за Сенга. Я подчинялась ему беспрекословно. И только в одном проявила твердость: я не позволила ему сделать из Сенга бандита и убийцу. Мой сын остался честным человеком... Куан не очень любил Сенга, а когда тот подрос, и вовсе стал относиться к нему неприязненно, вероятно, потому, что Сенг не стал таким, как он. Сенг платил ему «взаимностью», и они постоянно ссорились. Я очень боялась, что сын узнает правду о своем отце, и делала все, чтобы не допустить этого. Но мне казалось, что в последние месяцы Сенг начал догадываться... А может, он случайно что-то узнал... Я чувствовала, что он стал относиться к отцу не просто неприязненно, а с ненавистью. Когда в конце декабря он неожиданно исчез, я сразу же предположила, что во время очередной ссоры Сенг выложил Куану, что он о нем думает, заявив, очевидно, что расскажет всем, кто его отец, и тот убил его... Но Куану удалась убедить меня, что он здесь ни при чем. Он клялся, что не имеет отношения к исчезновению Сенга, говорил, что сам сильно переживает... сына, мол, могли похитить его конкуренты. В конце концов он упрямился подождать несколько дней, обещая разыскать сына. Я согласилась, хотя и предчувствовала недоброе. Я сказала, что если это его рук дело, полиции станет все известно. Мне нечего было больше бояться. Наоборот, Куан боялся меня. А через несколько дней я получила письмо из Бангкока, которому поверила... Он сделал все, чтобы убедить меня... Он даже подменил... тело... на Блуканг-Мати. Он не мог его просто выкрасть, он знал: появившись в газетах сообщение об исчезновении одного из найденных трупов, я бы насторожилась. Потому что в душе у меня оставались сомнения. Я стала бы выяснять, почему мой муж стал таким осторожным, чего он боялся. И я докопалась бы до истины! У меня есть свои люди...

Госпожа Чэн порывисто поднялась.

— Убийца моего сына! Теперь ты ответишь за все! Вы найдете его на Леонг роуд, 39. Сейчас у них ритуал, и все главари в сборе. Я буду выступать свидетелем на суде. А сейчас оставьте меня одну.

Не попрощавшись, женщина медленно побрела наверх с поникшей головой.

Поднявшись на несколько ступенек, она вдруг замерла и медленно повернула голову:

— Го! Где Го? Задержите его: он предупредит Куана!

Детективы кинулись на поиски слуги. Но тот исчез.

— Черт! — выругался Аланг. — Трое остаются здесь, остальные едут со мной.

Садясь в машину, Аланг нажал кнопку рации. Сзади детектив уже разворачивал карту города.

— Алло, пятый! Алло, пятый!

— Пятый слушает!

— Говорит восьмой. Для всех четырех групп — немедленный выезд в квадрат... — 18-Р, — подсказал детектив. — 18-Р, — повторил Аланг в микрофон и знаком приказал своему подчиненному повернуть карту к нему.

Следя за пальцем детектива, Аланг продолжал: — ...Объект 39. Первая группа блокирует квартал со стороны квадрата 18-С, вторая — 18-К, третья и четвертая — 16-Р и 17-Р. Сейчас половина десятого. Операция начинается без четверти десять.

— Все понял, шеф, — раздался голос из аппарата. «Плимут» Аланга понесся по улицам с включенной сиреной.

— Патрик, — повернулся к инспектору шеф «Си-Ай-Ю», — мне не дает покоя чисто профессиональное любопытство: что заставило вас отправиться в дом к Чэнам?

— Я задумался над тем, почему «Анг Сун Тонг» так упорно скрывала убийство Сенга, — ответил Ло. — И сначала пришел к выводу, что Сенг — Двойной Цветок, то есть фаворит одного из «вождей», и что его убийца просто боялся мести.

Ло стал излагать Алангу ход своих рассуждений. Тот слушал не перебивая, хотя сам продумал эту версию не больше часа назад. То, что инспектор смог продвинуться дальше, чем Аланг ущемляло самолюбие шефа «Си-Ай-Ю». и его интересовало: Ло вышел на Чэнов путем логических рассуждений или ему помогла какая-то дополнительная информация, которой сам Аланг не располагал?

— Но потом, — продолжал Патрик, — я вспомнил один свой разговор с Джун. Когда я спросил ее о Сенге — ведь она была с ним знакома, — Джун ответила, что он честный и хороший парень. А Джун редко ошибается в людях, и я поверил ей. Следовательно, Сенг не мог быть членом «Анг Сун Тонг». И тем не менее между ним и кем-то из главарей «триады» существовала какая-то невидимая связь. Ведь убийцы Сенга кого-то боялись. И тогда у меня мелькнула мысль, что Сенг — либо родственник кого-то из «вождей», либо родственник их близкого друга. Значит, нужно было ехать к родителям Сенга. Только они могли вывести нас на правильный путь... Конечно, я не предполагал, что убийцей Сенга окажется его родной отец...

Когда Аланг со своими людьми проник в подземелье на Леонг роуд, там уже никого не было. У одной из стен на возвышении валялся опрокинутый квадратный столик и несколько кресел. Рядом в бронзовой курильнице еще чадили благовонные палочки. Поодаль лежало обезглавленное тело.

Аланг окинул мрачным взглядом помещение и направился к выходу.

— Свяжитесь с береговой полицией, — сказал он детективу, сидевшему в машине, — пусть усилят наблюдение за аэропортом и по всему побережью. Фотографии Чэна отправить во все полицейские участки. Усилить охрану у дома Чэна.

В это время в рации раздался щелчок. Оператор нажал кнопку приема.

— Восьмой слушает.

— Шеф, говорит пятый. Я только что получил информацию от тех, кого вы оставили в особняке на Кенгчин. Они пока не могут понять, как это случилось... Там убита женщина...

— Опять мы в дураках, — с каким-то безразличием произнес Аланг, ни к кому не обращаясь.

Патрик не смыкал глаз трое суток. Все это время Джун находилась между жизнью и смертью. Ей уже сделали две операции, но сознание так и не возвращалось к ней. На четвертый день утром инспектор не выдержал: задремал в кресле у палаты жены.

Ло проснулся от легкого прикосновения, моментально открыл глаза и вскочил. Перед ним стоял Аланг.

— Ей лучше? — спросил шеф Си-Ай-Ю.

Патрик покачал головой и снова опустился в кресло.

— Утром я разговаривал с врачом. Положение по-прежнему очень серьезное.

Аланг сел в кресло напротив. Они немного помолчали.

— Странно, что Чэн создавал себе такое громоздкое алиби в глазах жены вместо того, чтобы сразу убрать и ее, — сказал Ло.

Профессиональная привычка выдвигать предположения, строить версии, размышлять настолько прочно укоренилась в инспекторе, что не покидала его даже сейчас.

— К нам пришел пакет, в котором оказались письменные показания жены Чэна против ее мужа, — живо откликнулся Аланг. — Пакет лежал в ее личном сейфе в одном из банков. Там же хранилось ее требование вскрыть сейф в случае ее смерти. Очевидно, Чэн знал об этом, но добраться до документов не мог.

— Значит, остается только найти его...

— Да, — усмехнулся Аланг, — дело за малым.

— Теон, я хотел у вас спросить...

Аланг поднял глаза на Патрика.

— Я понимаю, полиция оказалась тогда на шоссе случайно... Ну, когда... Джун... А почему появились вы? Они, что, связались с вами напрямую?

— Вы уверены, что полиция оказалась там случайно?

— Не хотите же вы сказать, что...

— Именно. Вы молоды, а потому чрезмерно горячи и слишком уверены в себе. Я стар и потому осторожен. Я не верю в суперменов. И потом я боялся за Джун. Когда вы затеяли эту игру с Шан Чу и самонадеянно заявили, что справитесь в одиночку, я не стал возражать. Мне ведь хорошо известно ваше болезненное самолюбие. Но по моему приказу за вами и Джун ходил человек, который и сообщил мне, что противники сумели подсмотреть наши карты. Сообщить во все полицейские посты номер машины, на которой увезли Джун, оказалось, как вы понимаете, делом несложным...

Ло бросил на шефа благодарный взгляд.

— Я дважды обязан вам жизнью, Теон.

— Оставьте... — Аланг махнул рукой. — Это ерунда.

— А что не ерунда?

— Сейчас — жизнь Джун. Потом — наши счета с «Анг Сун Тонг». Впрочем, теперь я далеко не уверен в том, что нам удастся когда-нибудь их переиграть. Они сильнее нас.

— Почему вы так думаете. Теон? Ведь дело практически раскрыто...

— Слишком долго объяснять... могу только сообщить, что перед приходом сюда я распорядился арестовать шефа уголовной полиции... Помните, вас еще удивило, что «триада» слишком быстро узнала о раскопках на острове?

Ло кивнул.

— Так вот. Мы проверили, каким путем шла информация о находке на Блakanг-Мати. Это он предупредил «Анг Сун Тонг». Он задержал информацию до утра, чтобы они успели подменить труп. У них везде свои люди. Что же мы можем сделать?

— Нет, Теон, вы не правы! — горячо заговорил Патрик. — Я доберусь до них. Я сделаю это. Даже если мне придется потратить на это всю жизнь.

— Я понимаю вас, Патрик, — вздохнул Аланг. — Я все понимаю.

Дверь палаты открылась, из нее вышел врач в светло-синем халате и такого же цвета шапочке. Аланг и Ло разом поднялись.

— Как, доктор?

Тот отвел глаза в сторону.

— Никаких гарантий дать не могу. Положение слишком тяжелое. Скрывать не буду: шансов очень мало.

Ло взялся за воротник рубашки — расстегнуть пуговицу...

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

— ...нашему Великому братству нанесен серьезный удар, — негромко говорил мужчина в ярко-желтом балахоне. — Но «триада» не умерла и не умрет. Наш священный союз вечен, как Поднебесная, где он был рожден. Царь Небо, царица Земля и светлые духи наших предков, будьте свидетелями моих слов!

Мужчина кончил говорить, опустился в кресло и, повернувшись к Тану, который сидел рядом в алом одеянии Красного Жезла, негромко произнес:

— Для «Си-Ай-Ю» слишком большая роскошь иметь таких людей, как Аланг или этот, как его...

— Ло, — подсказал Тан и тут же добавил: — Я понял вас, экселенц. Скоро они не будут мешать нашему Великому братству.

— Ничего вы не поняли. Эти люди нужны нам. Подумайте хорошенько, как это сделать... Или у нас мало золота? Или есть люди, которые к нему равнодушны?

— Слушаюсь, экселенц.

Тан бросил взгляд на Желтого Дракона. Он никак не мог привыкнуть к его новым, измененным после пластической операции чертам лица. И только голос Желтого Дракона, усталый и высокомерный, по-прежнему внушал ему страх.